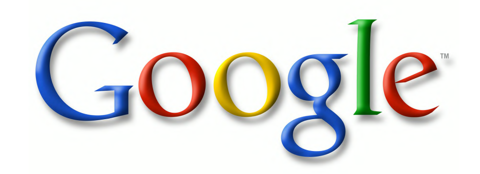

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

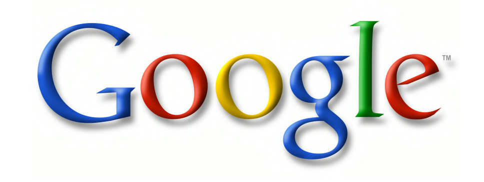
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использоваиия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Проф. Грантъ-Алленъ.

ЭВОЛЮЦІЯ ИДЕИ БОЖЕСТВА.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ О ПРОИСХОЖДЕНІИ РЕЛИГІЙ.

Въ двухъ частяхъ.

Перевелъ съ нѣмецкаго переработаннаго изданія

Е. Л. Волкъ,

подъ редакціею В. В. БИТНЕРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе «Вѣстника Знанія» (В. В. Битнера).
1906.

Предисловіе.

Извѣстный въ исторіи естествознанія англійскій ученый Грантъ-Аллен сыгравшій крупную роль, какъ поборникъ идей эволюціонизма, задался цѣль набросать въ общихъ чертахъ развитіе идеи божества, начиная съ грубых представленій первобытнаго человѣка и кончая утонченными понятіями совре меннаго образованія міра.

«Мою работу,—говоритъ авторъ,—отнюдь не слѣдуетъ считать подры вающей вѣру; нѣтъ, она можетъ лишь сотворить вѣру. Я пытаюсь разыскат и прослѣдить различные пути, по которымъ направлялась эволюція идеи бо жества; этимъ я отнюдь не думаю усомниться въ самомъ понятіи Бога».

Такова отправная точка изслѣдованія Грантъ-Аллена, въ которомъ минуя философскую сторону вопроса о существованіи Бога, авторъ зани мается другими задачами: какъ пришли люди къ вѣрѣ въ боговъ и каким путемъ превратилась ихъ вѣра изъ многобожія въ религіи, признающія суще ствованіе одного Бога? Опираясь на изслѣдованія Спенсера, Тейлора, Фразер и др., авторъ проводитъ идею развитія единобожія черезъ слѣдующіе ступени почитаніе покойниковъ, духовъ и тѣней. Свои доказательства Грантъ-Аллен черпаетъ изъ изученія какъ древняго культурнаго міра, такъ и жизни совре менныхъ низко стоящихъ первобытныхъ народовъ, а также и іудейства, из котораго возникло христіанство. Въ заключеніе авторъ дѣлаетъ выводъ, чт христіанство, какъ и другія религіи, въ концѣ концовъ беретъ начало из почитанія мертвыхъ.

Книга Грантъ-Аллена читается съ большимъ интересомъ не только вслѣд ствіе ея крупнаго научнаго значенія, не менѣе важнаго, чѣмъ соотвѣтственны работы Спенсера и Тейлора, но и благодаря замѣчательному популяризатор скому таланту автора, многія сочиненія котораго имѣются въ русскомъ пере водѣ. Неудивительно поэтому, что «Эволюція Идеи Божества» въ короткое врем разошлась въ Англіи въ 60 тысячъ экземпляровъ и переводится теперь н многіе языки. Нашъ переводъ сдѣланъ съ нѣмецкой переработки этого сочи ненія, сдѣланной Имомъ.

Не сомнѣваясь, что читатели заинтересуются вопросомъ исторіи религій мы рекомендуемъ тѣмъ изъ нихъ, которые захотѣли бы еще ближе познако миться съ этимъ вопросомъ, обратиться къ печатающемуся въ «Научно Библіотекѣ» новому изданію «Иллюстрированной Исторіи Религій» Шонтеп де-ля-Сосей.

В. Битнеръ.

Проф. Грантъ-Алленъ.

Эволюція идеи божества.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава I.

Христіанство, какъ примѣръ эволюціи религіи.

Настоящій трудъ имѣетъ своей цѣлью изложить возможно полнѣе эволюцію идеи божества отъ самыхъ раннихъ и самыхъ грубыхъ зачатковъ ея, лежавшихъ въ сознаніи первобытнаго человѣка, до того чистаго и высокоразвитого образа, который она приняла, благодаря дѣятельности философовъ и богослововъ нашего времени. При изученіи происхожденія и исторіи этой идеи, главное вниманіе изслѣдователя, стоящаго на точкѣ зрѣнія новѣйшаго ученія объ эволюціи, сосредоточено прежде всего въ области психологіи. Передъ нами неисчислимое множество вѣрныхъ и ложныхъ человѣческихъ понятій о божествѣ, которыя оказали и еще продолжаютъ оказывать большое вліяніе на развитіе человѣчества и его нравственности. Возникаютъ вопросы: какъ вообще человѣкъ пришелъ къ этимъ понятіямъ и идеямъ? Что побуждало первобытнаго человѣка, окруженнаго столь неблагопріятными жизненными условіями, создавать такія абстрактныя понятія болѣе или менѣе метафизическаго содержанія, для реальнаго бытія которыхъ онъ не могъ найти въ природѣ ясныхъ и очевидныхъ доказательствъ? Итакъ, понимая вопросъ о происхожденіи религіи, какъ вопросъ, главнымъ образомъ, прогресса человѣческаго духа, я долженъ заранѣе оставить всякія попытки входить въ оцѣнку и критику того или иного религіознаго вѣрованія, съ которымъ мнѣ придется имѣть дѣло въ дальнѣйшемъ. Насъ не касаются вопросы, есть ли одинъ Богъ или много боговъ, каковы свойства и бытіе того или иного изъ нихъ. Вопросъ, подлежащій нашему разрѣшенію, мы формулируемъ слѣдующимъ образомъ: что впервые привело человѣческое сознаніе къ идеѣ божества? Какимъ образомъ изъ первоначальнаго представленія о пантеонѣ боговъ, господствовавшаго въ первобытныя времена во всѣхъ человѣческихъ расахъ, развилась и утвердилась идея единаго, великаго, неограниченнаго въ могуществѣ божества?

Подобная постановка вопроса оставляетъ совершенно въ сторонѣ объективное содержаніе идеи. Когда мы изслѣдуемъ лишь происхожденіе какого-нибудь понятія, мы отнюдь не критикуемъ его содержанія; мы принимаемъ его такъ, какъ оно есть. Идея тяжести развивалась постепенно

въ человѣческомъ сознаніи и получила окончательную форму въ извѣстномъ ньютоновскомъ законѣ. Если бы мы вздумали прослѣдить шагъ за шагомъ развитіе этого закона, то это вовсе не означало бы, что мы сомнѣваемся въ его истинности. Точно такъ же любой вѣрующій христіанинъ можетъ утверждать, что люди дошли естественнымъ путемъ до познанія истиннаго Бога; немыслимо считать окончательную формулу ложной потому только, что до нея дошли долгимъ, постепеннымъ процессомъ. Богъ-творецъ, правда, предпочелъ бы сразу открыться избранному человѣческому обществу; но Богъ эволюціонирующій предпочелъ бы, мы должны такъ полагать, открыть людямъ свою сущность и свои свойства въ такихъ же долгихъ и осязательныхъ попыткахъ человѣческаго ума, въ которыхъ онъ открываетъ намъ истины окружающаго насъ міра природы. А потому мою работу отнюдь не слѣдуетъ считать подрывающей вѣру; нѣтъ, она можетъ лишь сотворить вѣру. Я пытаюсь разыскать и прослѣдить различные пути, по которымъ направлялась эволюція идеи божества; этимъ я отнюдь не думаю усомниться въ самомъ понятіи Бога.

При анализѣ всякаго сложнаго явленія часто бываетъ наиболѣе продуктивно переходить отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, хотя при наличности логическихъ основаній можно было бы поставить неизвѣстное впереди. Поэтому я считаю полезнымъ начать свое изслѣдованіе бѣглымъ, короткимъ очеркомъ христіанства, ибо для насъ это самая близкая изъ всѣхъ религій, а кромѣ того происхожденіе его намъ лучше всего извѣстно. Христіанство послужитъ намъ въ дальнѣйшемъ образцомъ и примѣромъ, при разсмотрѣніи трудно понимаемыхъ явленій того или иного культа.

Принимая христіанство за образецъ религіи, мы имѣемъ въ виду то его очевидное преимущество почти передъ всѣми формами вѣрованія, что оно вполнѣ открыто связываетъ свое происхожденіе съ культомъ отдѣльнаго обожествленнаго человѣка. Важность и значеніе этого момента въ его исторіи, по моему мнѣнію, еще не можетъ быть достаточно выяснена; ибо мы имѣемъ здѣсь ключъ къ чему-то такому, что составляетъ центръ тяжести во всѣхъ другихъ религіяхъ. Всякая религія, какъ я надѣюсь показать, косвенно или непосредственно вытекаетъ изъ культа одного или многихъ обожествленныхъ людей, которые одухотворяются въ большой или меньшей степени.

Несмотря на различіе мнѣній по вопросу о происхожденіи христіанства, всѣ друзья и враги его признаютъ, что эта великая религія возникла въ связи съ личностью опредѣленнаго галилейскаго учителя (rabbi), по имени Іисуса, о которымъ мы знаемъ (если вообще о немъ извѣстно что-нибудь достовѣрно), что онъ происходилъ изъ простого народа и былъ распятъ въ Іерусалимѣ въ правленіе намѣстника Понтія Пилата. Вокругъ личности этого галилеянина-реформатора сразу же сложился циклъ легендъ (достовѣрность которыхъ для насъ не имѣетъ никакого значенія). Въ глазахъ небольшой кучки учениковъ-земляковъ, онъ мало-по-малу возросъ до божества; о немъ стали разсказывать странныя исторіи; эти «исторіи» распространяла растущая толпа его приверженцевъ во всѣхъ частяхъ римско-греческаго міра. Раньше всего, по всей вѣроятности, сложилось сказаніе о смерти его и событіяхъ, непосредственно слѣдовавшихъ за ней; этому сказанію піонеры новой вѣры приписали огромное значеніе. Намъ разсказываютъ, что Іисусъ былъ распятъ, умеръ и былъ похороненъ. Но черезъ три дня, если мы повѣримъ раннимъ извѣстіямъ христіанской традиціи, его тѣла не нашли въ гробу, куда его положили любящія руки; и распространился слухъ о его воскресеніи. Сверхъестественные вѣстники сообщили о воскресеніи любившимъ его женщинамъ; за короткое время нѣкоторые изъ близкихъ учениковъ видѣли его «во плоти». Наконецъ,

послѣ многихъ такихъ явленій, онъ на глазахъ своихъ приверженцевъ вознесся въ облака и тамъ, какъ гласитъ одинъ изъ источниковъ, «былъ взятъ на небо и сѣлъ одесную Бога», т. е. іудейскаго національнаго бога—Iahve.

Таково ядро первоначальнаго христіанскаго ученія, которое дошло до насъ, искаженное чудесами, въ четырехъ или пяти памятникахъ сомнительной древности и достовѣрности. Но даже эта основная мысль не достаточно ясно выражена въ посланіяхъ апостола Павла, которыя обыкновенно считаются самыми древними христіанскими сочиненіями; вполнѣ яркой и выпуклой она становится лишь въ евангеліяхъ и въ «Дѣяніяхъ апостоловъ», составленныхъ нѣсколько позже. Изъ болѣе простыхъ и, вѣроятно, самыхъ раннимъ свидѣтельствъ мы узнаемъ только исторію смерти и воскресенія, при разсказѣ о которыхъ ссылаются на сомнительное показаніе «молодого человѣка въ длинной бѣлой одеждѣ». Въ добавленіе къ этому, въ позднѣйшую эпоху присоединили «явленія» Іисуса многимъ вѣрующимъ. Наше изслѣдованіе, стоящее на антропологической точкѣ зрѣнія, проходитъ мимо всѣхъ споровъ, которые были вызваны въ наукѣ этими разсказами. Намъ достаточно установить (а для этого имѣются вѣскія доказательства), что въ Галилеѣ жилъ дѣйствительный, реальный историческій человѣкъ, по имени Іисусъ, и что его ученики, тотчасъ послѣ его смерти, увѣровали, что онъ воскресъ и черезъ нѣкоторое время вознесся на небо. Далѣе, очень рано стали говорить, что Іисусъ «сынъ Божій» въ неестественномъ и сверхъестественномъ смыслѣ; т. е., еще разъ подчеркиваю, сынъ Iahve, національнаго и территоріальнаго божества іудеевъ. Другими словами, культъ Іисуса былъ поставленъ въ преемственную связь съ болѣе древнимъ историческимъ культомъ народа, среди котораго онъ жилъ, и изъ рядовъ котораго вышли всѣ, безъ исключенія, первые ученики. Такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло отнюдь не съ какой-нибудь новой религіей, которая имѣла бы цѣлью подорвать или уничтожить старую, но которая, наоборотъ, базировалась на тѣхъ идеяхъ, которыя были общи всему семитическому народу. Тѣ немногіе іудеи и галилеяне, которые видѣли въ Іисусѣ божественный образъ, вовсе не считали нужнымъ, принимая новую вѣру, отказываться отъ своихъ прежнихъ религіозныхъ воззрѣній. Наоборотъ, эти воззрѣнія усиливали ихъ вѣру въ Іисуса, въ его прежнее бытіе, какъ части Iahve, и въ превращеніе его въ человѣка въ цѣляхъ искупленія. И когда его культъ распространился по сосѣднимъ странамъ (въ дѣйствительности, благодаря дѣятельности нѣкоего Павла изъ Тарса, который въ жизни никогда его не видѣлъ, но узналъ его въ такъ называемомъ «видѣніи»), то культъ Iahve понемногу принялъ видъ того измѣненнаго мистическаго монотеизма, который вмѣстѣ съ іудейскими основами составляетъ древнее исповѣданіе новой христіанской всемірной церкви.

Вокругъ личности и жизни вождя христіанства, какъ и всякаго основателя религіозной формы, разросся циклъ еще другихъ легендъ или, вѣрнѣе, его приверженцы стали распространять различные разсказы, какъ факты изъ его біографіи. Рожденіе бога или божественной личности естественнымъ путемъ отъ женщины показалось имъ оскорбительнымъ для достоинства Іисуса или даже могло бы, по ихъ мнѣнію, повліять на успѣхъ пропаганды его вѣры, поэтому стали утверждать, что учитель былъ рожденъ дѣвой по таинственному внушенію свыше. Хотя иногда онъ и называется сыномъ назаретскаго плотника Іосифа и его законной жены Маріи, однако въ немъ видѣли сына бога іудеевъ—Iahve, подобно тому, какъ Александръ Великій считался отраслью бога Амнона-Ра или Аммона-Юпитера, хотя всѣ знали, что онъ сынъ Филиппа Македонскаго. Говорили же

(по недостаточному свидѣтельству — сну Іосифа), что Іисусъ родился отъ дѣвы Маріи и святого духа Іаhve. Далѣе, его производили изъ царскаго рода Давидова, отъ дѣйствительнаго или миѳическаго царя іудеевъ; въ священныхъ книгахъ евреевъ подыскивали пророчества, которыя яко-бы осуществлялись въ самыхъ ничтожныхъ случаяхъ его жизни. Въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ описаній жизни Іисуса, которое приписывается Лукѣ, одному изъ спутниковъ апостола Павла, но которое въ дѣйствительности носитъ слѣды болѣе поздняго времени, передается много чудесъ изъ его юности; въ другихъ памятникахъ разсказывается также о его сверхъестественной силѣ, при чемъ вездѣ для подверждeнія истинно божественной миссіи приводятся древне-еврейскія пророчества.

Позднѣе мы увидимъ, что оба эти пункта—постепенное наростаніе миѳа или легенды и его обоснованіе болѣе древними мѣстными религіозными идеями—являются параллельными въ процессѣ эволюціи боговъ вообще и всякаго бога въ частности. Почти въ каждомъ случаѣ, гдѣ мы можемъ прослѣдить такую эволюцію до самаго конца, божество возникаетъ изъ обожествленнаго человѣка. Такой богочеловѣкъ возвышается своими почитателями до степени Бога; жизнь и личность его окружается ореоломъ чудесъ и часто ставится въ связь съ личностью уже имѣющихся боговъ.

Очевидно, что первоначально юное христіанство стояло въ неопредѣленномъ отношеніи къ іудейству: христіане разсматривали себя, какъ іудейскую секту; они отличались отъ іудеевъ лишь особымъ почитаніемъ своего умершаго учителя, который, по ихъ вѣрованію, для прославленія былъ взятъ на небо обычнымъ для того времени путемъ. Но по мѣрѣ того, какъ разросталась христіанская церковь, она, съ одной стороны, все болѣе точно самоопредѣлялась въ то время, какъ, съ другой стороны, развивалось особымъ путемъ ея вѣроученіе. Повидимому, только въ Египтѣ ученіе о тріединости получило свою окончательную форму. Подъ вліяніемъ стараго пристрастія египтянъ къ тріадамъ, или тріединымъ божествомъ, изъ еврейскаго «Іаhve» и человѣка Іисуса при помощи «духа святого» или « мудрости Іаhve» составилось нѣчто въ родѣ таинственнаго тріединаго божества. Какое вліяніе могла оказать египетская троица—Озирисъ, Изида и Горусъ—на созданіе идеи троицы: Отца, Сына и Духа Святого—объ этомъ рѣчь впереди; предварительно укажемъ только, что египтянинъ Аѳанасій былъ самымъ ярымъ защитникомъ установленнаго догмата троичности, и что названное по его имени исповѣданіе проникнуто вполнѣ мистическимъ египетскимъ духомъ, который повсюду смягченъ пристрастіемъ александрійскихъ грековъ къ точному разграниченію философскихъ оттѣнковъ.

И въ этомъ отношеніи исторія христіанства, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, нисколько не отличается отъ исторій другихъ религій. Сперва отношеніе боговъ другъ къ другу неясно и колеблется; ихъ происхожденіе темно и часто полно противорѣчій; и на Олимпѣ еще нѣтъ никакихъ слѣдовъ различія боговъ по рангу и положенію. Но съ теченіемъ времени священниками и прочими посвященными возбуждаются теологическіе и миѳологическіе споры; детали устанавливаются въ формѣ неколебимыхъ религіозныхъ нормъ; и только тогда въ первоначальную грубую вѣру вводятся философскія и метафизическія тонкости и прикрасы.

Въ другихъ странахъ, внѣ Іудеи, а именно въ Галліи, Римѣ и Египтѣ огромную помощь мистикѣ оказалъ обычай употребленія символовъ, эмблемъ: здѣсь возникли всѣ символическія фигуры древняго христіанства, между прочимъ крестъ (греческое тау τ), монограмма Христа—ихтюсъ (ἰχθύς), альфа и омега и др.; здѣсь же впервые оформились зачатки христіанскаго искусства. Именно потому, что христіанство стремилось стать религіей міровой, а не

территоріально-національной, оно должно было на своемъ пути завоеваній заимствовать нѣкоторыя части ученія изъ разнообразныхъ источниковъ.

Первоначально въ христіанствѣ царилъ только тріединый Богъ въ его трехъ лицахъ. Но уже очень рано, если не при самомъ зарожденіи христіанскаго культа, было въ обычаѣ почитать останки тѣхъ, которые пострадали за вѣру, быть можетъ даже обращаться къ помощи ихъ при молитвахъ Отцу и Іисусу. Римская вѣтвь юной церкви, тѣсно связанная съ культомъ предковъ и «Dii Manes» *), устраивала богослуженія въ подземельяхъ-катакомбахъ: сюда ея послѣдователи сходились для общихъ молитвъ; здѣсь же хоронили они своихъ покойниковъ. Отсюда возникъ обычай призывать въ качествѣ просителей или заступниковъ передъ лицомъ Христа и Отца тѣхъ святыхъ, на могилахъ или мощахъ которыхъ совершались молитвы. Древніе христіане привыкли еще, въ качествѣ язычниковъ, почитать души своихъ умершихъ близкихъ; и этотъ благочестивый обычай они перенесли въ новую вѣру. Такимъ образомъ, всѣ участники въ созданіи христіанства, какъ-то: Павелъ, Петръ, апостолы, евангелисты, мученики и другіе, въ глазахъ исповѣдующихъ новую вѣру, заняли положеніе божествъ второго ранга.

Среди личностей, удостоившихся почестей въ христіанствѣ, мать Іисуса уже очень рано заняла исключительное мѣсто. Вѣдь богини играли большую роль въ болѣе древнихъ религіяхъ; поэтому вполнѣ естественно, что почитатели Изиды и Паштъ *), Артемиды и Афродиты, въ юной религіи обратились къ предмету женскаго культа. Родительница Бога, мать Бога, св. Дѣва скоро получила особую важность въ христіанскомъ культѣ, занявъ мѣсто почти наравнѣ съ Троицей, а въ южныхъ странахъ Европы и превзойдя ее. Излюбленнымъ сюжетомъ христіанскаго искусства стала Дѣва и Младенецъ. Позднѣе будетъ показано, сколь глубоко въ данномъ случаѣ вліяніе Египта на эту особенность духовнаго развитія христіанства, и какъ идея Дѣвы относится къ египетской богинѣ Изидѣ и ребенку Горусу на ея колѣняхъ. Замѣтимъ лишь, что всѣ эти полу-боги или божества второго ранга, святые и мученики, были реальными, историческими существами. Другими словами: наряду съ Богочеловѣкомъ Іисусомъ нынѣшняя христіанская церковь почитаетъ цѣлую массу менѣе значительныхъ мужей и женъ, епископовъ, святителей, дѣвъ, мучениковъ и другихъ,—которые въ этой церковной іерархіи занимаютъ мѣсто ступенью ниже Іисуса.

Многобожіе, введенное путемъ обычаевъ въ христіанство, росло все больше и больше. Религія, въ первые дни номинально монотеистическая, принявъ принципъ 3 лицъ въ одномъ божествѣ, скоро отступила отъ строгаго монотеизма, хотя и старались (тщетно, увы) снова привести Троицу къ единству путемъ столь же необъятной, сколь и таинственной догмы Аѳанасія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мадонна (съ младенцемъ) съ теченіемъ времени достигла такого почитанія, что поднялась до степени независимаго божества; въ то же время отдѣльные святые (напримѣръ Севастіанъ, Георгій, Іоаннъ Креститель, Екатерина и Ѳома *) Кентерберійскій), въ разныхъ мѣстахъ стали такими же значительными по культу, какъ и само божество. Такъ какъ въ каждомъ поколѣніи появлялись свои святые, то Олимпъ второго ранга все болѣе заполнялся, въ то время какъ культъ предыдущухъ святыхъ продолжалъ существовать. Незначительныя личности въ родѣ свя-

*) Dii Manes—души умершихъ. На римскихъ памятникахъ ставились инціалы. Д. М. (Diis manibis=душамъ умершихъ). Эти же инціалы первоначально ставились и христіанами.

*) Паштъ или Сехетъ—египетская богиня плодородія. Она обыкновенно изображалась съ кошачьей головой.

*) Ѳома Бекетъ—архіепископъ кентерберійскій. Въ 1170 г. убитъ англійскими лордами у алтаря въ каѳедральномъ соборѣ. Въ 1173 г. причисленъ къ лику святыхъ.

тыхъ Криспина, Косьмы, Хада, Кутберта, заняли въ качествѣ различныхъ окружныхъ патроновъ положеніе мѣстныхъ божествъ болѣе древнихъ религій. Каждое ремесло, каждый цехъ, каждый народъ, каждая провинція имѣютъ своихъ святыхъ. И въ то же самое время въ церкви также происходилъ переворотъ. Прибывали все новые символы вѣры: апостольскій, никейскій, аѳанасіевскій и другіе; каждый изъ нихъ содержалъ новыя и очень часто хитроумныя добавленія къ массѣ признанныхъ уже догмъ. Соборъ за соборомъ прибавлялъ все новые члены вѣры отъ единства Божія до непогрѣшимости папы въ духовномъ смыслѣ. И все это—хорошо извѣстныя явленія въ процессѣ развитія всякаго культа: постепенное усовершенствованіе членовъ вѣры подъ вліяніемъ жреческой и философской учености.

Еще нѣкоторые пункты должны мы отмѣтить въ развитіи христіанства при разсмотрѣніи его, какъ образца религіозныхъ формъ.

Относительно церковныхъ обычаевъ и другихъ важныхъ частей религіознаго ритуала слѣдуетъ прямо сказать, что христіанство предпочло позаимствовать ихъ изъ болѣе древнихъ культовъ, вмѣсто того чтобы продѣлать самому ихъ естественное и оригинальное развитіе. Нынѣшнее священство, повидимому, было вовсе необязательно въ древнемъ христіанствѣ; и достоинства епископовъ, священниковъ и діаконовъ были введены въ него скорѣе, какъ подражаніе жречеству древнихъ религій, чѣмъ по внутреннему сродству съ основными принципами новой вѣры. И подобное подражаніе неизбѣжно по самому смыслу вещей. Ибо первообразъ храма—могила и алтарь—могильный камень; а первымъ священникомъ былъ родственникъ умершаго или его замѣститель, приносившій обычные дары на могилѣ усопшаго. И отличіе культа Іисуса, почти отъ всѣхъ другихъ культовъ, состоитъ именно въ томъ, что его останки, по сообщенію памятниковъ, вскорѣ исчезли; а въ основу новаго религіознаго строенія легли воскресеніе и вознесеніе Іисуса. А потому культъ его тлѣннаго тѣла необходимо долженъ былъ принять нѣсколько иной видъ, чѣмъ во всѣхъ тѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ обожествлялись мертвые люди. И въ дальнѣйшемъ поэтому не доставало всѣхъ тѣхъ частей культа, изъ которыхъ при нормальныхъ обстоятельствахъ развивались храмъ, алтарь, жертвы и священство.

Между тѣмъ эти важныя и обычныя (хотя и стороннія) детали настолько тѣсно примыкаютъ, по понятіямъ приверженцевъ всякой религіи, къ самой ея сути, что христіанскій культъ счелъ необходимымъ создать ихъ, хотя бы для этого и пришлось прибѣгнуть къ заимствованію изъ предыдущихъ религій. Впослѣдствіи эти чуждыя нормы были приведены въ извѣстную искусственную связь съ основнымъ ученіемъ. Внѣшними толчками невозможно вызывать переворотовъ въ человѣческомъ духѣ. Язычники привыкли разсматривать институтъ жречества, храмъ и алтарь, какъ неотъемленную часть своей религіи; ставъ же христіанами, они продолжали подводить ихъ подъ понятія новой вѣры; хотя эти элементы, по самой своей природѣ, были отнюдь неумѣстны въ христіанствѣ.

Не только возникали святыни на могилахъ святыхъ или мучениковъ; не только совершались богослуженія на мощахъ святыхъ въ катакомбахъ и иныхъ мѣстахъ, но придумали также устраивать во время обѣдни жертвы, жертвенныя трапезы,—какое-то искусственное развитіе первобытныхъ христіанскихъ «трапезъ любви» (агапе), происходившихъ вѣроятно, даже безъ участія священниковъ. Мало-по-малу возникали церкви на реликвіяхъ священномучениковъ, и съ теченіемъ времени стало нормальнымъ обычаемъ, что каждая церковь должна имѣть алтарь, сооружавшійся по образу и подобію древнихъ священныхъ камней. Этотъ алтарь содер-

жалъ въ себѣ останки или мощи святого; его освящали, подобно всѣмъ болѣе древнимъ могильнымъ камнямъ, поливаніемъ масла; предназначался онъ для торжественнаго принесенія жертвы во время обѣдни. Все это мало-по-малу принимало все болѣе и болѣе жреческій и искупительный характеръ. Когда возрасло значеніе и авторитетъ святыхъ, возникли новыя святыни, вблизи ихъ могилъ, нѣкоторыя изъ такихъ мѣстъ стали центромъ паломничества даже изъ самыхъ далекихъ христіанскихъ странъ; въ особенности извѣстна пустая могила Іисуса, такъ называемый, «гробъ Господень» въ Іерусалимѣ.

Возрастаніе значенія священничества въ общемъ шло параллельно съ ростомъ церковныхъ обязаностей, пока наконецъ оно не достигло апогея въ средніе вѣка, при расцвѣтѣ папства съ его іерархіей кардиналовъ, архіепископовъ, епископовъ, прелатовъ и безчисленнаго причта. Появились облаченія, ризы, ладанъ и другія принадлежности жреческаго бытія. Все это соотвѣтствуетъ вообще болѣе высокимъ ступенямъ развитія любого культа. Точно также появились посты,—запрещеніе въ нѣкоторые дни недѣли ѣсть мясо и прочую скоромную пищу. Но зато монашество, безбрачіе, кастрація и другія формы болѣзненнаго воздержанія особенно часты лишь на Востокѣ; высшее свое проявленіе эти формы нашли въ образѣ жизни сирійскихъ и египетскихъ отшельниковъ.

Въ заключеніе скажемъ еще нѣсколько словъ о происхожденіи и развитіи священныхъ книгъ, которыя достигли въ настоящее время обычнаго поклоненія въ сѣверо-западномъ христіанствѣ. Первоначально онѣ состояли изъ подлинныхъ или подложныхъ писемъ апостоловъ къ различнымъ мѣстнымъ общинамъ, такъ называемыхъ «посланій», изъ которыхъ нѣкоторыя, безъ сомнѣнія, особенно почитались и охранялись; позднѣе присоединились появившіяся легендарныя біографіи Іисуса и его личныхъ учениковъ—евангелія и Дѣянія апостоловъ. Далѣе, когда христіанство переняло отъ іудейства культъ единаго высшаго божественнаго начала и разсматривало его уже не какъ «Jahve» — національнаго іудейскаго бога, но какъ Бога и Отца всего міра, то, въ глазахъ новаго священничества, получили особое значеніе и авторитетъ священныя книги іудейскаго народа—письменность культа Jahve. Происходившій въ теченіе долгаго времени отборъ сочиненій привелъ къ «канону» св. писанія, составленному изъ различныхъ частей, не объединенныхъ въ одно цѣлое; церковью были приняты историческіе или якобы историческіе и пророческіе іудейскіе трактаты, къ которымъ добавили произведенія позднѣйшей эпохи, напримѣръ, книгу Даніила. Все это получило названіе Ветхаго Завѣта.

Книги, имѣвшія болѣе общеобязательное значеніе, какъ-то жизнеописанія Іисуса—евангелія; дѣянія апостоловъ, посланія къ общинамъ и странная мистическая аллегорія изъ эпохи нероновскихъ гоненій—апокалипсисъ, или откровеніе Іоанна, были избраны изъ огромнаго числа древне-христіанской письменности и образовали авторитетный кодексъ божественныхъ писаній, санкціонированныхъ церковью,—такъ называемый Новый Завѣтъ. Вліяніе этихъ разнообразныхъ по составу сборниковъ, въ которые вошли образцы письменности различныхъ лицъ и различныхъ историческихъ періодовъ; сборниковъ, извѣстныхъ въ народѣ подъ однимъ общимъ именемъ Библіи, расло параллельно съ возвышеніемъ авторитета церкви. Въ настоящее время наиболѣе ярыми и фанатичными почитателями Библіи являются полуобразованные приверженцы англійскихъ и американскихъ сектъ.

Изъ этого бѣглаго и короткаго обзора главнѣйшихъ факторовъ въ развитіи христіанскаго вѣроученія, предпосланнаго нами только въ виду требованій нашего дальнѣйшаго изслѣдованія, всякій проницательный чи-

татель ясно увидитъ, что христіанство не можетъ намъ дать никакихъ прямыхъ разъясненій по вопросу эволюціи идеи божества. Ибо понятіе единаго Бога или многихъ боговъ существовало не только задолго до возникновенія христіанства, но уже за много столѣтій до рожденія человѣка—Іисуса, іудейскіе учители дошли до простого и яснаго, строго монотеистическаго представленія о Единомъ, Величайшемъ Богѣ, Творцѣ, Создателѣ и Вседержителѣ всего міра. Христіанство заимствовало у іудейства эту высокую идею и, говоря откровенно, погубило ее введеніемъ сына и Св. Духа, ибо благодаря этому совершенное единство іудейской идеи было нарушено и уничтожено. Но не только въ Іудеѣ дошли до понятія единаго Бога; въ Египтѣ «тайное ученіе» жрецовъ заключалось въ изображеніи и представленіи, правда, въ мистическихъ образахъ, единаго Бога, и отсюда-то по большей части и были взяты христіанскія догмы троичности, логоса, воплощенія святого Духа. Александрійскіе іудеи были посредниками между египетскимъ язычествомъ, греческой философіей и древнимъ христіанствомъ; ихъ полу-философскія, полу-религіозныя идеи мы находимъ въ первыхъ сочиненіяхъ нарождающейся церкви. Такимъ образомъ, христіанство, въ какомъ бы отношеніи ни разсматривать его, не можетъ непосредственно служить намъ исходнымъ пунктомъ при разборѣ вопроса о происхожденіи и развитіи идеи моно-и политеизма.

Однако, по моему мнѣнію, съ полнымъ правомъ можно признать исторію христіанства типичной для всѣхъ другихъ религій, такъ какъ зачатки его намъ лучше всего извѣстны.

Въ этомъ отношеніи значеніе его станетъ наиболѣе понятнымъ, если я укажу, въ чемъ оно можетъ и въ чемъ не можетъ послужить для насъ образцомъ.

Для насъ въ христіанствѣ особенно важно то, что его главнымъ содержаніемъ, первоначально, былъ исключительно культъ обожествленнаго человѣка. Все прочее, что церковь утверждаетъ объ этомъ реальномъ лицѣ—что онъ сынъ Божій; что онъ воплощеніе Логоса; что онъ жилъ во всѣ вѣка, что теперь онъ сидитъ «одесную Отца»—все это—богословскія росказни. Онѣ не могутъ затемнить той ясной и всѣмъ понятной истины, что эта божественная личность—Богъ, равный въ сущности Отцу, рожденный Отцомъ, указанный Отцомъ прежде, чѣмъ былъ свѣтъ,—былъ человѣкомъ—рано умершимъ, почитаемымъ небольшимъ количествомъ крестьянъ-галилеянъ, которые знали его, какъ Іисуса, сына плотника.

Если въ нашемъ очеркѣ христіанской вѣры мы оставимъ въ сторонѣ одну ея часть, а именно — уже тогда извѣстнаго въ качествѣ высшаго Бога — іудейскаго Іаhve, заимствованнаго христіанствомъ изъ іудейской религіи, то мы можемъ утверждать, что каждый элементъ христіанскаго Олимпа — Іисусъ, Мадонна, Іоаннъ Креститель, Петръ, апостолы, авангелисты, были реальными людьми, которые послѣ смерти удостоились божескихъ или почти божескихъ почестей, подобно святымъ Карлу Борремеусу, Ѳомѣ Контерберійскому или святой Терезѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ при изслѣдованіи выясняется, что въ наилучше извѣстной намъ религіи, единственной, которая выросла при свѣтѣ исторіи, единственной, боги и святые которой достовѣрно извѣстны, каждый объектъ культа является реальнымъ лицомъ, если, конечно, оставить въ сторонѣ единственно древнее и до сихъ поръ необъяснимое божество Израиля, происхожденіе котораго пропадаетъ во тьмѣ вѣковъ. Этотъ моментъ, который до сихъ поръ еще не оцѣненъ по достоинству, по моему мнѣнію, осебенно важенъ при изслѣдованіи происхожденія божества.

Во-вторыхъ, въ качествѣ образца, мы можемъ взять въ христіанствѣ все то, что составляетъ дальнѣйшую его эволюцію, а именно: постепенное

возвышеніе одного изъ почитаемыхъ существъ до Бога съ неограниченной силой, появленіе божествъ второго ранга — святыхъ, вслѣдствіе обожествленія различныхъ умершихъ мужчинъ и женщинъ; нарожденіе замкнутаго строго іерархическаго класса духовныхъ лицъ; возникновеніе чудесной легенды, образованіе опредѣленнаго вѣроученія, философіи и прямой догмы; канонизація священныхъ книгъ, нормъ ритуала и богослужебныхъ формулъ; созданіе церковныхъ обрядностей, мистерій, посвященій, таинствъ, почитанія реликвій, св. мѣстъ, гробницъ, могилъ и мощей; установленіе строгой связи между религіей, какъ цѣлаго, съ идеями смерти, души, духа, воскресенія мертвыхъ, вѣчнаго суда, ада, неба, загробной жизни. Эти идеи составляютъ ту обширную группу представленій, съ которыми въ сознаніи первобытнаго человѣка связывается фактъ смерти. Съ другой стороны, христіанство въ нѣкоторыхъ пунктахъ отнюдь не можетъ служить намъ образцомъ.

Уже потому, что оно заимствовало у болѣе древнихъ религій наличную готовую теологію и прежде всего единаго, высшаго Бога, оно не можетъ быть для насъ примѣромъ. Въ каждой развивающейся религіи мы наблюдаемъ (это можно съ увѣренностью утверждать), что она перенимаетъ нѣкоторыя черты другихъ культовъ, ибо каждая новая религіозная система базируется на болѣе древнихъ понятіяхъ; и вообще, врядъ ли возможно указать какую-нибудь неиспорченнную чистую и самостоятельную древнюю религіозную форму. Именно христіанство въ этомъ смыслѣ весьма неоригинально, ибо оно восприняло готовую вѣру въ единаго Бога, служащую какъ бы показателемъ высоты всякаго религіознаго мышленія. Благодаря той откровенности, съ которой христіанство признаетъ обожествленнаго и одухотвореннаго галилейскаго крестьянина—реальнымъ элементомъ своего высшаго божества, мы въ состояніи, правда, подойти на шагъ ближе къ источнику Божества. Но съ другой стороны христіанство—самая абстрактная религія, такъ какъ она особенно подчеркиваетъ, что второй элементъ Божества (Отецъ съ его вѣчнымъ спутникомъ — Духомъ Святымъ) не имѣетъ въ себѣ ничего человѣческаго и что происхожденіе его теряется въ сѣдой древности. Поэтому если бы мы захотѣли прослѣдить происхожденіе этой идеи, то мы должны были бы обратиться къ необъяснимому элементу христіанства — къ іудейскому Іаһve. Тоже самое изслѣдованіе, которое мы примѣняемъ къ Іисусу или Будѣ должно намъ показать, что и Іаһve тоже есть необычайно возвеличенный и возвышенный духъ какого-нибудь матеріальнаго существа. Далѣе христіанство заимствовало весьма широко у чужихъ культовъ идеи священства, жертвы, храма, алтаря, хотя въ христіанствѣ всѣ эти идеи имѣютъ нѣсколько менѣе важное значеніе, чѣмъ въ другихъ извѣстныхъ намъ религіозныхъ формахъ. Это является слѣдствіемъ страннаго исчезновенія или, по крайней мѣрѣ, отсутствія трупа его основателя. Великолѣпные храмы, многочисленное духовенство, мессы, алтари, реликвіи, — все это введено въ христіанство постепенно, но все это частью заимствовано, частью присоединилось, какъ естественное добавленіе къ культу святыхъ и мучениковъ, ихъ останковъ, ихъ гробницъ, катакомбъ и реликвій.

Въ дальнѣйшихъ главахъ я хочу прослѣдить развитіе идеи божества отъ самыхъ грубыхъ, зачаточныхъ его формъ до самыхъ высокихъ. Я начинаю съ духа и съ неразвитаго, древняго божества; потомъ перейду къ политеизму; къ появленію единобожія, а затѣмъ снова возвращусь къ сложному христіанскому пониманію Бога. Я попытаюсь представить эволюцію идеи Бога, отправляясь отъ эволюціи идеи божества вообще, пока я не дойду, наконецъ, послѣ постепеннаго разсмотрѣнія боговъ другихъ народовъ, до высоко развитыхъ представленій еврейскихъ, христіанскихъ и

магометанскихъ божествъ. А цѣль, къ которой я стремлюсь, и которая уже указывалась въ этомъ введеніи,—доказать, что идея единаго Бога выросла изъ культа мертваго человѣка, считаемаго живымъ—духомъ и надѣляемаго огромнымъ сверхъестественнымъ могуществомъ и различными другими свойствами.

Глава II.

Религія и миѳологія.

Въ самомъ началѣ столь сложнаго изслѣдованія, какъ настоящее, мы наталкиваемся на весьма значительныя затрудненія. По мнѣнію новѣйшихъ изслѣдователей даннаго вопроса миѳологія является слѣдствіемъ какъ-бы «болѣзни языка» того или иного народа. Много серьезныхъ ученыхъ увѣряютъ насъ, что корни религіи надо искать не въ представленіяхъ дикаря о духахъ и привидѣніяхъ, о мертвецахъ и трупахъ, но въ ложномъ пониманіи въ древности смысла тѣхъ словъ, которыя обозначали понятія солнца, и луны, звѣздъ, тучъ, вѣтра, дождя, сумерекъ и тьмы и, вообще, различнѣйшихъ явленій природы. Если это дѣйствительно такъ, то наша попытка вывести развитіе божества изъ взглядовъ дикаря и первобытнаго человѣка не можетъ привести къ правильнымъ выводамъ.

Но я считаю приведенныя соображенія невѣрными. Для меня почитаніе солнца, луны и звѣздъ является не древнимъ, кореннымъ элементомъ религіи, но болѣе поздней и производной формой культа; я думаю, что изслѣдователи миѳологіи ошибаются, считая миѳологію чѣмъ то весьма важнымъ для разъясненія понятія единаго или многихъ боговъ. И все-таки, чтобы выяснить этотъ вопросъ, мы должны твердо установить взаимоотношеніе религіи и миѳологіи.

Другая группа новѣйшихъ мыслителей заявляетъ, что религія возникла первоначально изъ чувства страха дикаго человѣка передъ таинственными и могучими силами окружающей его природы. Я не стану отрицать, что нѣкоторыя миѳологическія существа титаническаго характера возникли именно такимъ путемъ. Я охотно допускаю подобное происхожденіе нѣкоторыхъ чудовищныхъ драконовъ и пр., которые жили и живутъ въ воображеніи дикихъ или полу-дикихъ людей. Я оставлю въ сторонѣ чертей этрусковъ, сатану іудеевъ, огненныхъ драконовъ, всю серію церберовъ, циклоповъ, центавровъ и пр., ибо это тоже не божества. Подъ понятіемъ Бога я разумѣю сверхъестественное существо, которому поклоняются и молятся; и именно такъ понимаетъ Бога почти все человѣчество уже съ давнихъ поръ. Какъ блестяще доказалъ Робертсонъ Смитъ, отношеніе Бога къ людямъ характеризуется защитой и дружбой. Конечно, иногда онъ бываетъ золъ на людей, но его гнѣвъ—гнѣвъ отца—легко проходитъ; обыкновенно онъ дружески расположенъ къ людямъ,—поэтому его почитаютъ, какъ великаго и добраго отца. И только съ богами въ этомъ смыслѣ предстоитъ намъ имѣть дѣло.

Переходимъ теперь къ сущности и опредѣленію религіи. Если спросить какого-нибудь умнаго ребенка «что такое религія?», онъ почти всегда отвѣтитъ: «читать молитвы, библію, пѣть священные гимны и ходить по воскресеньямъ въ церковь». Если спросить о томъ же умнаго и цѣлостнаго индійскаго крестьянина, онъ отвѣтитъ въ томъ же смыслѣ: «Правильно совершать «Pujah»*), и каждый день приносить дары Mahadeo» Если же задать этотъ вопросъ африканскому негру, то и онъ дастъ подобный отвѣтъ: «давать богамъ медъ и масло, пиво и баранину». И наконецъ, спросите любого сициліанскаго мужика, и вы тотчасъ услышите

*) Дѣлать «Pujah» отправлять должные обряды передъ мѣстнымъ идоломъ.

отъ него: «ставить Мадоннѣ свѣчи и молиться ей, слушать мессу и поминать святыхъ каждый праздникъ».

И всѣ они несомнѣнно правы. Каждый изъ нихъ по своему опредѣлялъ то, что мы понимаемъ подъ религіей. Ученые, правда, смотря по вкусу и симпатіямъ, стремятся внести во всякую вѣру различныя тонкости, въ родѣ этики, мистики, философіи и метафизики. Для большей же части человѣчества религія заключается именно въ вышеприведенныхъ отвѣтахъ; и такъ религія понималась испоконъ вѣка. Всѣмъ религіямъ свойственны извѣстное количество болѣе или менѣе схожихъ предписаній объ искупленіи и прощеніи грѣховъ: пѣснопѣнія, гимны и молитвы о милости Божіей и, въ качествѣ внѣшнихъ осязательныхъ проявленій — алтарь, жертвы, храмъ, церковь, священничество, богослуженія, облаченія, церемоніи и пр.

Съ сущностью религіи, понимаемой весьма широко и въ прошломъ и въ настоящемъ, религіи—безразлично какой: язычества, буддизма, христіанства и др.—имѣетъ нѣкоторую связь этическій ея элементъ. Философскія же части—теологія и миѳологія, или абстрактная теорія божества, въ данномъ случаѣ весьма несущественны. Правда эта теорія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ тѣсно связана съ религіей, и разсказы о богахъ принадлежатъ по воззрѣнію вѣрующихъ непосредственно къ самому культу: однако теологія и миѳологія отнюдь не являются частью религіи въ собственномъ смыслѣ этого слова. Я утверждаю, что религія сама по себѣ является практикой, тогда какъ теологія или миѳологія служатъ теоріей.

Далѣе я намѣренъ показать, что религія и миѳологія (или теологія) имѣютъ различное происхожденіе и обусловливаются различными причинами; что ихъ соединеніе почти совершенно случайно; и что поэтому разъясненіе одной изъ нихъ вовсе не влечетъ разъясненія и другой. Бѣглый обзоръ данныхъ яснѣе обнаружитъ правильность взгляда на религію, какъ на практику. Тогда мы увидимъ, что основная сущность религіи заключается въ небольшомъ количествѣ обычаевъ, которые почти кристаллизовались и остались неизмѣнными на всѣхъ ступеняхъ человѣческой эволюціи, несмотря на измѣненіе миѳологической или теологической теоріи. Случайно и измѣнчиво лишь обычное словоупотребленіе или философское обоснованіе отдѣльныхъ обычаевъ и поступковъ.

Въ своемъ простѣйшемъ видѣ религія заключается исключительно въ возданіи почестей мертвымъ, выражающихся въ извѣстныхъ церемоніяхъ. Изъ дальнѣйшаго выяснится, что и при высокомъ духовномъ развитіи общества нашего времени, религія въ сущности такъ же заключается въ подобныхъ выраженіяхъ почтенія и благоговѣнія, при чемъ совершенно безразлично, воздаются ли эти почести трупу или духу, или божествамъ, развившимся изъ духовъ. Я начну съ изображенія самого простого вида религіи,—вѣрованій нынѣшнихъ дикихъ народовъ, и постараюсь изложить воззрѣнія и обычаи дикарей Центральной Африки, какъ они описаны Д. Макдональдомъ—весьма строгимъ и внимательнымъ наблюдателемъ.

Всѣ племена негровъ, среди которыхъ приходилось жить Макдональду, единогласно утверждали, что кромѣ тѣла есть еще что-то, что ими называлось духомъ. Актъ смерти заключается именно въ томъ, что духъ покидаетъ тѣло. Это самая широкая, самая распространенная, едва ли не самая древняя вѣра, происхожденіе которой такъ ясно и такъ наглядно изобразили Г. Спенсеръ и Лестеръ Уардъ. На вопросъ: умираютъ ли когда либо эти духи, Макдональдъ отвѣчаетъ: «нѣкоторые умираютъ и я слышалъ, что можно убить надоѣдливаго духа». Но нѣкоторые опровергали это. Многіе говорили ему: «Ты спрашиваешь меня, умираетъ ли духъ. Я не знаю. Я никогда не бывалъ въ мірѣ духовъ, но я вѣрую, что духи живутъ очень долго». На вопросъ: «что такое боги», Макдональдъ отвѣ-

часть: «Вездѣ, гдѣ мы находимъ въ нашихъ книгахъ слово «Богъ» они ставятъ имя «Мулунгу»; но туземцы, въ дѣйствительности, такъ называютъ вообще всякагб духа. Духъ покойника также называется его «мулунгу», и всѣ жертвы и молитвы живыхъ приносятся именно этимъ духамъ мертвыхъ. Въ этомъ заключается сущность религіи туземцевъ. «Духи мертвыхъ—боги живыхъ». Гдѣ же находятся боги? Въ могилахъ? Нѣтъ, никогда... Богъ туземцевъ вовсе не могильный трупъ, но духъ, и они ищутъ этого духа въ томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ послѣдніе дни ихъ умершій родственникъ. Высокое дерево передъ входомъ въ домъ, гдѣ проживалъ умершій,—вотъ ихъ храмъ; если же тамъ нѣтъ дерева, то они воздвигаютъ маленькую ширму и передъ ней отравляютъ свои незатѣйливыя обрядности. Но такъ какъ это мѣсто обыкновенно предназначено для всеобщаго пользованія, вслѣдствіе чего можетъ нарушиться чистота жертвенныхъ приношеній, то они переносятъ святыню въ тщательно выбранное мѣсто подъ высокимъ, тѣнистымъ деревомъ. Очень часто приносятъ также жертвы у изголовья постели, ибо желаютъ, чтобы «туда пришелъ богъ и говорилъ со спящимъ».

Изъ дальнѣйшаго мы узнаемъ о происхожденіи культа природы: «Духъ какого нибудь древняго вождя можетъ избрать своимъ мѣстопребываніемъ даже гору; обитаетъ же онъ, главнымъ образомъ, на покрытой тучами вершинѣ ея. Тамъ онъ сидитъ и принимаетъ почести отъ вѣрующихъ и посылаетъ имъ освѣжительные дожди, какъ отвѣтъ на ихъ молитвы».

Наряду съ главными факторами религіознаго развитія, какъ-то Богъ, почитаніе, жертвы, дары, святыни, храмъ,—почти такъ же существенно и присутствіе жречества. Негры центральной Африки слѣдующимъ образомъ пришли къ этому особому виду служебныхъ обязанностей.—«При приближеніи къ богамъ, требуется соблюденіе особаго этикета. Никогда къ божеству не подойдетъ маленькій мальчикъ или дѣвочка, или вообще тотъ, кто не «посвященъ въ таинства». Право приближенія къ божествамъ имѣютъ лишь лица, достигшія извѣстнаго возраста, 12—14 лѣтъ, и обладающіе собственнымъ жилищемъ. Рабы рѣдко молятся, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они видятъ сны. Дѣти, видѣвшіе сны, передаютъ ихъ матери, которая за нихъ идетъ къ божеству. При посѣщеніи божества требуется приносить ему дары, а дѣти и рабы не могутъ, вообще, дарить что-либо. Вообще не принято, чтобы кто-либо, кромѣ вождя племени, приближался къ богамъ. Послѣдній—признанный всѣми первосвященникъ, приносящій молитвы и жертвы за всѣхъ своихъ соплеменниковъ... Туземцы, какъ отдѣльныя единицы, не имѣютъ религіи, но отправляютъ ее коллективно, цѣлыми деревнями и общинами. Такимъ образомъ, ихъ религія не есть дѣло частное, личное, а дѣло всего племени».

Но есть еще иныя основанія, вызывающія необходимость жречества. Для права ходатайства всегда самымъ обязательнымъ условіемъ является родство. Но все же необходимъ посредникъ между просителемъ и просимымъ.

—«Вождь деревни, говоритъ Макдональдъ, имѣетъ особенныя права на жречество. Боги деревни вѣдь его личные родственники. И всякій, кто живетъ къ деревнѣ, признаетъ этихъ боговъ. Если же кто переѣзжаетъ въ другую мѣстность, онъ мѣняетъ боговъ и принмаетъ боговъ вождя своего новаго мѣстожительства. Кто желаетъ молиться богамъ деревни, понятно, хочетъ, чтобы его молитвы были переданы вождемъ, ибо послѣдній находится въ близкомъ родствѣ съ самимъ божествомъ, и его скорѣе услышатъ, чѣмъ какого-то чужого».

Весьма скоро отъ духа-бога путемъ естественнаго отбора переходятъ къ божеству въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.— «Боги туземцевъ почти столь же многочисленны, какъ и ихъ покойники. Слѣдовательно, невозможно

имъ всѣмъ воздавать равныя почести, и нѣкоторый выборъ становится обязательнымъ. Вполнѣ естественно, что человѣкъ обращается прежде всего къ духамъ своихъ личныхъ родственниковъ. Но и его личные боги тоже слишкомъ многочисленны; и при второмъ выборѣ онъ обращается уже къ тѣмъ изъ нихъ, которые наиболѣе близки къ нему по времени. Такъ, напримѣръ, вождь деревни принесетъ дары своему прямому предшественнику—отцу, а не какому-нибудь прадѣду. Онъ говоритъ ему: «о, Отецъ, я не знаю всѣхъ твоихъ родственниковъ, а ты вѣдь знаешь ихъ; пригласи же ихъ къ твоей трапезѣ». Итакъ, жертвенные дары приносятся не только лично ему, но также и его родственникамъ».—

Обыкновенно духи забываются вмѣстѣ съ исчезновеніемъ того поколѣнія, которое ихъ знало. Но нѣкоторые необыкновенные духи, скажемъ, Цезаря, Наполеона или Карла Великаго этихъ дикихъ народовъ избѣгаютъ этой участи.—«Великій вождь, которому удалось выиграть одну или нѣсколько блестящихъ войнъ, забывается не такъ скоро. Онъ становится богомъ какихъ-нибудь водъ или горъ, и его почитаютъ, какъ мѣстное божество еще долго послѣ того, какъ потомки его выселились изъ данной мѣстности. Съ молитвами о дождѣ жители охотнѣе обращаются къ богу сосѣдней горы, на вершинѣ которой нависаютъ дождевыя тучи, чѣмъ къ своимъ родственникамъ; маленькія вершины рѣдко удостаиваются почитанія».

По моему мнѣнію, мы выше разсмотрѣли все то, что существенно для религіи вообще, во всѣхъ ея формахъ на всей землѣ. Въ дарахъ, приносимыхъ на могилы и гробницы для умилостивленія духа, мы видимъ главный элементъ всякаго культа, истинный ключъ къ пониманію его, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Представители миѳологіи не могутъ отрицать этого происхожденія жертвъ и молитвъ; они засыпаютъ насъ разсказами объ извѣстныхъ богахъ, не объясняя, какъ вообще возникъ культъ боговъ. Предметъ миѳологіи безусловно весьма интересенъ, но пониманіе религіи, какъ массы исторій и сказаній о богахъ или святыхъ, въ которыхъ обряды и жертвы не играютъ почти никакой роли, я считаю смѣшеніемъ двухъ, совершенно различныхъ вѣтвей науки. Вообще, происхожденіе сказокъ не имѣетъ ничего общаго съ происхожденіемъ культа.

Читая разсказы Макдональда о погребеніи туземцевъ, мы сразу получаемъ картину возникновенія древнихъ обрядовъ при жертвоприношеніяхъ.— «Вмѣстѣ съ мертвецомъ хоронятъ значительную часть его имущества. Мы уже видѣли, что постель его хоронится вмѣстѣ съ нимъ; то же дѣлается съ его платьями. Если у него есть нѣсколько слоновыхъ зубовъ, то одинъ или два изъ нихъ превращаютъ въ порошокъ и ссыпаютъ въ могилу. Хоронятъ также иногда и жемчужный порошокъ. Эти мѣры принимаются для того, чтобы помѣшать вѣдьмѣ (которой приписывается смерть даннаго лица) употребить кость и жемчугъ въ свою пользу. Нѣсколько рабовъ покойника также хоронятся вмѣстѣ съ нимъ въ одной большой ямѣ. Нерѣдко ихъ засыпаютъ живыми; а иногда гробовщики перерѣзываютъ имъ горло. Трупъ господина или госпожи кладется поверхъ ихъ, и затѣмъ яма засыпается. Тогда выступаютъ женщины съ жертвенной трапезой и кладутъ ее у изголовья могилы. Тамъ же оставляютъ блюда, на которыхъ приносятъ пищу; горшокъ, въ которомъ находится питье для покойника и его чашу. Но, чтобы сохранить эти предметы отъ злой вѣдьмы, въ горшкѣ просверливается дырочка, а тыква, служащая сосудомъ для питья, раскалывается».

Иногда хоронятъ мужчину въ его собственной хижинѣ.—«Въ такомъ случаѣ весь домъ покрывается матеріей. У дверей совершаются жертвоприношенія. Домъ покойника превращается, такимъ образомъ, какъ-бы въ храмъ... Покойникъ находится теперь въ мірѣ духовъ и принимаетъ жертвы и по-

чести. Обращаясь къ нему, говорятъ, «нашъ великій только что умершій духъ». Если духъ является кому-нибудь во снѣ, то думаютъ, что ему чего-то не хватаетъ. Быть можетъ, онъ соскучился по комъ-нибудь изъ живыхъ. И тотъ, кому приснится духъ, быстро искупаетъ себя жертвами». Живые постоянно находятся въ сношеніяхъ съ мертвыми. Макдональдъ говоритъ: «На западномъ берегу имѣется обычай отправлять пословъ въ подземный міръ. Вождь призываетъ раба, передаетъ ему порученіе и отрубаетъ голову. Если вождь забылъ что-либо, то онъ такимъ же образомъ посылаетъ еще одного раба».

Я съ умысломъ привелъ такъ много выдержекъ изъ обстоятельной работы Макдональда, такъ какъ я хочу особенно подчеркнуть и оттѣнить то, что мы въ данномъ случаѣ наблюдаемъ самое созданіе и образованіе все новыхъ боговъ и богинь, равно какъ и всего того, что составляетъ сущность и центръ тяжести религіи, какъ-то: культа, молитвъ, храма, алтаря, жречества и жертвъ. Всѣ разсказы и исторіи миѳологовъ не подходятъ такъ близко къ происхожденію и корнямъ религіи, какъ приведенныя нами описанія, сообщаемыя зиботливыми и безпристрастными изслѣдователями, которые къ тому же могутъ быть усилены сотнями аналогичныхъ примѣровъ, указанныхъ Тэйлоромъ, Спенсеромъ и другими. Эти же примѣры и факты помогаютъ намъ теперь понять сущность и смыслъ религіи, какъ она осуществляется повсюду, у всѣхъ людей. Между тѣмъ, я оставляю въ сторонѣ всѣ миѳологическіе элементы и разсказы о сотвореніи міра, ибо таковые въ передачѣ миссіонеровъ и въ недостовѣрныхъ сообщеніяхъ европейцевъ очень часто затемняютъ ясную, религіозную дѣйствительность. Какія основныя истины находимъ мы во всякой религіи? Мы видимъ, что на всей землѣ у людей царятъ тѣ самыя обрядности, которыя по своей сущности похожи на обрядности дикихъ негритянскихъ племенъ центральной Африки; обрядности, связь которыхъ съ тѣми же руководящими идеями блестящее доказалъ Спенсеръ; обрядности, имѣющія цѣлью добиться прощенія или расположенія существъ, которыя прямо происходятъ отъ духовъ и, по ихъ вѣрованіямъ, подобны человѣческой душѣ, но превосходятъ ее могуществомъ приписываемыхъ имъ ствойствъ. Г. И. Гунтеръ говоритъ: «Сколько бы ни спрашивали (индійскихъ) крестьянъ о ихъ вѣрѣ, всегда получится одинъ и тотъ же отвѣтъ: для простыхъ смертныхъ религія есть только обязанность поступать свято (въ обрядахъ) и почитать мѣстнаго бога».—Итакъ, я утверждаю, что сущность религіи заключается не въ одной вѣрѣ или вѣроученіи, какъ мы это обыкновенно ошибочно предполагаемъ, судя по ложному толкованію христіанства, но почти исключительно въ обычаяхъ и обрядахъ. И я радъ, что проф. Робертсонъ Смитъ соглашается въ этомъ со мной, по крайней мѣрѣ, относительно древнѣйшей семитической эпохи.

Религія римлянъ слагается изъ культа общиннаго, народнаго и индивидуальнаго, семейнаго. У нихъ были великіе боги, частью туземные, частью заимствованные, которымъ оффиціально воздавались почести со стороны всего государства, подобно тому, какъ негритянскія племена центральной Африки почитаютъ предковъ своихъ вождей. Кромѣ того, существовали, почитаемые исключительно тѣснымъ семейнымъ кругомъ—лары и пенаты, по имени которыхъ уже можно судить, что они являются тѣнями и духами умершихъ родственниковъ. И какъ сущность религіи индусовъ состоитъ въ принесеніи риса, проса и масла маленькимъ мѣстнымъ семейнымъ божкамъ или избранному богу-защитнику браманского Олимпа, точно такъ же собственно римская религія заключалась въ жертвоприношеніяхъ пенатамъ на домашнемъ алтарѣ «farre pio et saliente mica» (священной мукой и солью).—Я хотѣлъ бы еще вкратцѣ указать на то, что проф.

Сэйсъ такимъ же образомъ выводитъ религію аккадійцевъ изъ культа тѣней и шаманства (низшая форма заклинанія духовъ); что другіе изслѣдователи пришли къ тѣмъ же выводамъ о религіи египтянъ и японцевъ; что доказаны были общность и сходство обрядностей и обычаевъ, какъ грековъ, такъ и амазулу, евреевъ и никарагуасцевъ, древнихъ бриттовъ и индусовъ, нашихъ арійскихъ предковъ и андаманскихъ островитянъ. Описаніе всякаго новаго путешествія полно подобныхъ сообщеній. Кто хочетъ видѣть всѣ эти доказательства, приведенныя въ стройную систему, тотъ пусть просмотритъ первый томъ «Основъ соціологіи» Спенсера. Цѣль настоящей главы заключается въ томъ, чтобы бѣгло указать на то обстоятельство, что въ самомъ христіанствѣ живъ еще этотъ коренной элементъ, стоя вполнѣ самостоятельно и находясь въ полной противоположности теологическому элементу. Я отмѣчаю это уже заранѣе, для того чтобы читатель лучше могъ себѣ представить конечныя цѣли нашего изслѣдованія.

Въ католической церкви существуетъ общій обычай хоронить подъ алтарями реликвіи какого-нибудь мученика или святого. Такъ, въ Венеціи въ церкви св. Марка лежитъ подъ алтаремъ трупъ евангелиста; а въ любомъ католическомъ храмѣ Италіи можно найти въ алтарѣ ящичекъ съ реликвіями. Римская церковь сдѣлала это обязательной нормой, такъ что создалась пословица «нѣтъ алтаря безъ реликвіи». Въ подобномъ алтарѣ месса совершается священникомъ, одѣтымъ въ церковныя облаченія. Весь римско-католическій ритуалъ воспроизводитъ древнѣйшія формы богослуженія на мощахъ; особенно рѣзко выражается эта связь въ требованіи помѣщенія человѣческихъ останковъ въ священныхъ мѣстахъ.

Самое понятіе «церкви» взято отъ мѣстъ собраній первыхъ христіанъ въ катакомбахъ или на могилахъ мучениковъ, которыя являются самыми ранними христіанскими алтарями. Мы знаемъ, что расположеніе христіанскаго храма въ формѣ креста съ куполомъ есть подраженіе первымъ мѣстамъ собраній, ибо таковыя происходили на перекресткахъ катакомбъ; мы знаемъ также, что корабль, хоры и придѣлы указываютъ на тотъ же перекрестный путь, а куполъ представляетъ какъ бы круглый сводъ, подъ которымъ пересѣкаются двѣ галлереи. Первые куполообразные храмы представляли, повидимому, попытки создать катакомбу надъ землей для помѣщенія въ ней трупа мученика или святого. То же можно сказать и о придѣлахъ, расходящихся, подобно крыльямъ, по обѣ стороны алтаря. Грамматически нѣмецкое слово «Capelle» (церковь) происходитъ отъ латинскаго capelle, что означаетъ углубленіе со сводами, которое устраивалось въ стѣнахъ катакомбы; и передъ которымъ, согласно обычаю, читались молитвы и приносились жертвы. Капеллы, пристраиваемыя по бокамъ католической церкви, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой алтарь и свою реликвію, являются попыткой перенести на поверхность земли древнія подземныя святыни первыхъ христіанъ.

Алтари, реликвіи и призыванія святыхъ связываютъ съ древними обычаями культа могилъ даже протестантизмъ. Отказавшись отъ очень многихъ пережитковъ, онъ удержалъ еще нѣкоторые слѣды вліянія первоисточника, посвящая свои храмы опредѣленнымъ евангелистамъ или мученикамъ. Однако, я вовсе не хочу утверждать, что культъ предковъ объясняетъ намъ все то, что, по христіанскимъ воззрѣніямъ, составляетъ религію. Я не говорю также, что онъ можетъ дать объясненіе всѣмъ разсказамъ о происхожденіи міра, имѣющимся у дикихъ, полудикихъ и культурныхъ народовъ. Ибо они по большей части являются результатомъ миѳологическаго творчества человѣка, творчества, которое можно объяснить лишь съ помощью того ключа, который даетъ намъ сама миѳологія. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ такихъ разсказовъ воспринятъ изъ чуждыхъ источниковъ церков[illegible]

гой Моисея, а отсюда перешелъ въ христіанство, въ качествѣ догмата вѣроученія; но въ сущности, этотъ разсказъ не имѣетъ ничего общаго съ христіанской религіей, какъ таковой. Далѣе я не утверждаю, что культъ предковъ указываетъ происхожденіе тѣхъ онтологическихъ, метафизическихъ или мистическихъ идей, которыя составляютъ главную сущность жреческой или священнической теологіи и философіи. Религіи, какъ онѣ теперь являются повсюду передъ нами, содержатъ элементы миѳологіи, ученія о происхожденіи міра и бытія, а также этики. Эти побочные элементы, по моему мнѣнію, исходятъ совсѣмъ изъ другихъ источниковъ и отнюдь не принадлежатъ религіи въ указанномъ смыслѣ. Если мы поймемъ и разъяснимъ происхожденіе духовъ, боговъ, гробницъ - алтарей, храма, жертвъ, культа, ритуала и пр., то мы, тѣмъ самымъ, объяснимъ и самое существенное и основное въ религіи.

Итакъ, какъ уже было сказано, я вовсе не утверждаю, что каждый богъ, безразлично будь то богъ природы или богъ народа, необходимо представляетъ какого-нибудь духа—духа личности, жившей когда бы то ни было. Достаточно, если я покажу, какъ это уже удалось сдѣлать Спенсеру, что идея и культъ Бога непосредственно вытекаютъ изъ идеи духа и тѣхъ жертвенныхъ даровъ, которые приносились духамъ. При чемъ я вовсе не предполагаю, подобно Спенсеру, что каждый Богъ, въ концѣ-концовъ, является и долженъ быть духомъ опредѣленнаго человѣческаго существа. Когда въ человѣчествѣ впервые начинаетъ развиваться идея божества и когда, въ воображеніи человѣка появляются первыя представленія о міровомъ единствѣ, тогда, понятно, достаточно только создать новыхъ боговъ изъ тѣхъ или иныхъ идей или явленій и силъ природы. Этимъ новымъ богамъ удѣляется тотъ же культъ, которымъ уже задолго до того пользовалась вся масса фамильныхъ и родовыхъ предковъ. Всякое начало трудно; но если уже разъ имѣется налицо понятіе бога, тогда нѣтъ уже ничего легче, какъ создавать или вводить извнѣ чужихъ боговъ. Пантеонъ боговъ охотно принимаетъ въ свои ряды новыхъ членовъ, хотя бы и чуждаго происхожденія. Таковыми божествами въ Римскомъ Олимпѣ были: Конкордія, Пекунія, Ай Локуцій и Редикулъ Туτанъ *) Римляне, вообще, обоготворяли почти всякое явленіе природы или человѣческой жизни; у нихъ были боги и богини мельчайшихъ деталей земледѣлія, общественныхъ отношеній, ранняго дѣтскаго возраста, брака и домашняго очага. Многія изъ такихъ божествъ (какъ мы впослѣдствіи увидимъ) ясно создавались только ad hoc. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, ни одно изъ этихъ божествъ, насколько мы можемъ утверждать, не могло бы возникнуть, если бы ученіе о духѣ и культъ предковъ не приблизили человѣческаго духа къ основамъ и сущности религіи.

Если я говорю, что впослѣдствіи въ религію вошли еще другіе элементы и внутри ея произошло смѣшеніе понятій, то такое утвержденіе рѣзко отличается отъ другого: напр., если бы я заявилъ, что религія имѣетъ нѣсколько различныхъ источниковъ и корней. Имѣя ключъ къ пониманію культа, мы обладаемъ и ключемъ ко всякой реальной религіи.

Можно перечитать всѣ сочиненія миѳологовъ и не найти нигдѣ ни слова, ни даже намека, бросающаго свѣтъ на происхожденіе собственно религіи. Изслѣдованіе того или иного разсказа или эпизода религіознаго миѳа само по себѣ очень цѣнное занятіе; но можно изслѣдовать и изучить тысячи подобныхъ легендъ и не получить никакого отвѣта на вопросъ, почему люди почитаютъ Озириса, Зевса, Сиву или Венеру; почему они въ Римѣ приносили въ жертву Юпитеру Капитолійскому быковъ, а въ Іеру-

*) Ай Локуцій—таинственный голосъ, постоянно напоминающій римлянамъ, что имъ слѣдуетъ остерегаться галловъ. Сначала на него не обращали вниманія, но когда сбылись нѣкоторыя его предсказанія, онъ превратился въ божество.

салимѣ на алтарь іудейскаго Іаhve жертвовали горлицъ?—Ученіе о духахъ и изслѣдованіе культа предковъ показываютъ намъ естественную основу и возникновеніе всѣхъ этихъ обычаевъ и объясняютъ ихъ такъ полно что никакая миѳологическая теорія не въ силахъ добавить ничего къ этимъ разъясненіямъ.

Здѣсь вполнѣ умѣстно сказать еще нѣсколько словъ о различныхъ чуждыхъ элементахъ, которые постепенно привходили въ первоначально простую структуру религіознаго сознанія. Отмѣтимъ, прежде всего, миѳологическій элементъ. Въ человѣкѣ сильно развито стремленіе слагать миѳы. Появляются легенды, растутъ, прибавляются все новые эпизоды; разсказы мѣняются, далеко отступаютъ отъ своихъ источниковъ; съ теченіемъ времени искажаются, терпятъ тысячи измѣненій и дополненій. Такія легенды обыкновенно пріурочиваются къ опредѣленнымъ людямъ. Всякій знаетъ, что и въ наши дни вокругъ любой выдающейся личности создается миѳъ, особенно усердно распространяемый поклонниками ея. Кромѣ того, слагаются такіе миѳы о личностяхъ, уже умершихъ, вокругъ памяти какихъ-нибудь замѣчательныхъ мужчинъ или женщинъ. Иногда они возникаютъ изъ дѣйствительныхъ разсказовъ, иногда эти миѳы—плодъ чистой фантазіи и поэтическаго воображенія. Въ миѳахъ дѣйствующими лицами обыкновенно являются боги или духи. Очень часто миѳы слагаются для толкованія и разъясненія какого-нибудь религіознаго обычая. Иногда миѳы создаются значительно позже смерти людей—ихъ героевъ. Таковые миѳы о Виргиліи, Цезарѣ, королѣ Артурѣ и Карлѣ Великомъ. Таково же часто происхожденіе миѳовъ о богахъ.

Иногда сказанія о богахъ впослѣдствіи записываются, обыкновенно жрецами; и тогда они пріобрѣтаютъ особую святость; такимъ путемъ создались священныя книги. Болѣе развитые народы выказали стремленіе сдѣлать эти книги составной частью самой религіи; вслѣдствіе этого по такимъ книгамъ мы можемъ судить теперь о чистотѣ религіознаго ученія и обрядовъ. Почти всѣ священныя книги содержатъ въ себѣ предположенія и догадки о происхожденіи міра; сверхъ-естественную исторію творенія (космогонію), а также сказанія о дѣяніяхъ, родствѣ и преимуществахъ боговъ. Впослѣдствіи, подобныя философскія попытки болѣе древняго времени были поставлены въ тѣсную связь съ религіозными идеями и часто до сихъ поръ онѣ затемняютъ истинное религіозное сознаніе. Стремленіе вмѣстить всѣ подобныя сказанія въ узкія рамки религіознаго міра наиболѣе рѣзко выражены у современныхъ англійскихъ протестантскихъ сектъ, дошедшихъ до обоготворенія библіи.

Съ развитіемъ культуры замѣчается необходимость въ разумныхъ дополненіяхъ и логическихъ исправленіяхъ этихъ сказаній. Появляются попытки прочно установить генеалогію и родственныя взаимоотношенія боговъ, а также устранить различныя противорѣчія въ древнихъ легендахъ. Въ этомъ смыслѣ «Теогонія» Гезіода является послѣднимъ усиліемъ защитить чистоту Олимпа. Очень часто подобныя попытки дѣлаются философски-мыслящими, учеными жрецами; результатомъ ихъ работъ обыкновенно является философская лже-миѳологія, какъ, напримѣръ, у брамановъ. Въ монотеистическихъ и полу-монотеистическихъ религіяхъ совершенно такимъ же путемъ развивается теологія. Она измѣняется, становясь все искусственнѣе и точнѣе. Равнымъ образомъ вниманіе ученыхъ и жрецовъ направляется все болѣе на самое вѣроученіе, на религіозныя нормы, на абстрактныя формулы, въ то же время начинаютъ приписывать особое значеніе ритуалу и богослужебному церемоніалу. Но религія народныхъ массъ все-таки не выходитъ изъ предѣловъ обычныхъ древнихъ обрядностей (напр., у индій-

цевъ) и мало интересуется высоко-философскими проблемами ученыхъ и жрецовъ.

Наконецъ, наиболѣе развитыя религіи содержатъ большое количество этическихъ правилъ, принциповъ поведенія, различныхъ духовныхъ эмоцій и идей, такъ что часто передъ этими элементами отступаютъ на задній планъ основныя нормы обычая и существеннѣйшіе обряды.

Резюмирую вкратцѣ все изложенное въ настоящей главѣ. Религія состоитъ изъ обрядовъ, миѳологія—изъ разсказовъ. Ко всякой религіи относятся и миѳы,—но не миѳы вызываютъ религію, а, наоборотъ, религія порождаетъ миѳы. Настоящее сочиненіе является попыткой объяснить происхожденіе только религіи; поэтому внѣ нашего разсмотрѣнія остается и миѳологія, какъ цѣлое и отдѣльныя миѳологическія существа, которыя не являются богами въ установленномъ нами смыслѣ.

Глава III.

Жизнь мертвыхъ.

Есть въ религіи одинъ элементъ, который еще существеннѣе, древнѣе и важнѣе, чѣмъ вѣра въ Бога или боговъ, древнѣе даже, чѣмъ обычай почитать и умилостивлять духовъ и боговъ подарками, благоговѣніемъ и соблюденіемъ установленныхъ нормъ. Этотъ элементъ—система загробной жизни, а на исконной вѣрѣ человѣчества въ эту жизнь, въ конечномъ счетѣ, базируется всякая религія. Эта вѣра, дѣйствительно, является самымъ глубокимъ, самымъ сокровеннымъ смысломъ религіи; ибо есть такія дикія племена, у которыхъ нѣтъ того, что мы назвали божествомъ, и которыя несмотря на это все-таки имѣютъ культъ своихъ покойныхъ родственниковъ.

Подобно всѣмъ другимъ человѣческимъ идеямъ, вѣра въ загробную жизнь прошла различныя стадіи развитія. Само собой разумѣется, что развитіе это происходило послѣдовательно и незамѣтно, но я полагаю, что мы можемъ съ достаточной достовѣрностью установить три главныхъ стадіи эволюціи взглядовъ человѣчества на загробную жизнь. Въ первой стадіи почти не замѣчается никакой разницы между жизнью и смертью: вѣрятъ, что мертвые продолжаютъ жить почти такъ же тѣлесно. Во второй—смерть принимается за внѣшнюю реальность, но она считается временной, преходящей; въ этой стадіи люди надѣются на воскресеніе тѣла и ожидаютъ новой жизни въ будущемъ мірѣ. Въ третьей—душа разсматривается, какъ бытіе, совершенно отличное отъ тѣла; она переживаетъ тѣло, живетъ отдѣльно отъ него въ какомъ-то тѣнеподобномъ видѣ. Въ этой стадіи взгляды на будущее уже иные. Преобладаетъ вѣра въ безсмертіе души, а не въ воскресеніе тѣла. Философски малообразованные христіане мыслители часто смѣшиваютъ обѣ эти идеи; но по существу онѣ совершенно различны и несоединимы.

Теперь я разсмотрю каждую стадію въ отдѣльности и, прежде всего, то первобытное состояніе человѣческаго мышленія, когда идеи жизни и смерти еще очень мало различаются одна отъ другой. Современному человѣку покажется дикимъ утвержденіе, что въ древности вовсе не считали смерть обязательнымъ концомъ существованія всякаго человѣческаго индивидуума. Но это происходитъ потому, что намъ трудно отказаться отъ нашихъ обычныхъ, выработанныхъ поколѣніями взглядовъ и еще труднѣе на минуту вообразить себя на мѣстѣ дикаго первобытнаго человѣка. Обыкновенно мы живемъ большими населенными общинами, здѣсь очень часты смертные случаи и естественная смерть есть нормальное повседневное явленіе. За нами—вѣковая исторія; мы знаемъ, что одно поколѣніе всегда слѣдуетъ за другимъ; что изъ предковъ нашихъ уже никого нѣтъ въ живыхъ, а современники не живутъ больше семидесяти-восьмидесяти лѣтъ.

Такимъ образомъ, мы уже свыклись и сжились съ мыслью, что человѣческая жизнь представляетъ собой относительно короткій періодъ времени.

Но мы не должны забывать, что совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ понятіями дикаго человѣка. Онъ живетъ въ небольшихъ, разсѣяныхъ общинахъ, гдѣ смерть вообще, а особенно естественная, очень рѣдка. Большинство дикарей гибнетъ въ битвахъ съ врагами и въ борьбѣ съ окружающей природой, умираетъ на охотѣ, съ голоду и отъ жажды. Очень рѣдка смерть по болѣзни; смерть, какъ нормальное окончаніе бытія, почти совершенно неизвѣстна.

Далѣе, у дикаря нѣтъ за собой исторіи. Кромѣ своихъ соплеменниковъ онъ ни кого не знаетъ и не догадывается о существованіи другихъ людей. О предкахъ онъ знаетъ ровно столько, сколько ему разсказываютъ о нихъ его родители. Такимъ образомъ, его свѣдѣнія о прошломъ очень и очень ограничены. Культурному человѣку вполнѣ ясно, что всѣ люди, вообще, смертны, дикому же человѣку подобное утвержденіе показалось бы нелѣпымъ. По его наблюденіямъ, люди не умираютъ; сколько онъ помнитъ, онъ самъ былъ при всѣхъ событіяхъ человѣческой жизни. Большая часть его семьи живетъ постоянно вмѣстѣ съ нимъ. Смерть яляется рѣдкимъ и исключительнымъ явленіемъ. Такимъ образомъ, у дикаря не можетъ возникнуть мысль, что смерть есть вообще неизбѣжный конецъ; для него нелѣпо утвержденіе, что смерть вызывается естественными причинами, и когда дикарь умираетъ, то окружающіе тотчасъ задаютъ себѣ вопросъ: кто его убилъ? Убилъ ли его врагъ въ сраженіи, растерзалъ ли его дикій звѣрь, утонулъ ли онъ при переправѣ или палъ отъ руки соперника,—во всякомъ случаѣ, всѣ эти причины ясны и понятны для соплеменниковъ. Если же окружающіе не видятъ на лицо ни одной изъ этихъ причинъ, они объясняютъ смерть другой такой же понятной имъ причиной—колдовствомъ.

Далѣе, въ наше время легче, чѣмъ въ первобытную эпоху, установить каждый смертный случай. Теперь мы можемъ безусловно точно и опредѣленно констатировать, живъ ли еще больной или раненый, или онъ уже умеръ. И вмѣстѣ съ тѣмъ вовсе ужъ не такъ рѣдки даже въ наше время сомнительные случаи. Иногда наши врачи бываютъ не въ силахъ навѣрное установить смерть. Если сердце продолжаетъ биться, мы полагаемъ, что жизнь еще не окончилась; когда же, наоборотъ, мы не чувствуемъ пульса, мы считаемъ, что данное лицо умерло. Но часто современная медицина останавливается въ недоумѣніи передъ необъяснимыми явленіями столбняка, летаргіи, и иногда намъ приходится читать въ газетахъ о заживо погребенныхъ. Вполнѣ понятно, что среди дикихъ подобные случаи встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ среди культурнаго человѣчества. Дикарь привыкъ къ тому, что его товарищи часто остаются безъ сознанія отъ ранъ или ударовъ, которые наносятъ ему враги, дикіе звѣри, силы природы или даже соплеменники въ минуты гнѣва. Но онъ никогда не въ силахъ разобрать, когда прекращается дѣйствіе этихъ силъ, и когда потерявшій снова возвращается къ обычной жизни. Обыкновенно дикарь поднимаетъ тѣло своего друга и бережетъ его, пока у него есть хоть какая-нибудь надежда на то, что онъ снова поправится; иногда, какъ мы послѣ увидимъ, онъ сохраняетъ его даже гораздо дольше.

Чтобы лучше понять такое отношеніе первобытнаго человѣка къ его раненымъ, убитымъ и мертвымъ товарищамъ, мы должны на минуту обратиться къ психологіи первобытной эпохи. Въ исторіи человѣческаго духа, какъ я полагаю, очень рано появляется едва замѣтное, туманное понятіе души. Въ наше время твердо установлено, что сознаніе есть извѣстная мозговая дѣятельность, что подъ вліяніемъ сна, а иногда также и тяже-

лыхъ нервныхъ и сосудистыхъ потрясеній оно прерывается; такъ, напримѣръ, сознаніе пропадаетъ въ летаргіи, при сильныхъ пораненіяхъ, при столбнякѣ, эпилепсіи и пр.

Мы знаемъ также, что со смертью сознаніе пропадаетъ совершенно, такъ какъ мозгъ прекращаетъ свою дѣятельность, и что, вслѣдствіе начинающагося разложенія трупа исключается всякая возможность дальнѣйшаго функціонированія мозга. Но всѣ эти истины, которыя еще и теперь понимаются во всей ихъ полнотѣ сравнительно немногими лицами, были совершенно неизвѣстны первобытному человѣку. Свое представленіе о человѣческомъ духѣ онъ строитъ на основаніи явленій обыденной жизни; это представленіе заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе грубое пониманіе души и духа, которое, пожалуй, и сейчасъ еще раздѣляется большинствомъ человѣческаго рода. По этому воззрѣнію, человѣкъ состоитъ изъ двухъ элементовъ: тѣлеснаго и духовнаго. Одна половина—тѣло,—осязаема и ощущаема; другая половина—душа—живетъ въ тѣлѣ и болѣе или менѣе невидима и тѣнеподобна. Ее склонны считать дыханіемъ и вѣрятъ, что она, подобно дыханію, покидаетъ тѣло при смерти и уходитъ независимо отъ него, чтобы гдѣ-нибудь вести свою собственную жизнь. Въ этой, яко-бы, независимости души отъ тѣла лежитъ основа происхожденія всѣхъ боговъ, всѣхъ духовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и религіи. Поэтому необходимо остановиться подольше на этомъ вопросѣ.

Мы не имѣемъ въ дѣйствительности почти никакого прямого и достовѣрнаго доказательства того, что духовная сфера, сознаніе, или «душа» когда бы то ни было вела самостоятельную жизнь внѣ тѣла. Дикарь же выводилъ свою вѣру изъ большого количества согласныхъ между собой признаковъ и наблюденій, изъ которыхъ, какъ ему казалось, неопровержимо вытекаетъ подобное представленіе. День онъ бодрствуетъ, ночью спитъ; но и во снѣ, въ то время какъ тѣло его лежитъ подлѣ лагернаго костра, ему представляется, что онъ охотится, сражается или мирно бесѣдуетъ съ друзьями при чемъ все это происходитъ совсѣмъ въ иномъ мѣстѣ. Какая же часть его уходитъ во снѣ изъ тѣла? Понятно, что это могла быть только «душа» или дыханіе, которое онъ, по своей наивности, считаетъ чѣмъ-то особымъ, отдѣлимымъ отъ тѣла. А если человѣкъ умираетъ, то развѣ душа, или дыханіе, не покидаетъ его? А если онъ тяжело раненъ, то не исчезаетъ ли душа на короткое время, а потомъ снова возвращается? Вѣдь при безпамятствѣ, припадкахъ столбняка и другихъ экстраординарныхъ состояніяхъ она также покидаетъ тѣло и снова появляется какимъ-то необычайнымъ путемъ. Я не буду дольше развивать этихъ мыслей, такъ какъ это уже сдѣлали весьма обстоятельно Спенсеръ и Тэйлоръ. Достаточно указать на то, что уже очень рано первобытный человѣкъ началъ разсматривать душу или жизнь, какъ нѣчто тѣсно связанное съ дыханіемъ. Въ его глазахъ, душа—что-то опредѣленное, что по произволу можетъ покинуть тѣло и снова въ него вернуться; нѣчто нематеріальное и тѣнеподобное отъ человѣка отличимое и отдѣлимое. Совершенно такъ же, пожалуй, и въ наше время массы понимаютъ отношеніе человѣка и духа (вопросъ о душѣ очень подробно трактуется въ «Золотой Вѣтви» Фразера и «Легендѣ Персея» Сиднея Гартленда). Эти души или духи (которые покидаютъ тѣло во снѣ и на время болѣзненныхъ состояній) переживаютъ тѣло послѣ смерти и иногда являются живымъ.

Во снѣ мы часто видимъ образы живыхъ лицъ, но еще чаще намъ снятся мертвые.

Всякому извѣстно, какъ часто появляются во снѣ недавно умершіе родственники или близкіе друзья. Дикарю этотъ міръ сновъ кажется почти столь же реальнымъ, какъ и видимый міръ. По отношенію къ самому

себѣ онъ понимаетъ эти явленія слѣдующимъ образомъ: его собственная душа его покинула, ушла куда то отъ него и на дорогѣ встрѣтила души мертвыхъ друзей и родныхъ, съ которыми и вела бесѣду. При этомъ не надо забывать, что въ жизни дикаря поводовъ къ безпамятству, потерѣ сознанія и инымъ необычайнымъ нервнымъ состояніямъ гораздо больше, чѣмъ въ жизни культурнаго человѣка.

Дикарь часто бываетъ раненъ и теряетъ сознаніе, вслѣдствіе потери крови; хищные звѣри также нерѣдко жестоко терзаютъ его тѣло; иногда ему приходится поневолѣ поститься, и тогда онъ близокъ къ голодной смерти: поэтому, и по своему опыту и опыту близкихъ, онъ хорошо знакомъ съ различными случаями потери сознанія, помѣшательства и другихъ болѣзненныхъ состояній сознанія. Всѣ эти явленія онъ понимаетъ, какъ слѣдствіе отсутствія души въ тѣлѣ; а таковое состояніе онъ испытываетъ почти ежедневно.

Отсюда слѣдуетъ, что дикарь имѣетъ весьма слабое понятіе о смерти, какъ таковой, вѣрнѣе о естественной смерти. Когда приносятъ домой раненаго въ безсознательномъ состояніи, очевидцу тотчасъ же неизбѣжно должна прійти на умъ мысль, что душа покинула тѣло и ушла. Какъ долго продлится такое состояніе—онъ не знаетъ; но уже первые его поступки направлены къ тому, чтобы упросить, а въ крайнемъ случаѣ и заставить душу вернуться. Съ этой цѣлью онъ обращается къ ней съ мольбами и заклинаніями или старается тронуть ее громкими криками и причитаніями. Но, во всякомъ случаѣ, онъ не въ силахъ отличить временнаго ея отсутствія отъ окончательнаго исчезновенія. По справедливому замѣчанію Герберта Спенсера, дикарь не всегда понимаетъ, что именно раны вызвали смерть. «Раненый иногда приходитъ въ себя, оправляется, и послѣ долгаго безпамятства къ нему возвращается сознаніе; но онъ снова лишается его на опредѣленное время. Наконецъ, случается, что послѣ сильныхъ пораненій больной совершенно не приходитъ въ себя; тотчасъ наступаетъ смерть и тогда второе «я» уже болѣе не возвращается въ тѣло».

И мы дѣйствительно знаемъ, что на столь раннихъ ступеняхъ развитія нѣтъ понятія смерти, какъ и сейчасъ оно не вездѣ имѣется въ чистомъ видѣ. И теперь есть еще дикари, которые не сознаютъ всеобщности и неизбѣжности смерти, которымъ, наоборотъ, смерть кажется чѣмъ-то страннымъ и ненормальнымъ, чѣмъ-то такимъ, что происходитъ благодаря проискамъ враговъ или колдовству. Вся психологія первобытнаго человѣка приводитъ именно къ такимъ выводамъ. Мертвецъ, покойникъ всегда казался ему человѣкомъ, второе «я» котораго—душа (или дыханіе) покинуло его; возможно, однако, что оно снова вернется въ тѣло.

Каждая изъ трехъ указанныхъ выше стадій имѣетъ свои особые пріемы обращенія съ покойниками. Наиболѣе распространенный обычай первой стадіи—сохраненіе трупа—впослѣдствіи привелъ къ бальзамированію.

Наиболѣе простымъ способомъ сохраненія трупа является помѣщеніе его среди живыхъ, въ хижинѣ или пещерѣ, гдѣ живетъ семья покойнаго. Въ Новой Гвинеѣ жена прячетъ трупъ мужа въ своей хижинѣ, пока онъ не засыхаетъ; она цѣлуетъ трупъ и ежедневно предлагаетъ ему пищу, какъ живому. Аналогичныя свѣдѣнія мы имѣемъ и изъ другихъ мѣстъ. Сохраненіе трупа въ домѣ — самый обычный пріемъ мало развитыхъ племенъ. Однако, явныя неудобства, представляемыя такимъ пребываніемъ мертвеца, приводятъ чаще къ тому, что дикари начинаютъ ставить трупы на деревья, на особыя площадки или гдѣ-нибудь въ другихъ мѣстахъ, такъ, чтобы съ ними не могло случиться ничего дурного. У австралійцевъ и жителей Андаманскихъ острововъ, которые, какъ и негритосы Новой Гвинеи, являются самыми дикими племенами въ человѣчествѣ, трупы помѣщаются на спе-

ціально приготовляемыхъ помостахъ. Тотъ же обычай наблюдается у нѣкоторыхъ племенъ Полинезіи и Меланезіи. Дайаки и кайаны ставятъ своихъ покойниковъ на деревья. Въ Америкѣ, по свидѣтельству Спенсера, наиболѣе употребительно помѣщеніе трупа на особыхъ помостахъ.

Нѣкоторое отступленіе отъ этого способа, свойственнаго всякому приморскому племени, описываетъ Форбсъ. Туземцы Тиморлаутъ кладутъ трупъ въ челнокъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ завертываютъ его въ шерстяную матерію или въ сплетенныя саговыя вѣтви. Если хоронятъ какое-нибудь высокопоставленное лицо, то приготовляется особый красивый гробъ обыкновенно въ формѣ лодки. Покойника завертываютъ въ полотно и въ этомъ гробу помѣщаютъ на скалѣ, на морскомъ берегу, вблизи деревни или на особой площадкѣ, построенной на бревенчатыхъ сваяхъ. На крышкѣ гроба изображаютъ знамена, стрѣлковъ, людей, бьющихъ въ гонги и продѣлывающихъ различныя манипуляціи съ цѣлью удалить отъ спящаго злыхъ духовъ. Иногда эта площадка сооружается на берегу при чемъ рядомъ, на землѣ ставится бамбуковый сосудъ съ пальмовымъ виномъ, а на перекладинѣ вѣшаютъ связку сладкаго картофеля: все это предназначено для употребленія «nitu» мертвеца. Когда трупъ сгніетъ окончательно, сынъ или родственникъ покойнаго уноситъ черепъ и помѣщаетъ его на маленькой доскѣ, прикрѣпленной къ фронтону дома. Чтобъ удалить отъ себя злыхъ духовъ, сынъ носитъ при себѣ первый и второй позвонокъ въ мѣшечкѣ вмѣстѣ съ листьями сири *). Это заслуживающее вниманія извѣстіе заключаетъ нѣкоторыя показанія, полное значеніе которыхъ станетъ намъ особенно понятнымъ лишь впослѣдствіи. Мы встрѣтимся еще съ ношеніемъ черепа и позвонковъ въ качествѣ амулетовъ, ибо черепа играютъ значительную роль въ религіи.

Такое первоначальное почитаніе отдѣльныхъ членовъ трупа вызываетъ желаніе сохранить все тѣло, т. е. бальзамированіе, особенно въ сухомъ климатѣ. Но даже въ такой влажной тропической мѣстности, какъ Новая Гвинея, д'Альбертисъ нашелъ въ одной хижинѣ, на берегу рѣки Фли-Ривера, двѣ муміи, которыя, по его мнѣнію, были искусственно сохранены посредствомъ удаленія мяса. Здѣсь мы очевидно встрѣчаемся съ толкованіемъ смерти, какъ какого-то важнаго измѣненія, которое совершенно отлично отъ временнаго только отсутствія души. Бальзамированіе распространено по большей части въ сухихъ мѣстностяхъ, гдѣ при высокой культурности населенія оно становится цѣлымъ искусствомъ, какъ, напримѣръ, въ Египтѣ или Перу.

Мы должны еще вкратцѣ коснуться распространеннаго обычая носить при себѣ голову или руку умершаго родственника и отводить имъ особое мѣсто. Этотъ обычай имѣетъ мѣсто не только на о. Тиморлаутъ; онъ широко распространенъ и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, Чельмерсъ разсказываетъ о погребеніи ребенка въ Новой Гвинеѣ: «надъ могилой, которую охраняютъ друзья родителей, дѣлаютъ насыпь вышиной въ два фута; впослѣдствіи мать беретъ себѣ черепъ и маленькій позвонокъ». Точно также на Андаманскихъ островахъ можно встрѣтить вдовъ, носящихъ на шеѣ черепъ ихъ умершаго супруга *). Фактъ сохраненія головы, даже если тѣло съѣдено или погребено, впослѣдствіи еще разъ послужитъ предметомъ нашего разсмотрѣнія; а именно, такіе черепа зачастую считались мѣстопребываніемъ души, и къ нимъ обыкновенно обращались, какъ къ оракуламъ. Гербертъ Спенсеръ собралъ много такихъ примѣровъ изъ жизни тасманійцевъ и дру-

---

*) Туземцы жуютъ листья растенія «сири» въ качествѣ наркотическаго средства.

*) Изображеніе туземки съ черепомъ покойнаго супруга находимъ въ сочиненіи Плоса «Женщина», томъ II, стр. 513, 4-ое изданіе.

гихъ народовъ. По моему мнѣнію, трупы на этой ступени развитія признаются еще живыми; по представленію человѣка, трупъ спитъ; и потому его кормятъ, поятъ, почитаютъ и щедро надѣляютъ дарами.

На той же ступени въ качествѣ религіозной формы появляется и людоѣдство, которое сохраняется и на болѣе высокихъ ступеняхъ развитія. Тѣло съѣдаютъ, но кости сберегаются; часто удаляютъ мясо и жиръ, оставляя только кожу; иногда отдѣльныя части тѣла съѣдаются на особыхъ священныхъ таинствахъ. Къ этому мы позже еще вернемся.

На второй ступени мы находимъ уже погребенія, или нѣчто на то похожее. Переходъ къ этой ступени составляетъ скрытіе мумій и труповъ въ пещерахъ. Дѣйствительно, помѣщеніе трупа въ пещерѣ считается равносильнымъ помѣщенію трупа въ жильѣ, такъ какъ очень многія человѣческія расы въ первобытномъ состояніи живутъ именно въ пещерахъ. Пещерные обитатели веддасы на островѣ Цейлонѣ оставляютъ покойника попросту въ той самой пещерѣ, гдѣ онъ умеръ, а сами переселяются въ иное мѣсто. У многихъ племенъ и народовъ, уже давно отказавшихся отъ жизни въ пещерахъ, сохраняется, однако, обычай погребенія въ нихъ труповъ. У южно-американскихъ индѣйцевъ это было широко распространено; въ Перу этотъ же обычай въ своей высшей формѣ привелъ къ бальзамированію. Устройство искусственной пещеры—гробницы для покойника—есть лишь видоизмѣненіе все того же обычая; съ нимъ мы встрѣчаемся и въ Египтѣ, гдѣ, вообще, приготовленіе мертвеца къ загробной жизни стало высокимъ искусствомъ. Царскія гробницы въ Ѳивахъ могутъ служить блестящимъ образцомъ искусственныхъ пещеръ; эти роскошные дворцы высокохудожественной работы воздвигались съ той цѣлью, чтобы мертвые владыки могли проводить свою неземную жизнь съ подобающимъ великолѣпіемъ и роскошью. Съ такими же искусственными или естественными гробницами-пещерами мы встрѣчаемся въ Малой Азіи, Италіи и въ другихъ странахъ.

Мы замѣчаемъ, что въ первой стадіи отношеніе человѣка къ покойнику выражается, главнымъ образомъ, въ заботливомъ, любовномъ о немъ попеченіи. Трупъ сохраняется въ жильѣ, ему даютъ пищу, о немъ заботятся; черепъ его носятъ съ собой, какъ любимый предметъ. Но во второй стадіи, когда человѣкъ начинаетъ сознавать необходимость погребенія, замѣчается какъ бы страхъ передъ трупомъ. Люди боятся возвращенія покойника, или духа, и стараются удержать его въ извѣстныхъ границахъ. Этой стадіи соотвѣтствуетъ вѣра въ воскресеніе трупа; правда, въ началѣ самый трупъ считается способнымъ снова явиться и доставить мученія живымъ, однако, я думаю, что вскорѣ эта мысль вытѣсняется идеей безтѣлеснаго двойника трупа—идеей души. Съ этого момента мы должны проводить строгое различіе между воскресеніемъ тѣла и безсмертіемъ души.

Идея воскресенія возникла изъ обычая погребенія и стоитъ съ нимъ въ тѣсной связи. Погребеніе—это второй, наиболѣе простой способъ избавиться отъ останковъ мертвеца. Идея же безсмертія, тѣсно связанная съ обычаемъ сжиганія трупа, возникла изъ этого обычая, который появляется на третьей стадіи культуры. Въ древнѣйшія историческія времена всѣ развитые и культурные народы сжигали своихъ мертвецовъ, и потому здѣсь мы находимъ болѣе высокое, болѣе идейное пониманіе безсмертія. Но европейцы новаго времени хоронятъ трупы въ землѣ, и поэтому ихъ толкованіе воскресенія, по крайней мѣрѣ формально, менѣе чисто и болѣе грубо. Я говорю «формально», ибо несмотря на вѣроученія и символы вѣры, на образованнѣйшихъ европейцахъ сказывается вліяніе Платона и другихъ мыслителей древности. Это вліяніе привело ихъ къ реальной вѣрѣ въ безсмертіе духа, хотя они и воображаютъ, что вѣруютъ въ тѣлесное воскре-

сеніе. И все-таки воскресеніе тѣла остается открыто исповѣдуемымъ и важнымъ догматомъ въ христіанствѣ, которое въ этомъ отношеніи стоитъ много ниже религіозныхъ формъ культурныхъ народовъ древности.

Болѣе древній способъ скрытія труповъ—безусловно, погребеніе. Такъ какъ въ новѣйшее время эта мысль подвергается частой и рѣзкой критикѣ, то я хочу нѣсколько подробнѣе остановиться на тѣхъ обстоятельствахъ, которыя говорятъ въ мою пользу. Погребеніе, безусловно, относится къ болѣе поздней эпохѣ каменнаго вѣка и, вѣроятно, даже къ самымъ древнимъ его временамъ. Большую часть погребеній въ пещерахъ геологи приписываютъ позднѣйшему изъ этихъ періодовъ. Поэтому, не желая вводить въ свое изслѣдованіе спорныхъ пунктовъ, я отказываюсь отъ ссылки на существованіе погребенія въ древнія эпохи каменнаго вѣка, такъ какъ считаю это не вполнѣ доказаннымъ, но позволю себѣ указать, что Артуръ Эвансъ, одинъ изъ авторитетныхъ ученыхъ, нашелъ въ пещерѣ близъ Ментоны предметы, хотя и принадлежащіе, повидимому, къ болѣе поздней эпохѣ, но столь примитивные, что мы вправѣ отнести ихъ къ болѣе древнему времени. Другими словами, во вторую половину каменнаго вѣка человѣчество хоронитъ свои трупы въ пещерахъ или подъ холмами. Мы находимъ погребеніе и въ продолговатыхъ курганахъ (Long Barrows) въ Англіи, въ Mounds *) на Огіо, въ центрѣ Африки и въ тѣнистыхъ лѣсахъ Новой Зеландіи. Изъ эпохи каменнаго вѣка я не знаю ни одного случая сожженія трупа или другого способа его уничтоженія, кромѣ погребенія и эквивалентнаго ему бальзамированія. И лишь съ появленіемъ бронзы и другихъ металловъ наступаетъ третій періодъ—стадія сжиганія трупа.

Широкое распространеніе погребенія по всей землѣ является вѣскимъ доказательствомъ его сравнительно ранняго происхожденія. Во всѣхъ частяхъ свѣта люди хоронятъ теперь своихъ покойниковъ такъ же, какъ и раньше. Лишь какъ единичный случай, попадается сожженіе, опусканіе въ воду и др.; все это—исключенія, и, безусловно, происхожденіе ихъ болѣе позднее, напр., у индусовъ. Они появляются лишь при нѣкоторомъ, сравнительно болѣе высокомъ развитіи религіи. Я повторяю (для этого мы имѣемъ много доказательствъ), что народъ, который въ настоящее время хоронитъ трупы въ землѣ, и ранѣе поступалъ такъ. Въ доисторической Греціи, въ Этруріи и въ древнемъ Лаціумѣ погребеніе предшествовало сожженію. Народъ Long Borrows (продолговатыхъ могильныхъ холмовъ) въ Западной Европѣ хоронилъ трупы въ землѣ; народъ Round Barrows (круглыхъ кургановъ), стоявшій на болѣе высокой ступени развитія, почти всегда сжигалъ ихъ. Полагаютъ, что сожженіе трупа является древнѣйшимъ индійскимъ обычаемъ; однако, В. Симпсонъ (извѣстный художникъ Лондонской Иллюстрированной Газеты) указалъ мнѣ на то, что у веддасовъ погребеніе является самымъ обычнымъ способомъ похоронъ, и что понятіе «могильный холмъ» очень распространено среди нихъ. По даннымъ Rajendralala Mitra *), компетентность котораго въ данной области общепризнана, погребеніе имѣло мѣсто въ Индіи до XIII—XIV столѣтія (до нашей эры), когда оно было замѣнено сжиганіемъ трупа и погребеніемъ золы. Этотъ обычай удержался приблизительно до Рожд. Хр., когда золу стали бросать въ какую-нибудь священную рѣку. Поэтому, мнѣ кажется, что до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано противное, мы можемъ остаться при нашемъ мнѣніи, что погребеніе есть древнѣйшая, обычнѣйшая, присущая всѣмъ дикимъ народамъ, форма обращенія съ мертвецами

---

*) Mounds (произносится Маундсъ) — землянки древняго происхожденія въ бассейнахъ рѣкъ Огіо и Миссисипи.

*) Индійскій ученый, написавшій на англійскомъ языкѣ нѣсколько статей объ индійскомъ искусствѣ и переведшій на этотъ языкъ священныя книги индусовъ.

съ того момента, когда человѣчество признало смерть нормальнымъ, послѣднимъ состояніемъ бытія.

Какъ же возникъ этотъ варварскій обычай, столь противный человѣческому чувству? Я думаю, что Фразеръ правъ, объясняя его происхожденіе страхомъ, который живые испытываютъ передъ духомъ покойника (первоначально передъ самимъ трупомъ), и боязнью, что онъ можетъ вернуться, отмстить врагамъ или чѣмъ-нибудь повредить своимъ соплеменникамъ. Въ прекрасномъ изслѣдованіи «Einige Begräbnisgebräuche als Erklärung zur urzeitlichen Seelen-Theorie» Фразеръ показываетъ, что нѣкоторыя племена въ первобытномъ состояніи посвящали особое вниманіе покойникамъ не столько изъ почтенія и благоговѣнія къ нимъ, сколько изъ эгоистическаго страха. Духи и трупы бродятъ по всей землѣ; если ихъ не удержать въ извѣстныхъ предѣлахъ, то они могутъ доставить много непріятностей живымъ. Древнѣйшая человѣческая мысль нашла различные способы воспрепятствовать этому. Самый обыкновенный изъ нихъ—погребеніе мертвеца въ землѣ. Покойника клали въ глубокую яму и покрывали густымъ слоемъ земли. Цѣль, которая преслѣдовалась устройствомъ такихъ могильныхъ насыпей, заключалась въ томъ, чтобы запрятать духъ (или тѣло) и затруднить ему выходъ наружу. Слѣдовательно, люди хоронили своихъ покойниковъ для того, чтобы избавиться отъ нихъ и помѣшать ихъ возвращенію на свѣтъ, которое могло бы нарушить мирное теченіе жизни. По тѣмъ же соображеніямъ, очень часто на могилахъ нагромождали груды камней. Окончательную форму этотъ обычай получилъ у кельтовъ въ видѣ кэрновъ (могильныхъ камней); въ Аравіи и другихъ странахъ понынѣ каждый прохожій обязанъ бросить камень на могилу. Иногда на ней устанавливаетъ одинъ большой камень, тяжесть котораго какъ-бы придавливаетъ покойника. Эта форма получила свое высшее развитіе въ видѣ могильнаго памятника у нынѣшнихъ европейскихъ народовъ.

Другіе народы идутъ еще дальше въ стремленіи удалить отъ себя духъ (или трупъ). Гальтонъ сообщаетъ, что трупъ негра племени Дамара зашиваютъ въ старую ослиную шкуру и кладутъ въ яму при чемъ зрители скачутъ и прыгаютъ по могилѣ, чтобы помѣшать мертвому встать; туписы (въ Америкѣ) съ той же цѣлью крѣпко перевязываютъ мертвеца. По словамъ Фразера, въ нѣкоторыхъ случаяхъ отводится теченіе рѣки, въ нее опускаютъ покойника, а затѣмъ рѣка снова направляется въ старое русло. Такъ былъ похороненъ Аларихъ, и такимъ же образомъ, по сообщенію капитана Камерона, хоронитъ своихъ вождей одно американское племя. Иногда могила обносится высокимъ заборомъ, чтобы покойникъ не могъ перепрыгнуть его даже съ разбѣга; нерѣдко родственники принимаютъ и другія разумныя мѣры предосторожности, напр. заколачиваютъ гробъ, ломаютъ позвоночникъ трупа или (но это уже въ исключительныхъ случаяхъ) разрубаютъ тѣло на части. Въ христіанской Англіи тѣло самоубійцы протыкали коломъ сквозь крышку гроба. Австралійцы обыкновенно отсѣкаютъ у убитыхъ враговъ оба большихъ пальца, чтобы они не могли натягивать тетиву лука; греки отрубали непріятелямъ руки, чтобы лишить ихъ возможности участвовать въ дальнѣйшихъ битвахъ. Смыслъ всѣхъ этихъ случаевъ станетъ намъ особенно ясенъ, когда мы перейдемъ къ изслѣдованію происхожденія и значенія сжиганія труповъ.

Итакъ, по моему мнѣнію, погребеніе впервые является лишь средствомъ защиты живыхъ отъ вѣчнаго странствованія души. Большая часть человѣчества во всѣ времена чувствовала нелѣпый страхъ передъ встрѣчей съ душой умершаго. Величайшимъ желаніемъ людей было поэтому избѣгать этихъ странныхъ посѣтителей; для этого они прибѣгали сначала къ погребенію, а затѣмъ къ сожженію трупа.

Въ сознанiи современныхъ людей, духъ есть нѣчто невещественное, тѣнеподобное, внѣшностью похожее на человѣка; духъ можетъ быть видимъ, но не чувствуемъ. Однако, по моему убѣжденiю, эта идея, которой проникнуты всѣ наши представленiя и мысли о духовномъ мiрѣ первобытнаго человѣка, первоначально совершенно отсутствовала въ сознанiи людей и является продуктомъ религiозной философiи скорѣе стадiи сожженiя, чѣмъ стадiи погребенiя. Правда, выше я говорилъ о суевѣрномъ страхѣ первобытнаго человѣка передъ «духомъ», однако, я думаю, что страхъ этотъ вызывался нестолько привидѣнiемъ—«духомъ», сколько непосредственно самимъ трупомъ. Дикарь, очевидно, считаетъ самый трупъ способнымъ вернуться на свѣтъ, такъ какъ скрываетъ его въ землѣ, придавливаетъ камнями, отрубаетъ руки, ноги и пр. Поэтому, допуская, что дикарь признаетъ вѣроятнымъ и возвращенiе духа, я не могу, однако, представить себѣ, чтобы онъ могъ строго отличить трупъ отъ духа. Если мы разсмотримъ тѣ средства, къ которымъ обращается большая часть древнихъ народовъ для удаленiя мертвецовъ изъ своей среды, то станетъ еще болѣе яснымъ и понятнымъ мнѣнiе, что безсмертенъ самый трупъ. И дѣйствительно, сейчасъ мы находимся въ такой стадiи, когда различiе между духомъ, какъ таковымъ, и мертвымъ тѣломъ еще едва замѣтно. Во всѣхъ приведенныхъ выше случаяхъ человѣчство вѣритъ, что покойникъ продолжаетъ жить въ гробу той же жизнью, что и на землѣ; поэтому его снабжаютъ оружiемъ, посудой, пищей, питьемъ, короче — всѣмъ, что ему необходимо въ новомъ жилищѣ. Мысль о дальнѣйшей жизни тѣла послѣ погребенiя объясняетъ намъ всѣ раннiя стадiи философiи души. Сперва тѣло живетъ въ домѣ, среди родныхъ; затѣмъ оно продолжаетъ жить въ могилѣ, среди предковъ.

Наряду съ этой наивной дѣтской вѣрой въ потустороннюю жизнь тѣла, появляется и развивается новая вѣра, совершенно противоположная первой, вѣра въ будущее воскресенiе тѣла. По законамъ логическаго мышленiя, нѣтъ никакой надобности въ такомъ воскресенiи, разъ тѣло живетъ и послѣ смерти. Но религiозное мышленiе, какъ извѣстно, мало справляется съ законами логической послѣдовательности; дикарь же никогда не имѣетъ двухъ различныхъ мнѣнiй по одному и тому же предмету. Его мысли направляются попеременно то въ одну, то въ другую сторону. Въ христiанскомъ вѣроученiи желали согласовать двѣ совершенно различныя идеи: вѣру въ грядущее тѣлесное воскресенiе и вѣру въ вѣчную жизнь души; а именно, признали, что душа съ моментомъ смерти отдѣляется отъ тѣла; въ промежуткѣ до воскресенiя она пребываетъ въ какомъ-то неизвѣстномъ мѣстѣ, въ «Scheol'ѣ» *) или въ «мрачномъ Аидѣ».

Въ эту вторую стадiю—стадiю преданiя землѣ — распространяется вѣра, что когда-нибудь наступитъ всеобщее воскресенiе. Такая вѣра несомнѣнно выросла и развивалась изъ ожиданiя частаго, индивидуальнаго воскресенiя. Думали, что каждый отдѣльный трупъ когда-нибудь воскреснетъ; или (вѣрили и въ это), что въ одинъ прекрасный день всѣ тѣла сразу возстанутъ. Пока существуетъ погребенiе, наряду съ нимъ живетъ и вѣра въ воскресенiе; она составляетъ тогда главный элементъ въ представленiи о загробной жизни у всѣхъ народовъ, погребающихъ своихъ покойниковъ въ землѣ.

Переходъ отъ второй—стадiи погребенiя—къ третьей—стадiи сожженiя съ ея вѣрой въ безсмертiе души, объясняется слѣдующимъ образомъ. Человѣкъ пытается удержать духъ (или трупъ) подъ землей не только си-

---

*) Scheol—подземный мiръ древнихъ евреевъ. Повидимому, они не имѣли о немъ вполнѣ точныхъ представленiй. Происхожденiе слова „Scheol" сомнительно; вѣроятно оно означаетъ пещеру или яму. Такое пониманiе ближе всего подходитъ къ мнѣнiю Грантъ-Аллена.

лой; онъ начинаетъ почтительно просить его объ этомъ. Иногда эти просьбы очень нѣжны и трогательны; напр., очень вѣжливо просятъ и заклинаютъ покойника тихо лежать въ могилѣ и не причинять никакихъ непріятностей. Но иногда человѣкъ не бываетъ такъ кротокъ; онъ забрасываетъ трупъ палками, камнями и пр., давая ему понять, что посѣщенія его вовсе не желательны. По моему мнѣнію, и древнее сожженіе первоначально также принадлежитъ къ суровымъ мѣрамъ, принимаемымъ противъ такихъ труповъ, отъ которыхъ можно ожидать особыхъ непріятностей. И это тѣмъ вѣроятнѣе, что Фразеръ указываетъ случаи, когда сожженіе примѣняется въ качествѣ цѣлебнаго средства противъ вампировъ. Первоначально цѣль его несомнѣнно была также помѣшать трупу вернуться на землю, къ живому человѣчеству.

У одного какого-нибудь народа сожженіе вошло въ обычай, и оно стало распространяться повсюду, гдѣ внѣшнія обстоятельства не препятствовали тому. Сожженіе трупа и лучше, и здоровѣе, чѣмъ погребеніе; поэтому оно было излюбленнымъ средствомъ каждаго народа, разъ принявшаго его. Такимъ образомъ, вполнѣ естественно, что племена, которыя на извѣстной ступени культуры сжигали трупы по различнымъ внѣвшнимъ причинамъ, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, примѣняли его вполнѣ сознательно до тѣхъ поръ, пока какія-нибудь неблагопріятныя обстоятельства не нарушали установленной нормы.

Тѣ суевѣрія, которыя вызвали мысль о загробной жизни, понятно, не исчезли съ появленіемъ трупосожиганія. Превращая тѣла своихъ близкихъ въ золу, первые трупосожигатели, вѣроятно, надѣялись, что этимъ окончательно закроютъ мертвецу доступъ въ міръ живыхъ; но они не могли уничтожить грезъ о возвращеніи души, какъ не въ ихъ силахъ было запретить вѣтру дуть надъ могилой, летучимъ мышамъ — носиться надъ ней, или помѣшать непонятнымъ мистическимъ ужасамъ и страхамъ распространяться въ массахъ. Въ дѣйствительности сохранились тѣ факторы, которые и раньше вели къ созданію идеи странника - духа, бродячаго привидѣнія. Въ процессѣ образованія этой идеи, сожженіе трупа, какъ мнѣ кажется, внесло лишь нѣкоторое измѣненіе. Духъ сталъ болѣе тѣнеподобнымъ, болѣе нематеріальнымъ, легкимъ и духовнымъ; другими словами— онъ сталъ ближе къ духу, именно, въ томъ смыслѣ, какой мы теперь придаемъ этому слову; такимъ образомъ, духъ пересталъ быть бродячимъ мертвецомъ. Пониманіе духа, какъ тѣни, свойственно, какъ я думаю, именно, народамъ-трупосожигателямъ. Въ пользу моего мнѣнія говоритъ, напримѣръ, то, что классическая литература грековъ и римлянъ (народовъ, сжигавшихъ трупы) ближе всего познакомила насъ съ идеей тѣнеподобнаго, неосязаемаго духа. На низшихъ ступеняхъ развитія бродячее привидѣніе считается тѣлеснымъ и ощущаемымъ, на болѣе же высокихъ оно мыслится безтѣлеснымъ и неощущаемымъ. Такъ, напримѣръ, когда апостолъ Петръ прибылъ въ Іерусалимъ, бѣжавъ изъ темницы, то ученики его полагали, что видятъ его «ангела». У австралійцевъ «бѣлая женщина», жившая много лѣтъ среди туземцевъ, называется ими «духомъ».

Такимъ образомъ, достаточно выяснено, что народы, сжигавшіе трупы, не имѣютъ уже понятія о воскресеніи тѣла. И если вѣрна приводимая мною гипотеза, то человѣчество именно для того и обратилось къ сожженію тѣла, чтобы помѣшать ему воскреснуть въ неудобный моментъ. Націи, легко допускающія возможность различныхъ чудесъ, правда, продолжаютъ вѣрить, что не только море можетъ вернуть своихъ мертвецовъ, но и сожженныя, растерзанныя, сгнившія въ землѣ тѣла могутъ быть собраны отовсюду и снова ожить, снова прійти въ прежнее состояніе. Однако, подобное воззрѣніе совершенно не соотвѣтствуетъ наивной вѣрѣ первобытнаго

человѣка. Для него сожженное тѣло погибало навѣки. Понятно, поэтому, что среди народовъ - трупосожигателей вѣра въ воскресеніе тѣла пропадаетъ и, вмѣсто нея появляется вѣра въ безсмертіе души. Хотя тѣло и сжигается, но духъ продолжаетъ жить, и эта жизнь даетъ толчекъ новому ученію о душахъ и бродячихъ видѣніяхъ. Мало по-малу, духъ по своему существу обожествляется; тѣло—это внѣшняя оболочка, а духъ, плѣненный тѣломъ, можетъ быть освобожденъ лишь посредствомъ огня. Такимъ путемъ доходятъ до мысли, что огонь дѣйствуетъ на мертвое тѣло не разрушительно, а, наоборотъ, благотворно. То, что первоначально было одной изъ самыхъ суровыхъ мѣръ борьбы съ мертвецомъ, становится святой обязанностью. Точно также и погребеніе, исходившее изъ побужденій, диктуемыхъ инстинктомъ самохраненія, превратилось въ благочестивый религіозный долгъ. Появилась вѣра, что непогребенныя души бродятъ и молятъ горстью земли прекратить ихъ безпокойное скитаніе (Archytas; Horatius, оды 1-ая и 2-ая). Человѣчество прониклось сознаніемъ, что актъ сожженія является вѣрнымъ средствомъ освобожденія духа изъ оковъ тѣла; оно пріобрѣло въ его глазахъ особую торжественность и потеряло характеръ способа защиты отъ мертвеца.

Далѣе, въ человѣчествѣ появляется смутная фантастическая мысль о мірѣ тѣней, совершенно отличная отъ ясныхъ представленій двухъ предшествующихъ стадій.

Мумія, по общему вѣрованію, жила въ гробу; его поэтому украшали и снабжали всѣмъ тѣмъ, что необходимо для полнаго комфорта египтянина. Теперь потребности духа напротивъ совсѣмъ иныя; оружіе и утварь ему больше не нужны. Предметы, найденные въ курганахъ территоріи Round Barrows — народа, сжигавшаго трупы, служатъ убѣдительнымъ доказательствомъ этого глубокаго различія. Могилы Long Barrows — народа каменнаго вѣка—представляютъ собою подземное жилище, тщательно приспособленное для пребыванія трупа. Жены и рабы покойнаго убивались и хоронились вмѣстѣ съ нимъ, чтобы составить ему общество; вмѣстѣ съ собственникомъ помѣщались украшенія, посуда, утварь, чаши, оружіе и пр. Жизнь на могилѣ казалось имъ столь же реальной и вещественной, какъ и жизнь на землѣ. Совсѣмъ иную картину наблюдаемъ мы у Round Barrows—народа бронзоваго вѣка. Курганъ возводится у нихъ надъ урной, всегда круглой, тогда какъ гробница Long Barrows имѣетъ продолговатую форму. Въ урнѣ находится зола; лежащіе рядомъ утварь и оружіе поломаны и попорчены огнемъ. Вѣдь духу, который теперь считается безтѣлеснымъ, тяжелое оружіе совершенно не нужно. Только тѣнь утвари или оружія можетъ пригодиться владѣльцу въ странѣ тѣней. Поэтому всѣ необходимые предметы разламываются и сжигаются, чтобы освободить ихъ тѣнь отъ вещественной формы; вѣдь теперь вѣрятъ, что каждый матеріальный объектъ имѣетъ своего духа, который можетъ быть соотвѣтствующимъ образомъ использованъ въ мірѣ духовъ.

Наряду съ этой эволюціей отъ идеи вѣчно-живущаго тѣла къ идеѣ безсмертной души, происходитъ и другая: представленіе о жизни въ узкой, тѣсной могилѣ замѣняется мыслью о свободномъ пребываніи въ подземномъ царствѣ тѣней и духовъ. Духъ становится самостоятельнѣе и независимѣе. Онъ получаетъ большую свободу передвиженія и превращается въ гражданина общины, надъ которой иногда господствуетъ особый царь мертвыхъ; этотъ царь награждаетъ и наказываетъ своихъ подданныхъ. Эти идеи, которыя раздѣлялись почти всѣми нашими предками и извѣстны намъ изъ классической литературы, оказали огромное вліяніе на дѣйствительныя представленія современныхъ европейцевъ о душѣ и страшномъ судѣ.

Большая часть тѣхъ, кто въ наши дни яко бы вѣруетъ въ «воскресеніе мертвыхъ», въ дѣйствительности вѣрить въ безсмертіе души.

Казалось бы, есть какое-то странное противорѣчіе между двумя, столь мало согласуемыми понятіями: съ одной стороны,— тѣла погребаются въ землѣ или сжигаются въ огнѣ, чтобы они не могли снова вернуться къ живымъ; съ другой, — на ихъ могилахъ возникаетъ почитаніе безтѣлесныхъ духовъ, которымъ даже приносятся удары. Но въ пониманіи дикаря эти двѣ идеи вовсе не такъ непримиримы. Дѣйствительно, хоть онъ и пляшетъ надъ трупомъ своего отца или друга съ цѣлью удержать его въ маленькой ямѣ, однако, онъ доставляетъ ему средства пропитанія или закалываетъ животныхъ на могилѣ, чтобы освѣжить духъ кровью жертвы.

Въ дѣйствительности мы встрѣчаемся съ различными обычаями, которые заполняютъ кажущуюся пропасть между заботливымъ уходомъ за муміей и дикими мѣрами защиты отъ трупа — мѣрами, нашедшими себѣ наиболѣе полное выраженіе въ сожженіи и погребеніи. Такъ, во многихъ случаяхъ (нѣкоторые изъ нихъ мы особо разсмотримъ въ ближайшей главѣ) голова трупа, пролежавшаго нѣкоторое время въ могилѣ, извлекается оттуда и помѣщается у семейнаго очага, гдѣ ей оказываютъ почитаніе и поклоненіе. Часто она играетъ для семьи роль оракула. Этотъ культъ черепа выражается въ различнѣйшихъ формахъ вплоть до сохраненія головы Гуссейна въ Каирѣ и черепа св. Діонисія въ аббатствѣ St.-Deni.

Я хочу еще указать, что между полнымъ сохраненіемъ трупа въ жилищѣ и погребеніемъ его, повидимому, была еще промежуточная стадія. Теперь рѣдко можно встрѣтить племя, находящееся на этой стадіи, но прежде, насколько мы можемъ судить по дошедшимъ до насъ слѣдамъ, въ ней пребывало очень большое число народовъ. Въ эту именно стадію все тѣло, или только часть его, съѣдалось при чемъ весь этотъ актъ разсматривался, какъ актъ величайшей святости. Я еще остановлюсь на этомъ мѣчательномъ, хотя и отвратительномъ, обычаѣ, когда мы подойдемъ къ разрѣшенію сложной проблемы о жертвахъ и таинствахъ; здѣсь я ограничусь лишь бѣглымъ указаніемъ на то, что во многихъ случаяхъ (напримѣръ, въ Австраліи и Южной Америкѣ) мясо съѣдаютъ, а кости хоронятъ или сжигаютъ. У дикарей мы встрѣчаемся также со слѣдующимъ обычаемъ. Выварпвъ голову мертвеца въ кипяткѣ, ее очищаютъ отъ мяса и обмываютъ, произнося особыя молитвы. Послѣ этого черепъ становится божествомъ-оракуломъ, являясь въ то же время объектомъ поклоненія семьи умершаго. Въ дальнѣйшихъ главахъ я приведу соотвѣтствующіе примѣры.

Такимъ образомъ, дикарь не видѣлъ того противорѣчія между мѣрами защиты отъ трупа и почитаніемъ его, которое возникаетъ у современнаго культурнаго человѣка.

Тѣ три стадіи эволюціи человѣческой мысли, которыя мы разсмотрѣли въ настоящей главѣ, могутъ быть кратко формулированы такъ: стадія культа трупа, стадія культа духа, стадія культа тѣней.

Глава IV.

Происхожденіе боговъ.

Гербертъ Спенсеръ такъ обстоятельно изложилъ эволюцію духа въ божество, что я въ этой главѣ ограничусь краткимъ повтореніемъ его положеній и добавлю только нѣкоторые новые примѣры. Я буду вести свое изслѣдованіе въ связи съ тѣми тремя стадіями развитія человѣческихъ представленій о загробной жизни, о которыхъ я уже говорилъ выше.

На первой, самой древней ступени, когда сберегался самый трупъ, боги, собственно говоря, неизвѣстны человѣку: почитаніе воздается обы-

кновенно трупамъ друзей или родныхъ. Эллисъ приводитъ примѣръ изъ жизни островитянъ Таити. Они усаживаютъ трупъ вождя подъ особой крышей, воздвигаютъ передъ нимъ алтарь, на которомъ либо родственники, либо священникъ, которому поручается уходъ за трупомъ (послѣднее особо важно), ежедневно приносятъ дары: фрукты пищу и цвѣты. По свѣдѣніямъ Спенсера, жители центральной Америки аналогично обращаются съ трупами, которые предварительно высушиваются особымъ искусственнымъ способомъ. Дикари Новой Гвинеи почитаютъ муміи своихъ родителей и супруговъ, какъ это показалъ д'Альбертисъ. Нѣсколько выше стоитъ поклоненіе муміямъ у египтянъ и перуанцевъ; оно сохранилось даже тогда, когда многіе изъ могущественныхъ царей и вождей уже превратились въ боговъ. Вездѣ, гдѣ сохранялся самый трупъ, ему посвящали культъ и приносили жертвы.

Но очень часто сохраняется не все тѣло, а только голова, къ которой и переходитъ тогда все почитаніе. Такъ Форбсъ передаетъ о племени Буру: «Мертвецовъ хоронятъ въ лѣсу, въ глухомъ мѣстѣ, которое обыкновенно отмѣчается могильнымъ столбомъ. На этомъ столбу родственники раскладываютъ въ опредѣленномъ порядкѣ табакъ и другіе дары. Когда тѣло истлѣваетъ, сынъ или ближайшій родственникъ выкапываетъ черепъ, завертываетъ его въ новую ткань и помѣщаетъ въ своемъ домѣ или въ особой хижинкѣ, построенной рядомъ съ могилой. Черепъ является, такимъ образомъ, замѣстителемъ предка, велѣнія котораго исполняются съ съ величайшемъ почтеніемъ».

Въ этомъ интересномъ сообщеніи надо отмѣтить два важныхъ момента, дающихъ намъ указанія для разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ, которыхъ мы коснемся въ дальнѣйшемъ. А именно: могильный столбъ, который послужилъ, вѣроятно, прообразомъ деревяннаго идола, и маленькая хижина, которую строютъ возлѣ могилы; послѣдняя безъ сомнѣнія является однимъ изъ факторовъ, которые привели человѣчество къ храмамъ и молитвеннымъ домамъ. Далѣе отмѣтимъ священный обрядъ обертыванія трупа въ ткань и исполненіе велѣній черепа, какъ оракула.

Извѣстный миссіонеръ Vyatt Gill, описываетъ аналогичную картину похоронъ ребенка у племени Бера въ Новой Гвинеѣ. Трупъ зарывается въ землю на глубину двухъ дюймовъ; друзья дежурятъ у могилы. Затѣмъ черепъ и мелкія кости собираются и отдаются матери, которая носитъ ихъ при себѣ. Относительно племени Сюо, онъ говоритъ: «Когда я спрашивалъ о назначеніи многихъ встрѣчавшихся мнѣ маленькихъ домиковъ, мнѣ отвѣчали, что это надмогильныя хижины. Всѣхъ членовъ одной семьи хоронятъ въ одной и той же могилѣ; землю, которая весьма скудно покрываетъ все прибывающіе трупы, отгребаютъ, чтобы дать мѣсто для новыхъ пришельцевъ. Могилы не глубоки; трупы хоронятся въ сидячемъ положеніи со сложенными руками; земля насыпается только до рта, на голову же одѣваютъ глиняный горшокъ. Спустя нѣсколько времени его снимаютъ; черепъ отдѣляютъ отъ тѣла, чистятъ его и, наконецъ, вѣшаютъ въ корзинѣ или въ сѣтяхъ надъ очагомъ въ жилищѣ покойнаго, гдѣ дымъ и копоть покрываютъ его густымъ слоемъ». Въ Африкѣ также часты случаи сохраненія головы въ горшкѣ и поклоненія ей. Въ Америкѣ были найдены въ курганахъ близъ Нью-Мадрида глиняные горшки съ черепами, при чемъ раздобыть хоть одинъ изъ нихъ можно было только разломавъ горшокъ. Этотъ же обычай мы находимъ и у прочихъ некультурныхъ народностей Новой Гвинеи и Малайскаго архипелага. Спенсеръ привелъ много такихъ примѣровъ, изъ которыхъ я остановлюсь на слѣдующихъ. Въ часовнѣ короля Адоли въ Бедеграй въ горшкѣ, вкопанномъ въ землю, сохраняется черепъ отца этого властителя. Адоли дѣлаетъ ему суровые

упреки, если какое-нибудь предпріятіе не даетъ желательныхъ результатовъ. У манданов, существуетъ обычай ставить черепа въ кругъ; каждая женщина знаетъ черепъ своего мужа или ребенка и не проходитъ дня, чтобы она не навѣстила ихъ и не принесла горячей пищи. Въ хорошую погоду онѣ сидятъ или лежатъ возлѣ череповъ своихъ близкихъ, и ведутъ съ ними продолжительныя дружескія бесѣды. Такое безбоязненное, чисто любовное отношеніе къ трупу особенно характерно для первой стадіи человѣческаго пониманія смерти. Оно обыкновенно исчезаетъ съ появленіемъ погребенія и замѣняется страхомъ и отвращеніемъ. Лишь черепъ попрежнему вызываетъ любовь, тогда какъ могила съ тѣломъ уже внушаетъ боязнь и омерзѣніе.

Понятіе о нѣсколько болѣе высокой стадіи развитія отношеній къ трупу даютъ намъ разсказы Дю-Шалью о его западно-африканскихъ спутникахъ, которые при началѣ всякаго дѣла доставали черепъ своего предка, приготовляли изъ костей его порошокъ, который и выпивали въ водѣ. Они думали, что пріобщеніе къ храбрымъ предкамъ сдѣлаетъ ихъ самихъ отважными. Здѣсь мы, очевидно, встрѣчаемся съ примитивнѣйшей и древнѣйшей формой обычая «съѣдать бога», впервые подчеркнутаго Фразеромъ.

Культъ предковъ, являющійся издревле центромъ всѣхъ вѣрованій, и въ настоящее время служитъ главной религіозной формой въ Китаѣ и другихъ странахъ. У китайцевъ собственно нѣтъ боговъ. У нѣкоторыхъ народовъ культъ предковъ остается въ силѣ даже послѣ того, какъ чужія религіозныя вліянія проникли въ ихъ среду. Лары и пенаты Греціи и Рима играли важную роль въ частномъ культѣ языческаго міра. Но съ теченіемъ времени обыкновенно происходитъ дифференціація духовъ, при чемъ однимъ изъ нихъ воздается больше почестей, чѣмъ другимъ. Такъ создаются собственно боги. Такимъ образомъ, божество это первоначально необыкновенно могущественный и дружески расположенный духъ, который можетъ помочь человѣку, и отъ содѣйствія котораго человѣкъ можетъ ожидать благихъ послѣдствій. Далѣе, появленіе достоинствъ вождя и князя (короля, царя и пр.) оказало сильное вліяніе на развитіе идеи божества. Мертвый царь, обладавшій при жизни большой властью и значительнымъ авторитетомъ, понятно, пріобрѣтаетъ послѣ смерти характеръ божества высшаго разряда. Подробнѣе я разовью эту мысль въ дальнѣйшемъ, при изслѣдованіи вопроса о египетскихъ богахъ; здѣсь же я ограничусь замѣчаніемъ, что параллельно съ ростомъ могущества королевской власти возрастаетъ и власть боговъ.

Переходя теперь къ слѣдующей стадіи—стадіи погребенія трупа въ землѣ, прежде всего займемся вопросомъ, возможно ли здѣсь почитаніе покойника и возвышеніе его до божества. Вѣдь мы знаемъ, что погребеніе вызывается стремленіемъ удалить отъ себя трупъ и не дать ему возможности снова вернуться. Однако, естественная близость къ родственнику или другу и желаніе заручиться его расположеніемъ и помощью согласуютъ два, на первый взглядъ, противорѣчивыя стремленія. И мы, дѣйствительно, видимъ, что люди, сжигая или погребая въ землѣ своихъ покойниковъ, продолжаютъ, однако, воздавать имъ почести. Въ дальнѣйшемъ мы покажемъ также, что тѣ большіе камни, которые нагромождались на могилахъ, съ цѣлью закрыть выходъ мертвецу, современемъ превратились въ алтари, на которыхъ приносились жертвы душамъ.

Все это время идетъ рѣзкая дифференціація божествъ, значеніе которыхъ соотвѣтственно возрастаетъ съ появленіемъ храма и жреческихъ кастъ. И именно неопредѣленность и неясность самаго понятія безтѣлеснаго духа способствуетъ возвышенію его божескаго достоинства. Боги мыслятся

все болѣе духовными и невещественными, по образу и сущности все менѣе похожими на человѣка; ихъ надѣляютъ величайшими свойствами; они становятся безконечно великими, ихъ отождествляютъ съ солнцемъ, луной и великими силами природы. Но въ стадіи политеизма они никогда не становятся всемогущими, ибо сила каждаго изъ нихъ, понятно, ограничивается. Вполнѣ ясно поэтому, что греки и римляне считали боговъ немногимъ могущественнѣе простыхъ смертныхъ. Гораздо позднѣе, подъ вліяніемъ монотеизма, когда образовалось болѣе высокое представленіе о божествѣ, создалось іудейство и христіанство съ ихъ культомъ единаго всемогущаго Бога.

Еще разъ подчеркиваю: домашній культъ предковъ могъ вызвать къ жизни только частную религію данной семьи, данной familia, культъ Manes, культъ семейныхъ боговъ, которыхъ слѣдуетъ строго различать отъ племенныхъ и народныхъ божествъ. Превращеніе же семейныхъ боговъ въ обще-національные происходитъ, благодаря вліянію царской власти.

Мы видѣли въ сообщеніи Д. Макдональда, какъ въ центральной Африкѣ создаются боги, какъ изъ культа предковъ вождя возникаютъ племенныя и мѣстныя божества; мы знаемъ также, что съ появленіемъ и ростомъ царской власти, прогрессируетъ авторитетъ и сила народныхъ боговъ. Особенно же не слѣдуетъ забывать, что время является также могущественнымъ факторомъ въ этомъ процессѣ; далекіе предки въ глазахъ потомковъ все болѣе утрачиваютъ человѣческій образъ и выступаютъ въ воспоминаніяхъ, какъ сверхъ-естественныя существа. Если великъ правящій царь, то какъ же великъ долженъ быть его предокъ, котораго почитаетъ и боится самъ царь; а древнѣйшій богъ, предокъ предковъ вѣдь еще могущественнѣе! Такимъ образомъ, постепенно создается дифференціація и іерархія божествъ; при чемъ древнѣйшее изъ нихъ, меньше всего извѣстное, становится обыкновенно самымъ могущественнымъ. У совершенно некультурныхъ народовъ мы находимъ обыкновенно только такіе объекты культа, которые принадлежатъ исключительно отдѣльной семьѣ и ведутъ свое происхожденіе съ древнѣйшихъ временъ. Такъ, вожди дикихъ племенъ молятся своему отцу и дѣду. Болѣе древніе предки ими совершенно забыты, какъ это показалъ Д. Макдональдъ. Но въ средѣ культурныхъ народовъ появляются различные факторы, способствующіе сохраненію памяти о давно умершихъ; однимъ изъ такихъ факторовъ, достигшимъ выдающагося значенія въ высоко развитой общественной жизни, является предположеніе, что новые боги (духи или цари) менѣе значительны, чѣмъ болѣе древніе, пользовавшіеся почитаніемъ и ранѣе. Изреченіе «Vires acquiritеundo» относится болѣе къ божеству, чѣмъ къ чему-либо иному.

На позднѣйшихъ ступеняхъ развитія общества возникаютъ еще святые, или юные боги, которые пріобрѣтаютъ второстепенное значеніе. Происхожденіе же величайшихъ и могущественнѣйшихъ боговъ относится къ сѣдой древности, а ихъ человѣческое бытіе пропадаетъ во тьмѣ вѣковъ.

Здѣсь я долженъ отмѣтить три фактора, играющихъ видную роль въ эволюціи божества, а именно: возникновеніе храмовъ, изображенія боговъ (идолы и кумиры), а, прежде всего, жречество.

Происхожденіе храмовъ объясняется различно, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что прообразомъ ихъ являются либо могилы мертвецовъ, либо тѣ мѣста, на которыхъ совершалось поклоненіе имъ.

Эту истину, которую Спенсеръ открылъ, изучая отчасти путешественниковъ или работы изслѣдователей старины, совершенно независимо отъ него высказалъ В. Симпсонъ, основываясь на совершенно новыхъ наблюденіяхъ и

данныхъ. Симпсонъ посѣтилъ лично большее количество святынь всего міра, чѣмъ кто-либо изъ путешественниковъ до него; уже очень скоро онъ подмѣтилъ, что почти всѣ эти мѣста, если только происхожденіе ихъ достаточно извѣстно, первоначально служили въ той или иной формѣ гробницами и могилами. Результаты своихъ изслѣдованій онъ изложилъ въ цѣломъ рядѣ сочиненій, особенно въ «Культѣ мертвыхъ». Пещера является вѣроятной древнѣйшей формой храма. Иногда оставляютъ покойника въ той самой пещерѣ, въ которой онъ жилъ; примѣръ мы уже видѣли (веддасы на о. Цейлонѣ). Въ другихъ случаяхъ, когда народъ уже не пользуется пещерами для жилья, погребеніе въ нихъ или въ искусственныхъ гротахъ сохраняется въ силу традиціи. Во всѣхъ такихъ пещерахъ приносятся покойнику дары, и, такимъ образомъ, мы имѣемъ передъ собой происхожденіе пещернаго храма. Храмами первоначально служили или пещеры, или грубые искусственно выстроенные гроты, но уже очень скоро они украшаются различной живописью (напр., у южно-африканскихъ бушменовъ). Изъ этихъ украшеній развились впослѣдствіи столь колоссальныя сооруженія, какъ царскія гробницы въ Ѳивахъ, представляющія цѣлый рядъ надмогильныхъ храмовъ. Скульптура также привлекается къ участію; она создаетъ такія художественныя украшенія пещерныхъ храмовъ, какія мы имѣемъ въ храмахъ Эллора. Въ этрусскихъ храмахъ имѣются продукты обоихъ искусствъ.

Второй случай возникновенія это тотъ, когда родственники покидаютъ жилье, гдѣ умеръ кто-либо; это жилье и превращается въ храмъ, гдѣ приносятся дары покойнику. Такой случай мы наблюдаемъ у готтентотовъ. Чельмерсъ описываетъ хижину-могилу, видѣнную имъ въ Гвинеѣ: «Вождь, покрытый цыновками, лежитъ внутри хижины. Меня пригласили присѣсть и подождать начала оплакиванія». Повсюду оплакиваніе совершается женщинами (плакальщицы), что напоминаетъ намъ культъ Озириса и Адониса и христіанское представленіе плачущей Богоматери. Спенсеръ собралъ еще другіе примѣры: «такъ какъ въ покинутую хижину продолжаютъ приносить пищу, и такъ какъ наряду съ такими приношеніями употребляются также и иныя средства умилостивленія, то прежнее жилье становится домомъ покойника».

Третья гипотеза происхожденія храма отправляется отъ факта постройки надъ мертвыми крыши, шатра или домика, или для его защиты или для удобства приносящихъ дары. Такъ, по сообщенію Чельмерса туземцы нѣкоторыхъ областей Новой Гвинеи хоронятъ покойниковъ противъ своихъ жилищъ и обносятъ могилы домиками, въ которыхъ ближайшіе родственники спятъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Съ другой стороны, показанія Д. Макдональда свидѣтельствуютъ, что туземцы центральной Африки отправляютъ свой культъ не непосредственно у могилъ. Въ такихъ случаяхъ, обыкновенному почитанію мертваго у могилы его препятствуетъ страхъ передъ бродящимъ привидѣніемъ. Такъ какъ духъ считаютъ способнымъ отдѣлиться отъ тѣла, то признаютъ возможнымъ воздавать ему почести и на такомъ мѣстѣ, которое нѣсколько удалено отъ опасной могилы. Потому эти африканцы ищутъ духа тамъ, гдѣ ихъ умершій товарищъ жилъ въ послѣдніе дни; высокое дерево у порога его жилища становится ихъ храмомъ; если же дерева нѣтъ, то они ставятъ маленькій щитъ, передъ которымъ и отправляютъ свои несложные обряды. Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло еще съ однимъ случаемъ происхожденія храма—отъ священнаго дерева, играющаго въ культѣ многихъ народовъ вполнѣ самостоятельную роль.

Храмъ — первоначально пещера или скромное жилье—съ ростомъ царской власти и развитіемъ искусства, принимаетъ большіе размѣры и

и украшается все великолѣпнѣе и богаче. Какъ мы убѣждаемся на примѣрѣ Египта и Персіи, особеннаго величія достигаютъ могильные храмы тамъ, гдѣ ихъ строитъ царь еще при жизни лично для себя. Храмы-могилы такого рода достигли особаго художественнаго величія въ такихъ памятникахъ искусства, какъ сокровищница царя Атрея въ Микенахъ, которая въ дѣйствительности является мавзолеемъ какого-то неизвѣстнаго до-историческаго царя.

Понятно, что народное сознаніе обусловливало значеніе и вліяніе храма могуществомъ обитавшаго въ немъ божества. И обратно, съ возрастаніемъ силы божества, увеличивалась готовность художниковъ строить и украшать постоянное его мѣстопребываніе. Въ концѣ концовъ, вліяніе божества опредѣлялось впечатлѣніемъ, которое производилось на человѣка его домомъ.

Чѣмъ обязанъ эллинскій культъ Парѳенону и храму Олимпійскаго Зевса? Чѣмъ обязано христіанство соборамъ Милана, Пизы, св. Петра и Марка? Люди никогда не понимаютъ, что божества, живущія въ столь роскошныхъ, подавляющихъ своимъ величіемъ чертогахъ, были когда то такими же простыми смертными. Однако, мы всѣ хорошо знаемъ, что напр., всѣ послѣдніе храмы строются въ честь одного человѣка изъ Палестины.

Послѣ этого краткаго обзора происхожденія храмовъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію эволюціи изображенія боговъ, которые обитаютъ въ нихъ. Гдѣ господствуетъ погребеніе, и искусство находится въ зачаткѣ, тамъ, понятно, воспоминаніе о покойникѣ сохраняется лишь у двухъ-трехъ поколѣній. Но гдѣ нормальнымъ способомъ сохраненія трупа является бальзамированіе его, тамъ покойникъ можетъ почитаться безконечно долгое время. Такъ, мы опредѣленно знаемъ, что до птоломейской эры сохраняется культъ древнѣйшихъ египетскихъ фараоновъ. Въ такихъ случаяхъ, конечно, нѣтъ необходимости въ изображеніи бога, такъ какъ главнымъ объектомъ культа служитъ имѣющійся трупъ. Поэтому, мы видимъ, что въ Египтѣ и въ Перу выдающуюся роль въ мѣстныхъ религіяхъ игралъ культъ муміи, хотя по временамъ и присоединялись посторонніе предметы, какъ, напримѣръ, священные камни. Но во многихъ другихъ странахъ, гдѣ трупы не сохранялись такими способами, являлась потребность въ изображеніи или вообще реальномъ представленіи божества (идола); такъ что самое слово «идолопоклонство» въ настоящее время обозначаетъ всякую форму культа, не признающую единаго Бога.

Какъ же возникли всѣ эти идолы, кумиры и прочее? Что они представляютъ собою и въ какомъ отношеніи они стоятъ къ древнему культу трупа или духа? Я думаю, что изображенія боговъ, подобно храмамъ, ведутъ свое начало отъ различныхъ основъ. Спенсеръ указалъ нѣкоторыя; но, по моему мнѣнію, есть еще другія, которыя не были отмѣчены этимъ глубокимъ мыслителемъ. Древнѣйшей формой изображенія божества, является отсутствіе вообще всякаго изображенія, мѣсто котораго занимаетъ бальзамированный трупъ. Вмѣсто различныхъ мумій появляются другія, замѣняющія трупъ, фигуры. Извѣстно, что мумія обыкновенно такъ завертывалась въ полотно, что внѣшности ея не было уже видно; кромѣ того, она часто помѣщалась еще въ закрытый саркофагъ. Слѣдовательно, необходимо было какъ-нибудь зарисовать внѣшность покойнаго. Отсюда прибѣгли къ изображенію его на крышкѣ саркофага. А это дало мысль, вообще, о возможности и желательности изображенія боговъ. Такъ древнѣйшими изображеніями египетскихъ боговъ Амона, Кема, Озириса и Попа и служатъ муміи въ саркофагахъ. Но вѣдь мумія рѣдко изображаетъ всего человѣка; внутренности его, а въ новой Гвинеѣ напр., вообще, все мясо, всегда удаляются,

такъ что остаются только кости и кожа. Глазамъ же, напротивъ, искусственнымъ способомъ, напр., въ Перу, часто придается какъ бы живой видъ; отъ этихъ мѣръ перешли къ другимъ, пока, мало-по-малу, изображеніе бога совершенно не вытѣснило трупъ и мумію. Наглядную картину такого перехода даетъ Форбесъ. На Тиморлаутѣ хоронятъ только тѣла тѣхъ, кто палъ въ сраженіи или умеръ насильственной смертью. Если врагъ отрубилъ голову, то вмѣсто нея кладется кокосовый орѣхъ, чтобы замѣнить недостающую часть тѣла и тѣмъ успокоить духъ. Существуетъ много примѣровъ того, что такими искусственными членами вообще замѣнялись недостающія части растерзанныхъ труповъ. Туземцы Юкатана приготовляютъ деревянныя изображенія своихъ предковъ, кладутъ туда золу сожженныхъ труповъ и обшиваютъ ихъ кожей, снятой съ черепа. Такія изображенія, полу-муміи, устанавливаются въ домѣ и пользуются величайшимъ почетомъ и вниманіемъ. Въ праздники имъ предлагаютъ пищу и питье. Ясно, что именно сожженіе приводитъ къ такой замѣнѣ подлиннаго трупа, тогда какъ у народа, придерживающагося погребенія, роль изображенія покойника играетъ черепъ его, о которомъ мы уже такъ много говорили.

Переходъ отъ подобныхъ изображеній къ небольшимъ этрусскимъ каменнымъ урнамъ, безусловно, очень великъ. Онѣ содержали прахъ покойника, который изображался на крышкѣ съ чашей въ рукѣ, какъ-будто сидя на пиру. Эти урны помѣщались въ могилахъ двоякаго рода: въ каменныхъ пирамидахъ или конусахъ, которые, по мнѣнію Тэйлора, являются пережиткомъ могильнаго холма; или въ углубленіяхъ скалъ, являющихся пережиткомъ пещерныхъ могилъ. Эти могилы, какъ мѣсто пребыванія мертвыхъ, устраиваются по образцу жилищъ. Въ нихъ мы находимъ мебель и утварь; на стѣнахъ—прекрасная живопись. Обыкновенно имѣется передняя комната, гдѣ ежегодно, въ день праздника мертвыхъ собирается семья покойнаго для почитанія и славословія духа его. Въ этихъ пирахъ принимаютъ участіе и предки, какъ это изображается на крышкахъ урнъ.

Непосредственно послѣ мумій появляется простое, дѣйствительное изображеніе. Напр., мексиканцы, какъ мы видѣли, обыкновенно сжигали трупы; если же они не досчитывались мужей, павшихъ въ бою, то дѣлали деревянныхъ идоловъ и сжигали ихъ вмѣсто труповъ. Приблизительно такого же рода идолы помѣщались египтянами рядомъ съ муміями; этотъ идолъ долженъ былъ служить прибѣжищемъ для души, если бы тѣло случайно пропало. Спенсеръ собралъ очень много примѣровъ такого замѣщенія самого тѣла изображеніемъ покойника. Римскія imagines были также восковыми масками, передававшими черты лица предковъ. Быть можетъ, пережиткомъ такого двойного представленія о мертвецѣ является и нашъ обычай установки статуй надъ могилой.

Почитаніе изображеній боговъ имѣетъ еще два источника на которые Спенсеръ не обратилъ достаточнаго вниманія, а именно: надмогильный столбъ и надмогильный камень. Большая часть изображеній боговъ ведетъ свое начало отъ одного изъ этихъ двухъ корней. Детально я покажу это въ дальнѣйшихъ главахъ, а теперь укажу только на слѣдующіе моменты—деревянный столбъ привелъ человѣка къ идолу или къ такимъ грубымъ объектамъ культа, какъ деревянный конусъ или колонна, почитаніе которыхъ было широко распространено среди семитскихъ народовъ. Обтесанный камень, водружаемый на могилахъ, привелъ къ каменнымъ и мраморнымъ статуямъ, т. е., къ самому распространенному типу изображенія божествъ у культурныхъ народовъ. Первоначально это были просто глыбы или куски скалъ, которые нагромождались потомками умершаго съ цѣлью не допустить его возвращенія къ живымъ. Со временемъ стали обтесывать эти камни; имъ придавали форму, близкую къ изображенію человѣческой

головы и плечъ. Отсюда до греческой гермы одинъ шагъ. Мы знаемъ, что гермы были древнѣйшимъ прообразомъ большинства эллинскихъ боговъ и богинь, и, такимъ образомъ, мы можемъ прослѣдить всю эволюцію отъ грубаго камня до праксителевой Афродиты. Начавъ съ безформенныхъ грубыхъ идоловъ, человѣкъ достигъ художественныхъ образцовъ; отъ скалъ и камня онъ дошелъ до бронзовыхъ, мраморныхъ статуй Этруріи, Рима и Греціи, до многорукихъ боговъ современной Индіи, до итальянской Мадонны эпохи Возрожденія.

Вполнѣ естественно, что народныя воззрѣнія на силу, могущество и идею боговъ опредѣляли и художественность ихъ изображеній. Въ Египтѣ эта связь сказалась въ огромныхъ размѣрахъ идоловъ и тщательной обработкѣ твердаго гранита. Превосходной иллюстраціей моей мысли могутъ служить, такъ называемые, колоссъ Мемнона, сфинксы, сіенитская статуя Нагитъ и черные базальтовые боги (хранящіеся въ Луврѣ и Британскомъ Музеѣ). Въ Греціи стремились создать впечатлѣніе либо идеальной красотой (Венера и Аполлонъ), либо драгоцѣнными матеріалами (Зевсъ изъ золота и слоновой кости, Парѳенонская Аѳина). Мы должны имѣть въ виду, что именно въ Греціи произошелъ въ сравнительно короткое время этотъ блестящій переходъ отъ безформенныхъ камней и глыбъ древнѣйшей религіи, къ знаменитымъ изображеніямъ мѣстныхъ боговъ. Намъ извѣстны интереснѣйшіе образцы различныхъ промежуточныхъ стадій, отъ причудливыхъ, мало похожихъ на человѣка типовъ микенской эпохи до совершенныхъ статуй Мирона и Фидія. Древнѣйшія эллинскія изображенія боговъ (представленныя въ сочиненіи объ искусствѣ Греціи Перро и Шипье) нисколько не выше идоловъ современныхъ папуасовъ, а, такъ называемыя, статуи Аполлона позднѣйшей архаической эпохи напоминаютъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ прямолинейность тѣхъ камней, отъ которыхъ онѣ и происходятъ *).

Я хочу здѣсь еще отмѣтить, что очень часто безформенный священный камень ставится подъ навѣсомъ или въ шатрѣ; такъ возникаетъ постоянный храмъ. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ, культъ древняго камня долго сохраняется почти безъ измѣненій. Такъ, въ исторической Греціи роскошные храмы служили помѣщеніемъ для почитанія грубыхъ, необтесанныхъ камней предыдущихъ варварскихъ вѣковъ. Даже въ христіанскихъ церквахъ и соборахъ мы находимъ часто грубые, древніе идолы, какъ напримѣръ, св. Бамбино въ церкви Sancta Maria in Ara Coeli въ Римѣ, или, «черныя мадонны», которыя почитаются въ очень многихъ мѣстахъ Италіи **).

Я вовсе не утверждаю, что всякое отдѣльное изображеніе божества непремѣнно стоитъ въ связи съ могилой. Если у даннаго народа идеи божества вылилась въ совершенную форму, и люди уже привыкли считать изображеніе бога его замѣстителемъ и представителемъ, то, конечно, не трудно перейти къ цѣлому ряду разнообразныхъ изображеній боговъ. Поэтому-то могутъ быть сотни различныхъ изображеній одного и того же Аполлона, Венеры, св. Севастіана или Мадонны. Равнымъ образомъ, понятно, что большинство почитателей измѣняетъ свое понятіе о богѣ въ зависимости отъ его изображеній. Та или иная Артемида, та или иная дѣва Марія считаются иногда могущественнѣе или милостивѣе другихъ. Я зналъ женщинъ въ Южной Европѣ, которыя ходили на богомолье Матери Божьей въ очень далекія мѣста; онѣ говорили мнѣ: «она важнѣе нашей Мадонны». Далѣе, весьма вѣроятно, что во многихъ случаяхъ, священные камни и

*) Этотъ переходъ отъ камня къ изображеніямъ боговъ можно прослѣдить по греческимъ монетамъ. См. статью Dr. Paul Carus въ «The Open Court» 1904 г., № 11.

**) Черная Мадона имѣется въ Кельнѣ, въ церкви Sancta Maria на Купферштрассе.

изображенія, относившіеся къ опредѣленной могилѣ и представлявшіе опредѣленныхъ боговъ, со временемъ теряли свое самостоятельное значеніе, вытѣсняясь болѣе могущественными божествами. Такъ, было много Вааловъ, много Ашеръ, много Аполлоновъ, Діанъ и Афродитъ. Научное изслѣдованіе выясняетъ, что безчисленныя божества, въ старину вполнѣ самостоятельныя, позднѣе объединяются въ одинъ образъ, который отождествляется съ наиболѣе могущественными богами, на основаніи внѣшняго сходства изображеній, подобія именъ или общности нѣкоторыхъ свойствъ. Особенно часто это явленіе наблюдается въ Египтѣ.

Мы знаемъ далѣе, что всякая новая религія стремится впитать въ себя элементы старыхъ культовъ. Такъ религія Iaһve заимствовала у семитическихъ язычниковъ поклоненіе священнымъ камнямъ, относя ихъ къ исторіи своихъ патріарховъ; христіанство, въ свою очередь, восприняло это поклоненіе и распространило его, посвящая камни различнымъ святымъ, или пользуясь ими для базиса креста.

Гораздо большую роль въ эволюціи вліянія, мощи и силы боговъ сыграло развитіе жречества. Ибо непосредственной задачей всякаго жреческаго класса является распространеніе авторитета тѣхъ боговъ, которымъ они служатъ.

Происхожденіе жрецовъ объясняется двумя способами. Одни считаютъ жречество выдѣлившимся изъ рядовъ господствующихъ классовъ, другіе— изъ классовъ подчиненныхъ.

Я начну съ изложенія первой гипотезы. Мы уже знаемъ, что вождь африканской деревни, въ качествѣ потомка и представителя своихъ предковъ, являющихся одновременно мѣстными богами, имѣетъ исключительное право приближаться къ нимъ съ дарами. Простой житель деревни, желающій обратиться съ мольбой къ богу, передаетъ свои просьбы вождю, ибо тотъ—родственникъ и другъ божества, а потому болѣе близокъ къ нимъ. Такіе вожди являются жрецами по рожденію. Они священны самымъ своимъ происхожденіемъ; они и ихъ дѣти стоятъ въ особомъ отношеніи къ богамъ всего племени, какъ кровные ихъ родственники. Такіе вожди являются «царями и жрецами, подобно Мельхиседеку».

Итакъ, въ древнѣйшей семейной формѣ религіи,—мертвые предки, или точнѣе, ближайшіе родственники (отецъ, дѣдъ, прадѣдъ) служатъ богами всякаго небольшого рода или даже семьи. Въ этой стадіи глава семьи, естественно, отправляетъ обязанности жреца; онъ выступаетъ передъ своими предками въ качествѣ заступника за женъ, дѣтей и челядь. И, поскольку дѣло ограничивается узкимъ кругомъ домашняго культа, и въ позднѣйшее время, каждый pater familias—отецъ семейства является жрецомъ культа ларовъ и пенатовъ; въ христіанскихъ протестанскихъ семьяхъ и теперь онъ читаетъ молитвы за всю семью. Съ образованіемъ же племенъ и народовъ, достоинство такого вождя становится все могущественнѣе, а изъ боговъ-предковъ вождя или царя—развивается большинство народныхъ боговъ, естественнымъ представителемъ которыхъ является живущій вождь или его родственникъ. Поэтому, обыкновенно царь представляетъ въ то же время и жреца.

Фразеръ въ сочиненіи «Золотая вѣтвь» говоритъ: «совмѣщеніе царскаго титула и жреческихъ обязанностей въ одномъ лицѣ было особенно распространено въ древней Италіи и Греціи. Въ Римѣ и въ другихъ христіанскихъ городахъ были жрецы, которые назывались царями жертвъ или «царями священныхъ обрядовъ» Rex Sacrificulus, Rex Sacrorum. Жена его носила титулъ «царицы». Далѣе, въ республиканскихъ Аѳинахъ одно изъ должностныхъ лицъ называлось «царемъ». Во многихъ греческихъ демократическихъ городахъ царскій титулъ принадлежалъ лицамъ, отправлявшимъ жреческія обязанности. По римской традиціи, институтъ Rex Sacri-

ficulus появился послѣ изгнанія царей, когда нужно было замѣстить кѣмъ-нибудь царя-жреца. И въ Греціи, повидимому, господствовало такое же воззрѣніе на происхожденіе жреца-царя. Примѣръ Спарты, единственнаго изъ городовъ исторической Греціи, управлявшагося царями, подкрѣпляетъ выставленный тезисъ. Въ Спартѣ всѣ публичныя жертвоприношенія совершались царемъ, какъ потомкомъ боговъ. Итакъ, соединеніе жрецовъ и царскаго достоинства было всеобщимъ. Въ малой Азіи, напр., много священныхъ пунктовъ было населено тысячами рабовъ, состоявшихъ подъ наблюденіемъ первосвященниковъ, которые совмѣщали въ себѣ, подобно средневѣковымъ папамъ, духовную и свѣтскую власть. Изъ такихъ мѣстностей укажемъ города Зему, Пессинусъ. Повидимому, тевтонскіе короли, въ языческую эпоху, также были жрецами. Китайскіе богдыханы приносятъ всѣ жертвы, идущія отъ имени государства. Такимъ образомъ, въ исторіи царской власти, соединеніе царскаго и жреческаго достоинствъ является скорѣе правиломъ, чѣмъ исключеніемъ».

Гдѣ жречество возникаетъ подобнымъ путемъ, тамъ не проводится никакого различія между духовной и свѣтской властью. Но есть еще одно объясненіе происхожденія жречества, правда, недостаточно полно изображающее первыя стадіи, но зато дающее болѣе яркую и достовѣрную картину эволюціи. Мы видимъ, что тамъ, гдѣ царь-жрецъ—потомокъ боговъ, (напримѣръ, въ Перу или въ Египтѣ) его личная свѣтская власть какъ-бы умаляетъ власть его божественныхъ предковъ. Напр., ни одна статуя Озириса не выдержитъ сравненія съ колоссальной фигурой Рамзеса II въ развалинахъ Ѳивъ. Тамъ же, гдѣ управленіе всѣми духовными дѣлами взяло на себя особое сословіе жрецовъ, тамъ мы наблюдаемъ, какъ очень скоро власть и сила боговъ подавляютъ царскую власть, такъ что цари являются лишь намѣстниками боговъ. Мы видимъ, какъ папы даютъ наставленія императорамъ, и какъ могущественные властители смиренно приносятъ покаяніе надъ великолѣпными саркофагами убитыхъ епископовъ *)

Происхожденіе такой независимой жреческой власти мы находимъ въ институтѣ храмовыхъ рабовъ, которые, какъ мы уже видѣли, служатъ при могилѣ вождя или полководца. И здѣсь Египетъ даетъ намъ прекрасный примѣръ. На косякахъ пещерныхъ гробницъ Бени-Гасанъ и Сахарà помѣщается обыкновенно надпись, указывающая имя и титулъ покойника. Затѣмъ выражается пожеланіе, чтобъ мертвецу постоянно доставлялись дары. Для насъ особенно важно то, что къ такимъ гробницамъ приставляются рабы, которымъ вмѣняется въ обязанность надлежащимъ образомъ приносить жертвы. На содержаніе рабовъ и на расходы по отправленію жертвоприношеній отводятся опредѣленныя суммы. Какъ мы позднѣе увидимъ, такое жречество становилось наслѣдственнымъ, чтобы вѣрнѣе обезпечить регулярность жертвоприношеній. Слѣдствіемъ этихъ заботъ было то, что во многихъ случаяхъ культъ сохранялся въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, такъ что, напр., люди, умершіе при первыхъ династіяхъ продолжали получать жертвы при 18-ой и 19-ой- династіяхъ.

Я привелъ этотъ замѣчательный историческій примѣръ, потому что въ данномъ случаѣ продолжительность культа точно извѣстна. Однако мы еще встрѣчаемъ подобные же случаи, хотя и меньшей древности. Храмовые слуги, обязанные исполнять священные обряды на могилахъ усопшихъ, мало-по-малу, превратились въ жреческое сословіе, которое стало въ тѣсную связь съ невидимыми обитателями алтарей. Постепенно, появлялись особыя предписанія, обрядности и развивался ритуалъ, а жрецы стали охра-

*) Авторъ имѣетъ въ виду Генриха II, приносившаго въ 1174 покаяніе надъ могилой предательски убитаго епископа Кентерберрійскаго—св. Ѳомы Бекета. См. прим. 3-ье.

нителями древнихъ традицій. Только они знали, какъ слѣдуетъ приближаться къ богамъ; только они могли по особымъ примѣтамъ узнавать, какъ настроено божество. Какъ посредники между богомъ и смертными, они сами становятся священными. Безъ помощи жреца никто не можетъ надлежащимъ образомъ обратиться съ молитвой къ богу-покровителю. Такимъ путемъ жрецы достигли того значенія, о которомъ они не помышляли въ эпоху своего возникновенія; такъ, возвеличивая силу и вліяніе боговъ, жрецы тѣмъ самымъ возвышали свое собственное могущество.

Въ указанномъ процессѣ большую роль играетъ еще одинъ факторъ, который мы и отмѣтимъ. Это—образное письмо и іероглифы, возникшіе, главнымъ образомъ, въ связи съ гробницей и храмомъ. У жрецовъ обыкновенно хранился ключъ къ этимъ знаніямъ. Въ древнемъ Египтѣ жрецы образовали строго замкнутый классъ ученыхъ; точно также главными центрами средневѣковой науки служили монастыри. Всюду мы находимъ священныя тайны, извѣстныя лишь жрецамъ;—гдѣ имѣется уже искусство письма, тамъ эти тайны записываются и становятся исключительною собственностью жрецовъ. Съ появленіемъ же народной письменности пропасть между мірянами и жрецами становится еще больше, ибо жрецы обладаютъ ключемъ къ знанію, скрываемому отъ простыхъ смертныхъ.

Обнародованіе священныхъ книгъ приводитъ къ такимъ же результатамъ, такъ какъ жрецы являются охранителями и толкователями ихъ. Я считаю излишнимъ доказывать, что архитектоника храмовъ, художественная простота и драгоцѣнность изображеній и статуй боговъ вмѣстѣ съ великолѣпіемъ и роскошью жреческихъ облаченій и торжественность ритуала—все это подавляетъ человѣка и заставляетъ его преклоняться передъ богами и ихъ служителями-жрецами. Наконецъ. для почитанія и прославленія боговъ, жрецы изобрѣли торжественный ритуалъ, который выразился въ цѣлой массѣ обрядовъ, отправлявшихся въ грандіозныхъ храмахъ при блескѣ свѣчей, подъ аккомпаниментъ музыки, людьми, облаченными въ роскошныя одежды. И все-таки въ конечномъ счетѣ все это приводится къ трупу, священному камню, столбу, или изобрѣтенію, служившими предметами культа до-историческаго человѣка.

Совмѣстнымъ дѣйствіемъ всѣхъ перечисленныхъ факторовъ, изъ древнѣйшей муміи, духа или души постепенно создается божество, надѣляемое неограниченнымъ величіемъ, святостью и мощью. Безтѣлесный духъ, освобожденный отъ времени и пространства, считаемый божествомъ, становится все абстрактнѣе, пока, наконецъ, совершенно не исчезаетъ всякое воспоминаніе о его земномъ происхожденіи. Но мы никогда не должны упускать изъ вида одного важнаго факта: всѣ новые боги, святые, или богоподобныя личности имѣютъ человѣческое начало, что доказывается очень легко. Когда мы видимъ, что пантеонъ боговъ увеличивается новымъ членомъ, мы всегда можемъ доказать его земное происхожденіе.

Возвращаясь къ древнѣйшей религіи, мы замѣчаемъ, что всѣ боги были душами или трупами предковъ. И только у цивилизованныхъ народовъ, до-историческая жизнь которыхъ намъ мало извѣстна, мы встрѣчаемся съ культомъ цѣлаго цикла боговъ, которые уже не могутъ быть просто приведены къ своему первоисточнику. Если мы обратимся теперь къ историческимъ религіямъ, то мы найдемъ здѣсь очень сложную и высокоразвитую идею божества. Поэтому, нѣкоторые изслѣдователи и предполагаютъ, что идея божества не есть нѣчто развивающееся и эволюціонирующее, но что она находится въ человѣческомъ сознаніи съ самыхъ древнихъ временъ. Происхожденіе божества изъ культа умершихъ предковъ не принимается ими во вниманіе. Но если мы оставимъ высокоразвитыя религіи и обратимся къ сознанію обыкновеннаго дикаря, то мы тотчасъ увидимъ, что

для него нѣтъ никакихъ боговъ, кромѣ труповъ и душъ предковъ, что его религія есть исполненіе извѣстныхъ обрядовъ и принесеніе жертвъ этимъ трупамъ и душамъ, и что у него совершенно нѣтъ представленія о божествахъ, олицетворяющихъ силы природы или отдѣльныя области человѣческой жизни.

ГЛАВА V.

Священные камни.

Въ предыдущей главѣ я указалъ два источника происхожденія идоловъ, на которые, по моему мнѣнію, не обратилъ достаточнаго вниманія Гербертъ Спенсеръ. Это священный камень и священный столбъ (колъ), указывавшіе мѣсто могилы. Къ нимъ присоединялся повсюду еще одинъ объектъ культа, который, правда, не имѣетъ ничего общаго съ исторіей идола, но играетъ, вообще, видную роль въ болѣе древнихъ религіяхъ; это—священныя деревья или священныя рощи. Всѣ указанные объекты нуждаются въ обстоятельномъ разсмотрѣніи, какъ по своему общему значенію въ исторіи религіи, такъ и въ виду ихъ важности въ процессѣ эволюціи іудейскаго Бога, который впослѣдствіи сталъ Богомъ христіанства, ислама и даже Богомъ возвышеннѣйшаго и чистѣйшаго деизма новаго времени.

Я начну со священныхъ камней, потому, что это не только самый важный изъ всѣхъ трехъ объектовъ культа, но и потому также, что онъ стоитъ въ непосредственной близости къ Богу Израиля.

По всей землѣ, во всѣ времена мы находимъ въ числѣ объектовъ культа каменныя глыбы, либо отесанныя самымъ грубымъ образомъ, либо прямо въ ихъ естественномъ видѣ. Англійская возвышенность повсюду усѣяна кромлечами (или кромлехами), дольменами и другими каменными памятниками (изъ нихъ наиболѣе извѣстны исполинскіе трилиты Стонегенджа), которые давно уже подъ названіемъ «руинъ друидовъ» описываются изслѣдователями старины и пользуются понынѣ большимъ почтеніемъ со стороны коренныхъ обитателей Британіи. Во Франціи мы знаетъ длинныя улицы Карнака и Локмарьякера, въ Сардиніи тѣ замѣчательныя конусообразныя колонны, которыя извѣстны у крестьянъ подъ именемъ «гробницъ великановъ». Майоръ Кондеръ описалъ подобные же памятники Сиріи, разбросанные въ областяхъ, въ которыхъ обитали хиты, моавитяне, на горахъ Гильбоа и Хешбонѣ. Въ Индіи по краямъ поля ставится 5 камней, окрашенныхъ въ красный цвѣтъ; эти камни почитаются туземцами подъ именемъ «пяти Pandava». Теофрастъ говоритъ, что это было особымъ знакомъ для суевѣрныхъ людей,—священные камни по угламъ улицъ умащались елеемъ. Древняя библейская традиція передаетъ, что патріархъ Іаковъ поставилъ въ Веѳилѣ каменный столбъ и помазалъ его елеемъ. И въ наши дни въ Англіи есть такія мѣстности, гдѣ торжественное освященіе дворянскаго помѣстья совершается обыкновенно подъ открытымъ небомъ, при чемъ оно начинается тѣмъ, что разбиваютъ бутылку вина надъ камнемъ, водруженнымъ на холмѣ. Короли Великобританіи и теперь еще коронуются на тронѣ, подъ которымъ находится священный камень ихъ языческихъ шотландскихъ и ирландскихъ предшественниковъ.

Какую роль играютъ эти священные камни въ возникновеніи и ростѣ религіозныхъ обрядностей? Мнѣ кажется излишнимъ говорить о томъ, что каменная плита является обычнымъ средствомъ для указанія мѣста погребенія. Этотъ обычай сохранился и въ наше время: только древнѣйшіе столбы, водружавшіеся первобытнымъ дикаремъ на могилѣ его мертваго вождя, замѣнились современными памятниками, украшающими наши кладбища. Иногда вмѣсто камня ставится простая глыба, либо прямоугольная

сланцовая или мраморная плита, у культурныхъ народовъ роль такого камня играетъ крестъ или скульптурный памятникъ. Короче, повсюду, гдѣ практикуется погребеніе, съ нимъ неразрывно связано и указаніе мѣста погребенія камнями разнаго рода. Кондеръ описываетъ четыре различныхъ вида надгробныхъ камней: «Грубые камни, похожіе другъ на друга по формѣ и размѣрамъ, разбросаны во всѣхъ частяхъ Европы и Западной Азіи, а также и въ Индіи. Ихъ можно раздѣлить на четыре группы. Первые—менгиры—прямые камни, ставившіеся въ память какого-нибудь лица; передъ ними, какъ передъ богами, производились возліянія кровью, молокомъ, медомъ и пр. Вторые—дольмены—каменные столы (не защищенные крышей или шатромъ), служатъ уже древнѣйшими жертвенными алтарями для закланія животныхъ (а иногда и людей). Третьи—кэрны также каменные памятники; ими иногда бываетъ окруженъ дольменъ, возникновеніе ихъ объясняется многочисленными паломничествами, ибо каждый пилигримъ ставилъ камень въ память своего пребыванія. Наконецъ, четвертые—кромлехъ—круги изъ камней, служившіе священной оградой или храмомъ безъ крыши; въ срединѣ ихъ часто ставился менгиръ или дольменъ въ качествѣ статуи» или алтаря.—Несомнѣнно, что всѣ перечисленные камни имѣютъ непосредственное отношеніе къ могилѣ. Менгиръ (прямой камень)—самый обычный могильный памятникъ, употребляемый и до сихъ поръ; дольменъ—древнѣйшая каменная гробница, которая прежде строилась обыкновенно съ крышей; кэрны—груды камней, нагромождаемыхъ на могилѣ; кругъ изъ камней—вѣроятно позднѣйшій храмъ, возводившійся надъ могилой, положеніе которой опредѣлялось установкой посрединѣ менгира. Каждый изъ этихъ видовъ послужилъ прототипомъ разнообразнѣйшихъ формъ позднѣйшихъ монументовъ. Менгиръ эволюціонируетъ въ обелискъ, въ каменный крестъ, въ статую и идолъ; дольменъ—въ саркофагъ и алтарь; кернъ—въ египетскую пирамиду и въ индійскій памятникъ, содержащій въ себѣ реликвіи; кромлехъ—въ храмъ и въ церковь *).

Каждому изъ этихъ памятниковъ, по свидѣтельству Кондера, соотвѣтствуетъ особый терминъ въ семитическихъ языкахъ; эти термины часто встрѣчаются въ древнѣйшей еврейской литературѣ. Menhir въ нашихъ библейскихъ переводахъ передается словомъ «памятникъ» (см. Бытіе XXVIII, 18); dolmen—«алтарь» Kairn—«груда»; а cromlech звучитъ по-древнееврейски Gilgal или Hazor.

Въ простѣйшей и двевнѣйшей стадіи религіи, когда культъ предковъ сохраняется еще въ неприкосновенной чистотѣ, какъ, напримѣръ, у совре-

---

*) Всѣ перечисленные каменныя сооруженія временъ неолитическихъ (новокаменнаго періода) и нѣсколько позднѣйшихъ (бронзоваго вѣка) носятъ названіе магалитическихъ (мегалиты). Многочисленнѣе всего они въ Бретани почему здѣсь они ранѣе обратили на себя вниманіе ученыхъ, которые и приняли для нихъ названія, заимствованныя изъ бретонскаго языка: *менгиръ* (*men*—камень, *hir*—длинный, высокій)—стоячій высокій камень; *дольменъ* (*dol*—столъ, *men*—камень)—плитообразный камень на каменныхъ подпоркахъ; *кромлехъ*, или кромлечъ (*crom*—кругъ)—кругъ изъ камней; существуютъ еще такъ наз. «могилы съ ходомъ», крытыя галлереи—*тумулусы*, т.-е. родъ дольменовъ, засыпанныхъ сверху землею для образованія чего-то вродѣ искусственной погребальной пещеры; далѣе, къ мегалитамъ относятъ *чашечные* камни—большія глыбы съ углубленіями, естественными или искусственными; *качающіеся камни*—громадныя глыбы, находящіяся въ равновѣсіи, но могущія быть приводимыми въ движеніе, качаться, не опракидываясь; *лодкообразныя могилы* и т. д. Не мѣшаетъ сказать здѣсь еще о названіяхъ—дилиты, трилиты и т. п.,—которыя означаютъ, что памятникъ состоитъ изъ двухъ (дилитъ) камней, положенныхъ одинъ на другой, трехъ (трилитъ), представляющихъ три камня, изъ которыхъ два служатъ подпорками для третьяго и образуютъ съ нимъ вмѣстѣ родъ воротъ и т. д. Послѣднее сочетаніе имѣетъ мѣсто въ кругахъ Стонегенджа. Обо всѣхъ этихъ памятникахъ читатели найдутъ свѣдѣнія въ «Иллюстрированной исторіи религій», печатающейся въ «Научной Библіотекѣ», въ соч. В. Битнера «На Рубежѣ Столѣтій» т. I, въ «Доисторическомъ человѣкѣ» («Народ. Университетъ», подъ ред. В. Битнера) и въ статьяхъ «Вѣстн. Зн.» въ 1907 г. *Редакція.*

менныхъ племенъ Новой Гвинеи (описанныхъ Д. Макдональдомъ), почитаніе и дары приносятся только самому трупу, а отнюдь не камнямъ, опредѣляющимъ ихъ жилища. Но мы не должны забывать, что каждая религія, какой бы первобытной, зачаточной она ни казалась, въ дѣйствительности, очень древняго происхожденія и вполнѣ естественно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ самый камень разсматривается, какъ божество, т. е. становится объектомъ культа всего племени. Дѣйствительно, камень находится въ такомъ же отношеніи къ фетишу и идолу, какъ духъ къ божеству.

Эти, первоначально грубые, безформенные камни, достигаютъ почитанія въ качествѣ идоловъ. Эта стадія, совершенно ошибочно называемая стадіей фетишизма, и есть основа всякой религіи. Миссіонеръ Турнеръ приводитъ много примѣровъ изъ найденнаго имъ на о. Самоа культа камней, относящихся къ этой стадіи. Для меня вполнѣ ясно, что въ этихъ и многихъ другихъ случаяхъ могильный камень менгиръ—былъ самостоятельнымъ объектомъ культа, такъ какъ его считаютъ мѣстопребываніемъ того духа и божества, въ честь котораго онъ воздвигнутъ. Самоанцы обозначали мѣсто могилы невысокой грудой камней; на о. Де-Пейстеръ въ изголовьи могилы ставится камень, на которомъ помѣщается человѣческая голова—а это является первымъ шагомъ на пути къ созданію идола.

Повсюду мы находимъ массу аналогичныхъ примѣровъ. Въ Индіи, племя Хундъ имѣетъ въ каждой деревнѣ особаго бога, который въ видѣ камня ставится подъ деревомъ на общинномъ полѣ. Вся важность соединенія священнаго камня со священнымъ деревомъ выступаетъ позднѣе, въ нашемъ дальнѣйшемъ изслѣдованіи. Въ Перу почитались камни, которые Тэйлоръ считаетъ домашними пенатами или деревенскими патронами; другими словами—это мѣстопребываніе духа предка или предводителя племени. Когда сознаніе святости такого камня укрѣпилось въ дикарѣ, онъ перенесъ это сознаніе на всѣ другіе, похожіе камни, и сталъ оказывать имъ божескія почести. Интересные примѣры, подтверждающіе это положеніе, находятся въ книгѣ Турнера «Самоа». «Ровные, гладкіе камни, относительно которыхъ навѣрное извѣстно, что они принесены теченіемъ рѣки, считаются замѣстителями божества; и гдѣ былъ такой камень, тамъ предполагалось и присутствіе бога. Если случайно камень напоминаетъ формой рыбу, то молятся ему, какъ покровителю рыбаковъ. Камень, похожій на плодъ хлѣбнаго дерева, становится богомъ хлѣба и т. д.». Въ приведенномъ разсказѣ этого вообще очень осторожнаго наблюдателя особенно характерны слова: «относительно которыхъ навѣрное извѣстно, что они *принесены теченіемъ* рѣки»; они показываютъ, что ему никогда не приходилось видѣть, чтобы почести воздавались камню, добытому по желанію людей. Когда окончательно сложилась идея духа-божества, то естественно появляется мысль, что такое божество можетъ одушевлять любой, чѣмъ нибудь выдающійся объектъ (въ этомъ я вполнѣ согласенъ со Спенсоромъ). Поэтому, я склоненъ также считать правильнымъ утвержденіе Турнера, что эти камни почитаются исключительно благодаря ихъ странному появленію, но всегда въ связи съ какимъ-нибудь божествомъ или духомъ. Есть еще и другіе примѣры. Тэйлоръ сообщаетъ, что американское племя дакота раскрашиваетъ круглые камни, почитаетъ ихъ одинаково съ предками, приноситъ жертвы и молится имъ при опасности. На этомъ примѣрѣ мы убѣждаемся въ справедливости мнѣнія, ставящаго почитаніе камней въ тѣсную связь съ могилами предковъ. Мы знаемъ, что въ другихъ странахъ мѣсто могилы отмѣчается не камнемъ, а деревяннымъ столбомъ (коломъ). Въ такихъ странахъ (напримѣръ, въ Сибири у самоѣдовъ) столбы эти становятся поэтому объектами культа, аналогично съ камнями. Въ Южной Африкѣ (у племени Дамаровъ) мы находимъ почитаніе коловъ; предки

этого племени при праздничныхъ жертвоприношеніяхъ представляются сучьями, отрубаемыми отъ священныхъ деревьевъ. Этимъ палкамъ предлагается даже пища. И здѣсь мы ясно видимъ связь даннаго явленія съ культомъ предковъ; эта связь приводитъ дикаря къ мысли, что всѣ такіе камни и палки либо, дѣйствительно, являются мѣстопребываніями духа предковъ, либо служатъ ихъ представителями.

Большинство священныхъ камней, исторія которыхъ намъ достаточно извѣстна, стоитъ въ несомнѣнной связи съ могилой. Всѣ европейскіе священные камни являются кромлехами, дольменами, треугольниками или менгирами, о которыхъ А. Смитъ замѣчаетъ: «Мы навѣрное знаемъ, что первые памятники безусловно вызваны погребеніемъ». Болѣе детальные примѣры, подтверждающіе высказанную мысль, я приведу въ дальнѣйшемъ.

Я уже говорилъ, что идолы, вѣроятно, произошли отъ могильныхъ или, вообще, отъ священныхъ камней. Я думаю, даже, что очень часто идолъ—это первоначально столбъ, которому придавался болѣе или менѣе человѣкоподобный видъ. Мы легко поймемъ, когда именно люди дошли до этого, если вспомнимъ, что процессъ перенесенія понятій закончился отожествленіемъ камня съ обитающимъ въ немъ духомъ. И здѣсь мы имѣемъ достаточное количество примѣровъ. По воззрѣніямъ полинезійцевъ, великій богъ острова Баудичъ воплотился въ камень; камень этотъ тщательно завернутъ въ роскошную ткань; одинъ только король можетъ его видѣть, (а это очень важно для насъ) и то лишь одинъ разъ въ годъ, когда смѣняется ткань. Если кто нибудь заболѣваетъ, близкіе его приносятъ камню дары, также завернутые въ ткань. Такъ какъ подъ вліяніемъ времени и климатическихъ условій, ткани портятся, то ихъ снимаютъ и собираютъ въ одно мѣсто. Все сказанное станетъ намъ понятно, если мы вспомнимъ, что на могильныхъ камняхъ совершались возліянія масла, молока или крови. Отсюда одинъ шагъ до мысли, что камень нуждается не только въ пищѣ и питьѣ, но и въ одеждѣ. Прекрасный примѣръ, иллюстрирующій этотъ переходъ, мы находимъ въ книгѣ Радина «Успѣхи реформаціи въ Ирландіи» (1851 г.). Онъ, описывая каменный идолъ на о. Иннискл говоритъ: «На южномъ островѣ въ домѣ нѣкоего Манигенъ въ незапамятныхъ временъ благочестиво сохраняется каменный идолъ (по ирландски—Neevougi). Снаружи этотъ богъ не что иное, какъ толстый кусокъ домашней фланели, что объясняется обычаемъ при обращеніяхъ къ нему за помощью приносить въ даръ фланелевое платье. Платье сшивается старой женщиной, жрицей этого бога. Исторія этого идола неизвѣстна мнѣ, но вліяніе его огромно. Къ нему обращаются въ болѣзняхъ, въ бурю, когда грозитъ опасность судамъ; его же молятъ объ укрощеніи свирѣпыхъ волнъ, когда приступаютъ къ рыболовству или отправляются на материкъ».

Въ современной Европѣ этотъ примѣръ отнюдь не единственный. Тэйлоръ передаетъ, что до конца XVIII вѣка крестьяне нѣкоторыхъ мѣстностей Норвегіи хранили круглые камни, которые, еженедѣльно по четвергамъ, омывали, окропляли масломъ и ставили на почетное мѣсто. Въ опредѣленные сроки ихъ погружали въ пиво, чтобы они приносили счастіе и доставляли благополучіе данному дому.

Начало перехода къ собственно-идоламъ мы находимъ въ первыхъ попыткахъ сдѣлать могильный камень, хотя бы нѣсколько напоминающій человѣческій образъ. И здѣсь мы имѣемъ различныя переходныя формы отъ древнѣйшихъ Гермъ и фигуръ Аполлона до шедевровъ греческой скульптуры. Гротъ полагаетъ, что древнѣйшіе памятники греческаго культа, возводимые въ честь боговъ, вовсе не стремились быть изображеніемъ бога, а были просто столбами, досками, безформенными камнями или кольями,

которые однако удостаивались почитанія въ силу ихъ близости къ божествамъ.

Тэйлоръ, богатому фактическому матеріалу котораго я, вообще, обязанъ очень многимъ, добавляетъ: «такими памятниками и были: на о. Эвбеѣ— бревно, изображавшее Артемиду, и столбъ, представлявшій Аѳину-Палладу; на Гіэтосѣ неотесанный камень, по традиціи, олицетворявшій Геркулеса; тридцать камней, почитавшихся фарейцами; и, наконецъ, камень, которому беотійцы приносили огромныя жертвы, такъ какъ, по ихъ вѣрованію, онъ представлялъ ѳеспійскаго Эрота». Такими же памятниками являются и конусообразная (подъ восточнымъ, азіатскимъ вліяніемъ) колонна, служившая изображеніемъ паѳосской Афродиты, и конусообразный камень, почитавшійся въ Аттикѣ подъ именемъ Аполлона. Священный обломокъ скалы лежалъ передъ храмомъ гор. Троэзена; другая такая же глыба носила въ Аргосѣ имя «Зевса Каппотаса» [13]). «Всѣ греки почитали камни»,—говоритъ Павзаній, «пока имъ не были извѣстны изображенія боговъ». Семиты молились въ Тирѣ Мелькарту, изображавшемуся въ видѣ двухъ каменныхъ столбовъ.

Благодаря дошедшимъ до насъ пережиткамъ, мы можемъ возстановить тѣ промежуточныя формы, въ которыхъ камень постепенно получалъ руки, ноги, голову и, наконецъ, превратился въ полное изображеніе тѣла. Подходящимъ примѣромъ могутъ служить фигуры Пріапа. Профессоръ Робертсонъ Смитъ сообщаетъ, что нѣкоторыя племена Аравіи высѣкали изъ камня al-lat для изображенія головы нѣчто въ родѣ короны. Такіе прямые каменные столбы сохранились до нашихъ дней въ формѣ статуй боговъ во весь ростъ. Исключеніемъ являются лишь нѣкоторые греческіе идолы (Зевсъ Олимпійскій). Даже въ странахъ Ислама, вообще отвергающаго всякія изображенія, можно теперь найти человѣкоподобные надгробные камни. Въ каирской мечети Мехметъ-Али, какъ я замѣтилъ, всѣ надгробные памятники вице-королевской фамиліи разукрашены рѣзцомъ и кистью.

Замѣчательно, что и обелискъ обязанъ происхожденіемъ монолиту или прямому камню. Правда, позднѣе въ связи съ культомъ солнца ему придали особую святость, какъ образу солнечнаго луча; однако, несомнѣнно, что обелискъ все тотъ же грубый могильный камень, которому новая религія придала новое содержаніе. Пара обелисковъ, часто ставившаяся передъ египетскими храмами, несомнѣнно, соотвѣтствуетъ двумъ колоннамъ тирскаго Мелькарта, священной парѣ Паѳоса, Гераполя и Соломонова храма. Равнымъ образомъ индійская «Tope» и египетская пирамида—ведутъ начало отъ кэрнъ, а великія каменныя гробницы нумидійскихъ царей (въ современномъ Алжирѣ) являются развитіемъ могильныхъ грудъ племени Round-Barrows.

Иногда въ одной и той же общинѣ мы находимъ оба рода изображенія боговъ: и грубый камень и превосходную статую.—«Въ легендѣ о происхожденіи Iagannath'а *)—говоритъ В. Гентеръ—туземцы являются почитателями синяго камня. По божеству пріѣдаются скромные дары обитателей джунглей, и оно требуетъ вареной пищи болѣе культурныхъ арійцевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ грубый синій камень уступаетъ мѣсто изваянію бога. Въ настоящее время въ любой деревнѣ Ориссы мы находимъ оба этихъ культа. Простые смертные почитаютъ безформенный камень, хотя часто

[13]) Упоминается у Павзанія III, 22. «Каппотасъ» въ переводѣ означаетъ «успокоитель». Говорятъ, что на этомъ камнѣ сидѣлъ Орестъ послѣ исцѣленія отъ безумія.

*) Iagannatha—индійское названіе портоваго города Пури въ остъ-индской провинціи Ориссѣ, а также имя бога, на ежегодныя празднества котораго стекаются паломники со всей Индіи. Передъ главнымъ входомъ въ его храмъ стоитъ каменный столбъ.

наряду съ такимъ камнемъ имѣется и храмъ арійскаго божества съ высокоразвитымъ культомъ и художественнымъ идоломъ».

Нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что тамъ, гдѣ есть много камней, указывающихъ могилы мертвыхъ или жилища ихъ душъ, постепенно возрастаетъ общее почитаніе всѣхъ камней, такъ что святость получаетъ всякій камень, а въ особенности отличающійся величиной, или формой. И нѣтъ ничего непонятнаго въ образованіи миѳа о происхожденіи людей изъ камней, такъ какъ съ самыхъ первыхъ дней человѣчество привыкло къ мысли, что жертвы приносимыя на могильныхъ камняхъ, монолитахъ, глыбахъ и въ кромлехахъ предназначаются для его предковъ. Человѣчество такъ же легко восприняло эту идею, какъ наши дѣти привыкаютъ къ еврейскому сказанію о сотвореніи Адама—перваго предка—изъ праха земного, хотя послѣдній и не столь прочный матеріалъ, какъ мраморъ или скала. Только такимъ путемъ, мнѣ кажется, можно хорошо понять многочисленные разсказы дикаря о превращеніи человѣка въ камень и камня въ человѣка.

Классическая и іудейская литературы полны многихъ примѣровъ такихъ метаморфозъ. Всякій помнитъ Ніобу и жену Лота. Беотійцы, по свидѣтельству Павсанія, вѣрили, что Алкмена—мать Геркулеса, была превращена въ камень. Персей и голова Медузы представляютъ другой примѣръ; параллельно съ этой легендой имѣется бретонская сага о кругѣ изъ камней, бывшихъ ранѣе людьми. Современное христіанское толкованіе этой саги говоритъ, что эти люди были превращены въ камень за пляску въ воскресенье. У верховья р. Миссури есть отвѣсная скала, происхожденіе которой объясняется туземцами аналогично съ объясненіемъ Овидія. Нѣкоторыя самоанскія божества, какъ говоритъ Турнеръ, превратились въ камни и стоятъ теперь въ скалахъ на пустынномъ сѣверномъ берегу о. Уполу.

Если люди превращаются въ камни, то обратно и камни могутъ превращаться въ людей или производить ихъ. Прекраснымъ примѣромъ такого превращенія служитъ миѳъ о Девкаліонѣ. Далѣе, на главной улицѣ города Панопейцевъ лежатъ тѣ камни, изъ которыхъ Прометей сотворилъ людей. Манке, первый человѣкъ на о. Митчелль, также произошелъ изъ камня. Обитатели Ново-Гебридскихъ острововъ утверждаютъ, что человѣческій родъ произошелъ изъ камней и изъ земли. На о. Францисъ, какъ сообщаетъ Турнеръ, часто возлѣ храма ставится каменная площадка, вышиною въ семь футовъ, на которую молящіеся кладутъ жертвенные дары; туземцы говорили ему при этомъ, что одинъ изъ ихъ боговъ создалъ людей изъ камня. Въ Меланезіи, какъ говоритъ Лангъ—все такъ перемѣшано, что нельзя легко разобрать, является ли священный камень мѣстомъ пребыванія души, или онъ только ея орудіе. Дѣйствительно, въ сознаніи камнепоклонника постоянно царитъ смѣшеніе разнородныхъ элементовъ: духа, камня, предка и божества.

Параллельно со смѣшеніемъ понятій духа и камня, божества и образа, идетъ постепенное измѣненіе въ деталяхъ ритуала принесенія жертвъ. Миссъ Gordon-Kumming разсказываетъ, что на о. Тонга приносится на вертикально поставленный камень миска «kava» *). Мы должны думать, что этотъ случай аналогиченъ преданію о томъ, какъ изъ могилы Анхиза выползла змѣя (воплощавшая его духъ) и съѣла пищу, приготовленную Энеемъ. Мало-по-малу, когда связь между камнемъ и духомъ все увеличивается, начинаютъ приносить жертвы и самому камню; хотя, на болѣе раннихъ ступеняхъ развитія, употребленіе плоскихъ камней въ качествѣ алтаря не вызываетъ еще у дикаря мысли о такомъ переходѣ. Д-ръ Вейсъ видѣлъ въ

*) Kava—перебродившій сокъ изъ корней одного перечнаго растенія.

Гималаяхъ каменную группу, поставленную въ память незначительнаго коламскаго раджи, у которой закалывалось въ жертву до 50—60 женщинъ. Любимая пища духовъ—кровь; Кондеръ полагаетъ, что впадины въ менгирахъ и дольменахъ служатъ признакомъ, показывающимъ, что язычники-почитатели дѣлали возліянія на эти камни; для возліяній служила, вѣроятно, человѣческая кровь. Одинъ авторитетный шотландскій ученый доказываетъ, что часто близъ различныхъ священныхъ камней находятъ чаши, принадлежащія гробницамъ покойныхъ; такія чаши были найдены на плоскихъ камняхъ кромлечей и на каменныхъ гробницахъ. На вершинѣ кэрна, при на Лохъ Нессъ въ Англіи, лежитъ продолговатая глыба сланца—вѣроятно, могильный памятникъ,—въ которомъ сдѣлано много углубленій. Когда камень поставленъ вертикально, то кровь, понятно, наливается сверху, такъ какъ вершина камня представляетъ лицо или ротъ; здѣсь мы наблюдаемъ извѣстный шагъ въ развитіи надгробнаго камня въ идолѣ.

У самоѣдовъ имѣются два рода божествъ, соотвѣтствующихъ различнымъ ступенямъ этой эволюціи. Одинъ идолъ—съ каменной головой, другой—черный камень, при чемъ оба одинаково облачены въ зеленыя одежды съ красными углами; оба эти идола при жертвоприношеніяхъ мажутъ кровью. Какъ сообщаетъ Тэйлоръ, индусы при религіозныхъ обрядахъ мажутъ красной краской камни, извѣстные подъ именемъ «5-и Pandava» *). Спенсеръ въ одномъ очень любопытномъ мѣстѣ слѣдующимъ образомъ разъясняетъ этотъ обычай. «Прежде, чѣмъ проситъ о чемъ-либо камень, дакотіецъ мажетъ его красной краской (охрой). Зная, что племена Bodou Dhimal приносятъ въ жертву богамъ, на ряду съ другими предметами, также кошениль и сурикъ, мы можемъ заключить, что всѣ три краски (охра, кошениль и сурикъ), имѣющія общій признакъ «красный цвѣтъ», замѣняютъ въ этихъ случаяхъ кровь. Сперва божество умилостивлялось подлинной кровью, но позднѣе, когда человѣческая жизнь стала дороже, кровь стала подмѣняться фальсифицированными суррогатами». — Замѣчательно, что лица большинства индусскихъ боговъ выкрашены въ красный цвѣтъ. А что это является пережиткомъ древнѣйшаго обычая—мы заключаемъ по тому, что Сашти, богиня-покровительница дѣтей, представляется въ видѣ грубаго камня величиной съ человѣческую голову; этотъ красный камень кладется у подножья дерева—Вата. Аналогичные примѣры сохранились въ Греціи до классической эпохи. «Лицо древнѣйшихъ золоченныхъ статуй Діонисія въ Коринѳѣ»—говоритъ Лангъ, на основаніи свидѣтельства Павсанія — «красилось киноварью, подобно грубымъ фетишамъ Индіи и Америки». Равнымъ образомъ въ Южной Италіи лицо статуи Пріапа—покровителя полей, красилось въ красный цвѣтъ. Аналогичные примѣры мы находимъ въ культѣ боговъ-людоѣдовъ ацтековъ; въ ротъ ихъ вкладывались куски человѣческаго мяса, а лица мазались кровью безпомощныхъ жертвъ.

Въ процессѣ эволюціи камнепоклоненія имѣется еще одинъ важный моментъ, а именно перенесеніе священныхъ камней. Когда израильтяне вышли изъ Египта, они взяли съ собой останки Іосифа; Рахиль, покидая отчій домъ, украла семейные «teraphim»; Эней, убѣгая изъ пылающей Трои, не забылъ захватить съ собой своихъ ларовъ и пенатовъ. Всѣ эти разсказы, безусловно, неисторичны, но они даютъ все-таки представленіе о томъ, что считалось естественнымъ и нормальнымъ тѣми людьми, которые создали эти легенды. Совершенно также, переселяясь куда-нибудь на новыя мѣста, почитатели брали съ собой свои священные камни или по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые были болѣе портативны. Отсутствіе мѣста не поз-

*) Pandava—сыновья короля Pandu изъ эпоса Mahabharata.

воляетъ мнѣ привести достаточное количество примѣровъ, но я все-таки не могу не остановиться на двухъ, особенно интересныхъ англійскихъ. Внутренніе, болѣе мелкіе камни Стонегенджа, какъ извѣстно, не мѣстнаго происхожденія, а принадлежатъ къ тѣмъ горнымъ породамъ, которыя встрѣчаются далеко отъ Салисберійской долины, а именно въ Кумберлендскихъ горахъ или въ Бельгіи. Эти маленькіе камни окружены болѣе крупными трилитами (см. выше); послѣдніе камни уже высѣчены изъ обыкновенныхъ скалъ, которыхъ очень много въ этой мѣстности. Въ одной статьѣ (Cornhill Magazin, Янв. 1886 г.), я доказывалъ, что мелкіе камни, нетронутые рѣзцомъ, являются древнѣйшими объектами культа народа, пришедшаго въ Англію съ материка и осѣвшаго, вѣроятно, близъ Дуврскаго пролива. Эти пришельцы, явившись въ Англію, помѣстили въ Амесберійской долинѣ своихъ боговъ и окружили ихъ мѣстными тяжелыми камнями изъ сѣрой вакки, которые были ими найдены въ новомъ отечествѣ. Другимъ такимъ же примѣромъ служитъ камень Scone. Согласно одной легендѣ, этотъ священный обломокъ въ старину былъ богомъ предковъ ирландскихъ Скоттовъ. При ихъ первомъ вторженіи въ Аргайльширъ онъ былъ ими взятъ съ собой и поставленъ въ нишѣ стѣны «Dunstaffnag-кэстль». Когда шотландскіе короли переселились въ Scone, Кеннетъ II взялъ этотъ камень въ свою новую резиденцію. Оттуда Эдуардъ I вывезъ его въ Англію, гдѣ этотъ камень и остался въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, служа, до сихъ поръ частью трона, на которомъ коронуются короли Англіи. Все значеніе приведенныхъ примѣровъ станетъ намъ особенно ясно при сравненіи ихъ съ аналогичными явленіями изъ области іудейскаго культа. Между прочимъ, объясненію связи между этой легендой и обычаемъ коронованія, можетъ помочь то, что шотландцы, по ихъ убѣжденіямъ, могли владычествовать только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находился ихъ камень-покровитель; аналогичные примѣры мы находимъ въ исторіи кельтовъ. По словамъ д-ра О'Дановена, священный камень рода О'Доннель помѣщался по срединѣ долины на холмѣ; на этотъ камень становился вновь избранный вождь, принимая эмблему королевской власти—бѣлый жезлъ или скипетръ. Д-ръ Петри сообщаетъ, что въ Rath-na-Riogh до сихъ поръ стоитъ подобный цилиндрическій обелискъ. Макъ-Дональдъ при коронованіи также стоялъ на священномъ камнѣ. Свое достоинство онъ какъ бы принималъ отъ предковъ. Проф. Райсъ говоритъ, что этотъ священный камень громко звучалъ, когда на него становился истинный король. Не только въ Англіи мы находимъ камни, служащіе при коронаціи; изъ еврейской исторіи мы узнаемъ, что Авимелехъ былъ избранъ царемъ «въ долинѣ, гдѣ поставленъ памятникъ близъ Сихема». (Судьи, VIII, 33); что во время помазанія Iehojad'ой «царь Іоашъ, по обычаю, стоялъ возлѣ каменнаго столба». Близъ церкви Sant-Ambrogio въ Миланѣ, въ тѣни густыхъ липъ, стоитъ монументъ, у котораго ломбардскіе короли и германскіе императоры приносили присягу при коронованіи. Если даже мои мнѣнія о камнѣ Тара будутъ опровергнуты критикой, то все-таки приведенные разсказы не останутся безъ пользы для насъ; ибо мнѣ хотѣлось обратить вниманіе читателя на возможное странствованіе священныхъ камней, о которомъ рѣчь еще впереди.

Такъ какъ религія эволюціонируетъ, и нѣкоторыя крупныя божества вытѣсняютъ мелкихъ, то, съ теченіемъ времени, часто случается, что священный камень какого-нибудь древняго культа пріобрѣтаетъ новое значеніе, новый смыслъ при перенесеніи его въ новую религіозную систему. Такъ, мы знаемъ, что аргивяне почитали древній священный камень подъ именемъ Зевса Каппотасса; что ѳеспійцы отожествляли своего Эрота съ позднѣйшимъ эллинскимъ, что мегарцы объявили своего Эрота Фебомъ.

Древнѣйшій делосскій священный камень сохранился на своемъ мѣстѣ, правда, подъ именемъ статуи Аполлона дельфійскаго. Въ этомъ отношеніи Андр. Лангъ согласенъ со мной; по неотесаннымъ греческимъ камнямъ онъ заключаетъ, что это были обломки скалъ, носившіе имена различныхъ боговъ, напримѣръ, Геры, Аполлона и др.; имена эти были перенесены на фетишей, когда въ Элладѣ появились (я бы сказалъ: развились) человѣкоподобные боги. Въ Индіи, равнымъ образомъ, священные камни отдѣльныхъ мѣстностей стали божествами обще-индійскаго Олимпа. Исламъ также имѣетъ святой черный камень—Каабу, лежащій въ Меккѣ; египетская религія придала новое значеніе каменнымъ столбамъ, признавъ ихъ обелисками, т.-е. лучами восходящаго солнца. Иногда, для сохраненія святости древнихъ камней, ихъ связывали съ новой религіей какимъ-нибудь преданіемъ или легендой, Такъ, напримѣръ, очень древній камень въ Дельфахъ (безусловно первоначальный оракулъ этого великаго святилища) былъ внесенъ въ болѣе юную греческую религію, путемъ образованія миѳа о томъ, будто бы этотъ самый камень былъ проглоченъ Кроносомъ, по ошибкѣ, вмѣсто Зевса. Такое толкованіе, безусловно, исходитъ изъ того факта, что камень этотъ, подобно ирландскимъ идоламъ и самоанскому божеству, былъ обернутъ въ полотно; а вѣдь, по преданію, Реа подала Кроносу вмѣсто Зевса спеленутый камень.

Въ современной Европѣ, какъ извѣстно, произошло подобное же пріобщеніе языческихъ святынь: источниковъ, камней и др. къ христіанскому культу путемъ включенія ихъ въ легенды о различныхъ святыхъ или установки надъ ними крестовъ. Послѣднее имѣло троякую цѣль. Во-первыхъ, крестъ изгоняетъ древнихъ боговъ или духовъ, которые въ раннемъ средневѣковомъ христіанствѣ постоянно считались бѣсами и демонами. Во-вторыхъ, онъ указываетъ на господство новой религіи въ данномъ мѣстѣ. Въ третьихъ, онъ обращаетъ язычниковъ въ христіанство. Въ Великобританіи кресты прикрѣплены къ древнимъ священнымъ камнямъ. Лучшимъ такимъ примѣромъ въ Европѣ является исполинскій монолитъ Плюманъ (въ Бретани), на вершинѣ котораго помѣщенъ миніатюрный крестикъ; для крестьянъ (особенно бездѣтныхъ) монолитъ этотъ является величайшей святыней. Доисторическіе памятники Нарвіа на о. Мэнъ стали предметомъ культа христіанъ послѣ того, какъ въ нихъ были вдѣланы кресты. Отмѣтимъ еще и другіе примѣры, какъ, напримѣръ, черный камень о. Іоны, доставившій великое значеніе этому священному острову задолго до Колумба. Есть также много шотландскихъ камней искусной отдѣлки, о которыхъ нельзя навѣрное сказать, христіанскіе ли это кресты или доисторическіе памятники языческой эпохи. Я до сихъ поръ старался доказать происхожденіе различныхъ священныхъ камней изъ надгробныхъ памятниковъ, и отмѣтить ту общую важную роль, которую они играютъ повсюду въ культѣ. Теперь я обращаюсь къ разсмотрѣнію частнаго значенія священныхъ камней, которое сказалось на происхожденіи единаго Бога юдаизма и христіанства.

Многочисленные факты показываютъ, что семиты, подобно всѣмъ древнимъ народамъ, поклонялись священнымъ камнямъ. Столбы Ваала и деревянный конусъ Ашеры (Астарты) служили главными объектами финикійскаго культа. Веѳильскій камень (Бытіе XXVIII, 18—22) былъ повидимому менгиромъ; кэрнъ изъ Мицпы былъ, безъ сомнѣнія, могильнымъ памятникомъ. Израильтяне эпохи Іисуса Навина строятъ «гильгаль» изъ 12 камней (Іисусъ Навинъ IV); другіе примѣры древнѣйшихъ іудейскихъ традицій будутъ приведены далѣе. Точно также у арабовъ эпохи Магомета существовало два главныхъ божества: менэхъ и лэтъ; первый—обломокъ скалы; второй—каменный идолъ. Самъ Магометъ, вопреки своему желанію, дол-

женъ былъ признать святость Каабы; только культъ ея онъ подчинилъ монотеистическому характеру Ислама.

У семитовъ, вообще, а у евреевъ въ частности, священные камни служили главнымъ объектомъ культа. Но когда среди іудеевъ распространился и укрѣпился исключительно культъ Iahwe, бога еврейскаго народа, все искусство жрецовъ его направилось на то, чтобы связать новый культъ съ древними палестинскими святынями и съ миѳами о патріархахъ. Проф. Cheyne комментируетъ слѣдующее мѣсто прор. Исайи: «Ты почитаешь гладкіе камни рѣки; это—твои оракулы; ты даже совершаешь возліянія на нихъ и жертвуешь имъ мучныя приношенія».—«Упоминаемые плоскіе камни, говоритъ этотъ ученый, были фетишами древнѣйшаго семитическаго населенія и, по общему обычаю, на нихъ совершались возліянія елея. Такой камень, служившій Іакову изголовьемъ, былъ имъ освященъ также масломъ. Древніе семиты и въ старину язычники, израильтяне, называли подобные камни «Bethel», т. е., домъ El'я; El—это старое семитическое слово для обозначенія понятія Бога (я бы сказалъ—всякаго божества. Г. А.) Несмотря на старанія іеговистовъ обратить эти древніе фетиши въ памятники эпохи патріарховъ, въ народѣ, повидимому, было сильно укрѣплено въ эпоху нашего пророка (Исайи) прежнее языческое поклоненіе этимъ камнямъ». Кромѣ примѣра веѳильскаго камня, мы встрѣчаемъ еще другіе аналогичные факты. Такъ, Іаковъ и Лаванъ при заключеніи союза ставятъ «памятники» изъ камней. Іаковъ же позднѣе воздвигаетъ алтарь въ Шалемѣ и называетъ его «El-Elohe-Israel»; онъ же ставитъ одинъ памятникъ на могилѣ Рахили, а другой въ Лузѣ на мѣстѣ, гдѣ ему явился Богъ. Очень важенъ также разсказъ о томъ, какъ послѣ перехода черезъ Іорданъ, 12 человѣкъ взяли по камню изъ рѣки и составили груду въ память этого событія. Все это—понятныя попытки іеговизировать различныя древнія святыни, приводя ихъ въ связь со старинными іудейскими легендами, истолкованными въ духѣ культа Iahwe. И изъ самыхъ іеговистическихъ толкованій ясно обнаруживается, что въ старину, задолго до исключительнаго господства культа Iahwe, подобные камни почитались, какъ боги; іеговистамъ такъ и не удалось сгладить всѣ слѣды ранней вѣры. Самуилъ ежегодно судилъ Израиль въ Веѳилѣ—мѣстѣ памятника Іакова, въ Гилгалѣ—гдѣ Іисусъ Навинъ поставилъ двѣнадцать камней, въ Мицпѣ, гдѣ находилась груда камней въ память союза Іакова съ Лаваномъ. Другими словами, всѣ перечисленные пункты были святынями древняго Израиля. Самъ Самуилъ «взялъ камень и поставилъ его между Мицпой и Сихемомъ»; а названіе этого камня «Eben-Ezer»—«камень помощи»—указываетъ, что къ нему обращались въ особенности при началѣ военныхъ дѣйствій; впрочемъ, іеговисты, словами «при чемъ онъ сказалъ: до сихъ поръ Богъ помогалъ намъ», стремятся затемнить истинный смыслъ. Далѣе, Самуилъ указалъ Саулу на гильгаль, говоря: «я буду приходить къ тебѣ, чтобы приносить всесожженія и совершать мирныя жертвы». У кэрна Мицпы Саулъ былъ избранъ царемъ; послѣ побѣды надъ аммонитянами Саулъ снова отправился къ стонегенджу въ Гилгалѣ, «чтобы снова утвердить тамъ царство, и «воцарилъ народъ Самуила передъ Господомъ въ Гилгалѣ и они заклали тамъ жертвы мирныя передъ Господомъ». Это мѣсто очень интересно и поучительно, ибо мы видимъ здѣсь, что, по мнѣнію пищущаго, Iahwe въ то время имѣлъ свое мѣстопребываніе въ Гилгалѣ среди другихъ священныхъ камней этого круга. Любопытно также отмѣтить, что Саулъ, посланный искать ословъ своего отца, былъ направленъ сначала въ Тельцахъ, къ гробницѣ Рахили, а затѣмъ въ Ѳаворскую долину, гдѣ онъ долженъ былъ встрѣтить 3-хъ человѣкъ, «идущихъ на богомолье въ Веѳиль», понятно, для жертвоприношенія; «одинъ несетъ трехъ козлятъ, другой—3 каравая хлѣба, третій—мѣхъ вина». (I кн.

Сам. X, 3). Повсюду въ Библіи встрѣчаются подобные слѣды древняго поклоненія камнямъ, частью явные, частью скрытые.

Съ другой стороны, научное изслѣдованіе Палестины показало, что въ этой странѣ нѣтъ собственно каменныхъ памятниковъ, хотя они и разсѣяны на востокъ отъ Іордана. Какъ же объяснить это исчезновеніе? По мнѣнію Кондера, послѣдователи культа Iahwe, одержавшаго въ царствованіе Езекіи и Озіи окончательную побѣду, уничтожили языческіе камни по всей іудейской области, на основаніи предписаній II кн. Моисея, что слѣдуетъ истреблять религіозныя изображенія ханаанеянъ. Iahwe—богъ евреевъ, былъ богъ-ревнитель; онъ не могъ терпѣть въ предѣлахъ своей власти никакихъ чуждыхъ камней.

Но что такое Iahwe, этотъ мѣстный и народный богъ Израильтянъ, который не терпитъ наряду съ собой никакихъ другихъ боговъ или святынь?

Я не придаю особаго значенія тому, какъ Іисусъ Навинъ, незадолго до смерти, взялъ большой камень, положилъ его подъ сосной—святыней Iahwe, при чемъ будто бы сказалъ, что «она слышала всѣ слова Iahwe». Выраженія и форма преданія слишкомъ подозрительны, чтобы считать его особенно важнымъ. Я хочу только указать, что историческое значеніе вопроса, прежде всего, открываетъ намъ мѣстопребываніе этого таинственнаго бога—двѣнадцать камней въ Гилгалѣ. По вѣрованію послѣдователей, богъ Израиля, освободившій свой народъ изъ египетскаго плѣна, остался въ лагерѣ при Гилгалѣ до полнаго овладѣнія новой страной. По окончаніи же завоеванія, шатеръ, въ которомъ жилъ Iahwe, переносится въ Шилохъ; а изъ разсказа о томъ, какъ Іисусъ бросилъ лозу «передъ Iahwe, богомъ нашимъ», видно, что и Iahwe послѣдовалъ за народомъ. И онъ былъ въ Шилохъ тогда, когда къ нему пришла Анна съ мужемъ для принесенія жертвы, и когда вмѣстѣ со старцемъ Эли служилъ Iahwe юноша Самуилъ. Во время великаго сраженія съ филистимлянами при «Eben-Ezer» Iahwe былъ принесенъ къ войску изъ Шилохъ, что испугало филистимлянъ; «богъ пришелъ въ лагерь»—кричали они. Однако израильтяне потерпѣли пораженіе и даже ковчегъ Iahwe достался непріятелю. Впрочемъ, добыча не принесла филистимлянамъ счастья; какъ разсказываетъ сага, соперникъ-богъ Дагонъ, разлетѣлся передъ лицомъ Iahwe на куски. Тогда они вернули враждебный ковчегъ; долгое время оставался онъ въ Kirjath-jearim до побѣды Давида, который послѣ взятія Іерусалима перенесъ его въ новую столицу. Здѣсь, когда ковчегъ прибылъ въ городъ, «они играли передъ Господомъ на разныхъ инстументахъ», а самъ Давидъ «плясалъ передъ Господомъ». Затѣмъ Iahwe находился въ сооруженной Давидомъ скиніи до построенія перваго храма—«дома Господня», гдѣ онъ былъ помѣщенъ «въ святая-святыхъ, подъ крыльями херувимовъ». Сравнимъ теперь все предыдущее съ слѣдующимъ разсказомъ Чельмера. Когда онъ былъ у племенъ паренъ въ Новой Гвинеѣ, то какъ разъ въ это время заканчивалась постройка новаго великолѣпнаго храма Диви для Раваи—камня весьма странной формы и двухъ деревянныхъ идоловъ—«Эре» и «Кивава», которые до окончанія работъ временно находились въ одной старой хижинѣ. Съ другой стороны, Лангъ говоритъ: «греческіе камни-фетиши помѣщались въ святая-святыхъ древнѣйшихъ храмовъ, въ темныхъ кипарисовыхъ и кедровыхъ рощахъ, въ тѣхъ таинственныхъ священныхъ мѣстахъ, куда не допускается почти никто».

Каждый внимательный читатель самъ увидитъ, что совершенно также и Iahve по народнымъ традиціямъ, скрывался въ скиніи или храмѣ, въ его святая-святыхъ. Позднѣйшія іеговистическія вставки, сдѣланныя во время дальнѣйшей эволюціи Iahve, правда, стараются оттѣнить безтѣлес-

ность его, затемнить по возможности истинное пониманіе вещей. Даже въ древнѣйшей письменности простое и ясное понятіе «жилище Іаhvе» замѣняется туманнымъ выраженіемъ «ковчегъ завѣта Іаhvе». Но несмотря на всѣ поправки и вставки, которыми ученые времени Іосіи и священники послѣ возвращенія изъ плѣна старались затемнить первоначальное содержаніе, мы все же можемъ еще по многимъ мѣстамъ ясно видѣть, что въ древности Іаhvе, по вѣрованію народа, реально находился въ ковчегѣ, служившемъ ему жилищемъ.

Ученые, изъ понятнаго стыда передъ грубостью древняго культа, который они не могли, конечно, раздѣлять, неоднократно заявляютъ: «не было въ ковчегѣ ничего, кромѣ двухъ каменныхъ досокъ, положенныхъ туда Моисеемъ на Хоривѣ послѣ заключенія завѣта Іаhvе съ сынами Израиля, по исходѣ изъ земли Египетской»; однако, они сами говорятъ, что въ ковчегѣ были закрыты двѣ каменныя доски, и что пѣніе и пляска передъ ковчеговъ съ этими камнями разносильны пѣнію и пляскѣ передъ лицомъ Господа. Мы можемъ, слѣдовательно, не останавливаясь больше на этомъ пунктѣ, констатировать слѣдующее: Израильтяне въ древнѣйшее время возили съ собой повсюду бога своего племени—Іаhvе, существованіе котораго въ ихъ средѣ опредѣлялось наличностью ковчега, или ящика, съ однимъ и нѣсколькими камнями. Этотъ ковчегъ былъ приспособленъ для переноски, и въ случаѣ войны доставлялся на поле сраженія. Почти невозможно опредѣлить, что заключалось въ этомъ ковчегѣ; израильтяне, одухотворяя этотъ объектъ, и называли его «Богомъ Іаhvе, выведшимъ ихъ изъ земли египетской». И когда Іаhvе превратился въ великое народное божество, въ существо самое могущественное и самое невещественное въ мірѣ, какъ онъ изображается въ лучшихъ и чистѣйшихъ твореніяхъ пророковъ, то и тогда еще позднѣйшее представленіе возвращается назадъ къ старому понятію менгира и пр. каменныхъ памятниковъ. Въ художественномъ описаніи исхода изъ Египта разсказывается, какъ Іаhvе идетъ впереди израильтянъ, днемъ въ видѣ облачнаго, ночью—въ видѣ огненнаго столба. Алтарь его, по законамъ книги Левитъ, долженъ быть сооруженъ изъ неотесаннаго камня. И даже пророки, желая сильнѣе изобразить свое чистое и возвышеноое пониманіе, описываютъ Іаhvе въ образѣ скалы, инстинктивно прибѣгая къ забытому языку древнихъ временъ. И отъ скалы Израиля—священнаго камня племени,—они жаждутъ помощи. Далѣе, когда Іосія принималъ книгу закона и клялся ее хранить, то «царь стоялъ у столба (менгиръ) и заключалъ союзъ съ Іаhvе» (II кн. Царей 23,3). Такъ выясняется первоначальная природа культа того ревниваго бога, который сокрушилъ бога филистимлянъ—Дагона, и который не допускалъ въ границахъ своего поклоненія никакихъ священныхъ камней.

Итакъ, мы видимъ, что культъ Іаhvе, бога іудеевъ, ставшаго позднѣе Богомъ христіанства, возникъ изъ культа священнаго камня—предка ка кого-нибудь шейха или вождя.

Глава VI.

Священные колья.

Въ одномъ изъ своихъ знаменитыхъ сонетовъ Мильтонъ говоритъ, что «наши предки поклонялись камнямъ и палкамъ». Эти простыя и полупрезрительныя слова мыслителя-пуританина очень удачно характеризуютъ содержаніе всякаго культа. О камняхъ мы уже говорили, теперь намъ слѣдуетъ заняться вопросомъ о культѣ палокъ и кольевъ. Но такъ какъ значеніе этого культа камней, и эволюція обоихъ культовъ очень сходна, то я остановлюсь лишь на самомъ существенномъ.

Всѣ народы обозначаютъ мѣста могилъ деревянными палками или

столбами. Поэтому, подобно другимъ могильнымъ памятникамъ, и имъ удѣляется часть почестей, воздаваемыхъ божествамъ и духамъ, Въ процессѣ эволюціи религіи культъ играетъ сравнительно меньшую роль. Во-первыхъ, обыкновенно, столбы или колья ставились на могилахъ простыхъ смертныхъ; въ честь вождей или выдающихся личностей воздвигались каменные памятники, тогда какъ масса довольствовалась деревянными. И по сейчасъ это явленіе наблюдается на нашихъ христіанскихъ кладбищахъ. А во-вторыхъ, камень много прочнѣе и долговѣчнѣе дерева. Каждое изъ приведенныхъ здѣсь соображеній имѣетъ свое особое значеніе. Вѣдь именно души вождей и великихъ людей раньше другихъ превращались въ боговъ, а древнѣйшіе боги, какъ мы уже знаемъ, всегда и самые святые. Подобно тому, какъ священный камень ведетъ свое начало отъ той груды, которую нагромождали на могилѣ, чтобы удержать въ ней трупъ, такъ и родоначальникомъ священныхъ палокъ, по моему мнѣнію, является остроконечный колъ, который вбивали въ трупъ, для пригвожденія его къ землѣ. Въ 3-ей главѣ мы уже говорили объ этомъ, и я замѣтилъ, что обычай этотъ существуетъ до сихъ поръ въ христіанской Англіи. Уже очень рано такой колъ превратился въ памятникъ; и хотя ему удѣлялось сравнительно мало вниманія, однако, и по сейчасъ онъ является надежнымъ средствомъ указанія могилы. Уайтъ Гилль приводитъ удачный примѣръ изъ жизни ново-гвинейскихъ дикарей, который поможетъ намъ при объясненіи и дальнѣйшаго. «Тѣло предано землѣ. Рядомъ ставится столбъ, къ которому привязываютъ копье, лукъ и стрѣлы покойнаго, разломавъ ихъ предварительно въ огражденіе отъ воровъ. Тутъ же я видѣлъ могилу одной женщины; на столбѣ были повѣшены кухонная утварь, одежды и пр.» Подобные обряды, добавляетъ онъ, имѣются и въ Полинезіи. Хотя культъ этотъ встрѣчаются повсюду, однако я могу привести нѣсколько примѣровъ, ясно показывающихъ, что почитаніе воздается такимъ столбамъ, которые первоначально находились на могилахъ. Въ разсказѣ Форбса о племени Вичи былъ уже одинъ такой случай. Дальнѣйшія показанія мы находимъ въ книгѣ Норденшельда «Путешествіе Веги». Шведскій путешественникъ нашелъ (у самоѣдовъ) на о. Вайгачѣ на холмѣ массу череповъ сѣверныхъ оленей. Вокругъ валялись кости медвѣдей и оленей, а посрединѣ стояли тѣ могущественныя существа, которымъ были принесены всѣ эти великолѣпные дары.—«То были сотни маленькихъ деревянныхъ палокъ. Длина большинства ихъ не превышала 15—20 снт.; нѣкоторыя были выше. Всѣ онѣ были воткнуты въ землю на юго-восточной сторонѣ холма. Вблизи были замѣтны слѣды жертвеннаго пира. Проводникъ разсказывалъ намъ, что на этихъ пирахъ боговъ мажутъ кровью и поютъ водкой; дѣйствительно, въ углубленіяхъ на лицахъ идоловъ были видны большія кровавыя пятна. То же самое разсказалъ, задолго до Норденшельда, Stephen Burrough (въ 1556 году) въ замѣчательномъ описаніи своего путешествія: «Тамъ я встрѣтился снова съ Зошекъ и мы дошли съ нимъ вглубь страны, и онъ привелъ меня къ группѣ самоѣдскихъ грубо отесанныхъ идоловъ, числомъ до 300; глаза и рты нѣкоторыхъ были окровавлены; они представляли мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Нѣкоторые изъ этихъ идоловъ были древнія палки, на которыхъ было сдѣлано ножемъ нѣсколько засѣчекъ. Возлѣ этихъ идоловъ лежали сломанныя сани, и грязная оленья шкура; передъ нѣкоторыми идолами стояли камни, доходившіе имъ до рта; такъ какъ всѣ эти камни были окровавлены, то я думаю, что это—столы, на которыхъ приносились жертвы». Хотя ни въ одномъ изъ этихъ разсказовъ не говорится прямо, что мѣста эти были кладбищами, однако, я думаю, что это именно такъ; при этомъ я основываюсь на другихъ аналогичныхъ сообщеніяхъ, а также и на указаніяхъ Норденшельда въ другомъ мѣстѣ, что пере-

вернутыя сани служатъ знакомъ самоѣдской могилы. Тотъ же путешественникъ слѣдующимъ образомъ описываетъ кладбище христіанъ-остяковъ въ Сибири. «На одномъ изъ крестовъ помѣщенъ образокъ святого,—признакъ того, что въ гробу лежитъ христіанинъ. Однако, рядомъ на шестѣ висѣла одежда покойнаго, вмѣстѣ со связкой сушеной рыбы, вѣроятно служащей ему пищей. На могилахъ богатыхъ туземцевъ лежатъ даже деньги». Чтобы провести болѣе полную аналогію, я укажу, что и на о. Вайгачѣ, возлѣ указанныхъ идоловъ найдены монеты. Норденшельдъ описываетъ еще одно мѣсто жертвоприношеній, которое онъ видѣлъ на полуостровѣ Ямалѣ: «Посреди кучи оленьихъ костей стоятъ 4 идола. Два изъ нихъ—палки вышиной въ метръ съ нѣсколькими нарѣзами. На двухъ другихъ, которые, повидимому, и являются идолами этого мѣста, были вырѣзаны глаза, ротъ и носъ. Глаза и ротъ смазаны кровью; внутренности недавно убитаго оленя тутъ же». Изъ другого источника видно, что «самоѣды приносили пищу деревяннымъ изображеніяхъ умершихъ». Эрманъ сообщаетъ о замѣчательномъ обрядѣ, распространенномъ среди остяковъ сѣверной Сибири, въ которомъ Тэйлоръ усматриваетъ переходъ отъ изображенія мертвеца къ дѣйствительному идолу. Когда кто-нибудь умираетъ, они ставятъ въ юртѣ грубое деревянное изображеніе покойнаго; при всякомъ пиршествѣ ему приносятъ дары и оказываютъ всевозможныя почести, при чемъ вдова обнимаетъ и ласкаетъ его. Обыкновенно черезъ два-три года такія изображенія хоронятся, но иногда, по мнѣнію Тэйлора, «изображеніе шамана остается дольше и превращается въ святыню». Вмѣсто «святыни» я бы сказалъ «божество»; такимъ образомъ, мы имѣемъ передъ собой примѣръ обычной эволюціи.

Относительно крови, которая фигурируетъ въ этихъ разсказахъ, слѣдуетъ помнить, что чаши съ кровью всегда приносились въ даръ богамъ. Въ одиннадцатой пѣснѣ Одиссеи духи охотно пьютъ жертвуемую имъ кровь; а въ греческомъ героическомъ эпосѣ подобныя жертвоприношенія встрѣчаются очень часто. Какъ мы уже видѣли, эти же жертвы приносятся священнымъ камнямъ. Жертвы крови и возліянія ея на алтарь такъ всеобщи, что особенно подчеркивать это не приходится; тѣмъ болѣе, что мы еще вернемся къ этому пункту при разсмотрѣніи другихъ вопросовъ. Здѣсь я укажу только, что по словамъ Маймонида *), сабейцы считали кровь пищей боговъ, тогда какъ іудейскій Iahve спрашиваетъ въ 50-мъ псалмѣ «развѣ я ѣмъ мясо... и пью кровь»?

Нѣтъ почти никакихъ сомнѣній, что колья и столбы представляютъ мертваго человѣка. Кукъ говоритъ, что на островахъ Товарищества рѣзныя деревянныя изображенія ставятся не только въ память кого-либо; иногда предполагается также, что они служатъ мѣстопребываніемъ души покойнаго». Точно также Эллисъ говоритъ, что въ Полинезіи священными предметами являются или колья и камни, или рѣзныя деревянныя фигуры. Древніе арауканцы ставили на могилахъ бревна, которымъ придавалось человѣческое подобіе. Въ Новой Зеландіи по смерти вождя ставятся деревянные памятники, вышиною въ 20—40 футовъ.

Пока люди берегли при себѣ трупы своихъ близкихъ, понятно, не было надобности въ изображеніяхъ. Но затѣмъ появилось сожженіе и погребеніе. Родственное чувство нормально продолжало требовать для покойника даровъ и любви. Такъ у насъ сберегаются фотографіи, сувениры и прочія вещи дорогого намъ лица. Дикарь грубѣе выражаетъ свое чувство. Онъ хоронитъ самый трупъ, а себѣ дѣлаетъ какъ бы копію съ него изъ дерева. Не удивительно поэтому, что жители Маріанскихъ острововъ берегутъ въ

*) Маймонидъ—великій еврейскій философъ средневѣковья.

своихъ хижинахъ кости предковъ и полагаютъ, что черепа ихъ служатъ имъ совѣтниками и друзьями. Новозеландцы же ставятъ возлѣ могилы въ память покойнаго деревянныя изображенія, охотно бесѣдуютъ съ ними, какъ съ живыми, и въ то же время у себя дома они держатъ маленькихъ деревянныхъ идоловъ, изъ которыхъ каждый посвящается духу предка. Негры также ставятъ на могилахъ такія фигурки. Подобные обычаи мы встрѣчаемъ и у папуасовъ.

Яванцы одѣваютъ идола въ платье покойника. Мы знаемъ, что и караибы Центральной Америки вырѣзываютъ маленькихъ идоловъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ называютъ по имени предковъ. Такіе небольшіе идолы, которые замѣняютъ самый трупъ, по моему мнѣнію, являются родоначальниками большинства домашнихъ боговъ—ларовъ, пенатовъ римлянъ; гуака—перуанцевъ; терафимъ—семитовъ.

Какъ я уже раньше говорилъ, въ то время, когда святость отдѣльныхъ кольевъ признается всѣмъ народомъ, совершается перенесеніе культа на любой деревянный предметъ. Возникаетъ вѣра, что всякій колъ, даже водруженный по личному желанію, можетъ служить алтаремъ и жилищемъ духа. Такъ, мы знаемъ, что нѣкоторыя бразильскія племена ставятъ столбы и приносятъ имъ жертвы, желая умилостивить божество или злого духа. Миссіонеры передаютъ, что они видѣли, какъ женщины племени Динкасъ на берегу Бѣлаго Нила приносили жертвы передъ палкой, воткнутой въ землю около хижины. Но никто изъ передающихъ такіе факты не указываетъ, не находились ли когда-нибудь могилы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ставятся подобные колья. Во второмъ случаѣ, это вполнѣ вѣроятно, такъ какъ въ Африкѣ очень широко распространено погребеніе въ хижинахъ.

Среди семитическихъ народовъ, которые по своей связи съ іудействомъ и христіанствомъ особенно важны для насъ, культъ кольевъ выступаетъ обыкновенно въ формѣ поклоненія куску дерева, извѣстному подъ именемъ Ашеры (Астарта). Что такое Ашера, мы узнаемъ изъ 5-ой кн. Моисея, гдѣ мы видимъ цѣлый рядъ запрещеній, направленныхъ противъ идоловъ: «не сади ашеры изъ какихъ либо деревъ возлѣ жертвенника Бога твоего», «и сожгите священныя ашеры ихъ», «жертвенники ихъ разбейте, столбы разрушьте, а ашеры вырубите» и. т. д. (Втор. 16, 21; 12, 3; 7, 6 и др.). Семиты обыкновенно приносили жертвы на грубыхъ каменныхъ алтаряхъ, рядомъ съ которыми стояла «ашера» подъ вѣтвистымъ деревомъ; въ такихъ случаяхъ мы имѣемъ соединеніе всѣхъ 3 объектовъ человѣческаго культа. Подобное соединеніе встрѣчается иногда еще въ Индіи, такъ какъ тамъ часто священный камень и священный колъ стоятъ рядомъ подъ густою тѣнью священнаго дерева. «Ашера», говоритъ профессоръ Робертсонъ Смитъ,—священный символъ, и быть можетъ, самое слово обозначаетъ, какъ и полагаетъ Г. Гоффманъ, «пребываніе божества».—Кто внимательно читалъ предыдущее, тотъ, однако, скорѣе согласится съ моимъ мнѣніемъ, что первоначально «ашера» обозначала мѣсто погребенія предка. «Всякій алтарь», говоритъ проф. Робертсонъ Смитъ, имѣлъ свою «ашера», даже тѣ алтари, которые въ до-пророческую эпоху еврейской религіи были посвящены Іаhve».

Не буду останавливаться на дальнѣйшей эволюціи могильныхъ кольевъ. Укажу только, что, по моему мнѣнію, всѣ деревянные идолы прямо или косвенно возникли изъ могильнаго столба или еще болѣе древняго могильнаго кола. Понятно, что я не говорю, что каждый идолъ непремѣнно былъ когда-то надгробнымъ памятникомъ. Магдалина Донателло въ Санъ Джованни во Флоренціи или Мадонна «въ голубомъ платьѣ, усѣянномъ звѣздами», имѣютъ, хотя и косвенное, но именно такое происхожденіе. Итакъ, я по-

лагаю, что обычай изготовлять и почитать деревянные идолы возникъ именно такимъ путемъ, какъ я показалъ.

Глава VII.

Священныя деревья.

Въ процессѣ непосредственной эволюціи божества священныя деревья занимаютъ менѣе видное положеніе, чѣмъ священные камни или колья. Но, несмотря на это, деревья весьма тѣсно связаны съ этими двумя главными предметами человѣческаго культа; а въ христіанствѣ они получили особенное значеніе. Вопросу о культѣ дерева мною посвящена особая работа; поэтому здѣсь я не буду вдаваться въ излишнія подробности.

Культъ деревьевъ почти столь же распространенъ на земномъ шарѣ, какъ и культъ труповъ, мумій, реликвій, могилъ, священныхъ камней, кольевъ и идоловъ. Особенно интересны работы въ этой области Маннгардта— «Культъ деревьевъ» и Фразера «Золотая вѣтвь». Но оба эти ученые не признаютъ происхожденія этого культа изъ похоронныхъ обрядностей. Поэтому мы должны, по возможности, полнѣе разсмотрѣть этотъ вопросъ съ нашей основной точки зрѣнія. Надѣюсь, мнѣ удастся показать, что всѣ безъ исключенія объекты человѣческаго поклоненія приводятся къ первоосновѣ культа—къ могилѣ и трупу.

Прежде всего, постараемся понять, какъ относятся различныя сказанія о богахъ къ духамъ деревьевъ. Въ III пѣснѣ «Энеиды» Вергилій разсказываетъ, что Эней приносилъ жертву на холмѣ, поросшемъ миртовыми кустарниками. Онъ попробовалъ вырвать одинъ кустъ, чтобы по обычаю покрыть алтарь листьями и вѣтвями. Но онъ увидѣлъ, что изъ корней деревца течетъ кровь и орошаетъ землю. Онъ вырвалъ еще одинъ кустъ и опять увидѣлъ то же самое. Въ третій разъ онъ услышалъ стонъ, идущій изъ глубины холма, и голосъ, заявившій ему, что здѣсь лежатъ останки его друга, Полидора. Изъ этого разсказа мы видимъ, что дерево, растущее на холмѣ, считается представителемъ и воплощеніемъ мертвеца. Точно также змѣя, выползашая изъ гроба Анхиза, совы и летучія мыши, скрывающіяся въ пустыхъ могилахъ, часто отождествлялись съ душами мертвыхъ; есть много аналогичныхъ примѣровъ говорящихъ или истекающихъ кровью деревьевъ. «Когда дубъ падаетъ», говоритъ Обрей въ сочиненіи «Остатки язычества», «онъ издаетъ звукъ, слышный на милю, что производитъ впечатлѣніе, будто плачетъ духъ его». Бастіанъ сообщаетъ, что индѣецъ никогда не осмѣливается срѣзать одно какое-то растеніе, такъ какъ течетъ красный сокъ, который онъ считаетъ кровью. Я самъ въ дѣтствѣ неоднократно слышалъ, что всюду, гдѣ растетъ Sanguinaria Canadensis (обычное американское растеніе), похороненъ индѣецъ; и что, когда срываютъ цвѣтокъ, то на вѣтвяхъ выступаютъ красныя капли. По сообщенію Турнера, на о. Самоа есть роща изъ старыхъ, большихъ азалій—мѣстопребываніе «короля Фиджи» Туифити.— «Никто не смѣетъ срубить дерева. Разсказываютъ, что однажды шайка изъ Уполу попыталась произвести порубку, но изъ деревьевъ засочилась кровь, а всѣ святотатцы заболѣли и умерли». До 1855 г., говоритъ Маннгардтъ, въ Тиролѣ, въ Наудерѣ, почиталось священное лиственное дерево, которое, по повѣрью, каждый разъ орошалось кровью, когда срѣзали вѣтвь. Мы не знаемъ, расли ли всѣ эти деревья, дѣйствительно, на могилахъ; но въ одномъ случаѣ—въ разсказѣ Вергилія это несомнѣнно. Въ примѣрѣ Турнера, кажется, тоже можно это предполагать, хотя бы по титулу «король Фиджи», который дается какому-то духу. Въ другихъ случаяхъ, не столь сомнительныхъ, какъ приведенные, ясно обнаруживается, что въ подобныхъ деревьяхъ обитаютъ духи. Такъ, Фразеръ разсказываетъ, что племя Діейери (въ Ю. Австраліи) особо чтитъ нѣкото-

рыя деревья, ибо это ихъ предки, принявшіе иную форму. Поэтому туземцы не позволяютъ срубать такихъ деревьевъ.

Какимъ образомъ дерево превратилось въ жилище духа предка? Какъ объяснить всѣ тѣ почести, которыя воздавались деревьямъ и растеніямъ? По моему, эта связь создалась тѣмъ же путемъ, какъ и связь между священнымъ камнемъ (или коломъ) съ тѣмъ же вождемъ, который лежитъ подъ нимъ. Все, что стоитъ или растетъ на могилѣ, раздѣляетъ почести, оказываемыя живущему въ ней духу. Поэтому то, змѣя или другое животное, выходящее изъ могилы, считается духомъ и представителемъ мертвеца одинаково и дикаремъ, и культурнымъ человѣкомъ. А развѣ деревья растутъ на могилахъ?—Да, иногда они растутъ на самой могилѣ, иногда гдѣ нибудь рядомъ. Наконецъ, у всѣхъ народовъ принято сажать на могилахъ родныхъ и друзей деревья и цвѣты. Хотя довольно трудно привести достаточное количество доказательствъ моей основной мысли, однако, я укажу нѣсколько примѣровъ, Въ Алжирѣ я самъ видѣлъ, какъ арабскія женщины въ пятницу сажали на могилахъ цвѣты. Отъ К. Л. Стивенсона я узналъ, что туземцы острова Самоа и Фиджи поступаютъ совершенно также. Жители о. Таити культивируютъ на могилахъ казуарины. Въ римско-католическихъ областяхъ существуетъ очень древній обычай въ день мертвыхъ (польск. «задушный день») сажать на могилахъ цвѣты. Хотя католическіе богословы и стараются доказать, что этотъ обычай впервые введенъ какимъ-то святымъ, однако, сравненіе съ другими аналогичными случаями показываетъ, что этотъ несомнѣнный пережитокъ есть одна изъ формъ культа тѣней. Установлено, что въ греко-римскомъ мірѣ могильные курганы часто обсаживались деревьями, и что вѣтвь играла важную роль въ похоронныхъ обязанностяхъ. Я еще разъ сошлюсь на разсказъ Вергилія. Светоній передаетъ, что могилы божественныхъ императоровъ тщательно обсаживались цвѣтами и растеніями. Въ Египтѣ акація причислялась къ святымъ деревьямъ; на египетскихъ надгробныхъ памятникахъ встрѣчается изображеніе саркофага съ растущей изъ него акаціей; имѣющаяся надпись гласитъ: «Вотъ идетъ Озирисъ».

Одинъ эпизодъ изъ послѣдней японско-китайской войны ясно показываетъ, какъ нѣкоторые торопливые писатели пропускаютъ безъ вниманія подобныя явленія. Одинъ лондонскій журналъ, сообщая о погребеніи убитыхъ японцевъ въ Портъ-Артурѣ, выразился, что на могилахъ ставятся только камни; на рисункѣ же, а затѣмъ и въ статьѣ, были изображены и деревья, растущія на каждомъ могильномъ холмѣ. У. Симпсонъ говорилъ мнѣ, что императорскія гробницы въ Пекинѣ славятся сосновой рощей. Особенно часто сажаютъ на могилахъ вѣчно-зеленыя деревья, такъ какъ они служатъ какъ бы доказательствомъ могучей жизненной силы, обитающаго въ немъ духа. Фразеръ въ своемъ сочиненіи «Золотая вѣтвь» доказалъ, что этому же воззрѣнію обязана своей святостью и омела. Поэтому, могилы очень часто украшаются вѣчно-зелеными деревьями. Почти всѣ курганы южной Англіи обнесены очень старыми шотландскими соснами, которыя, такимъ образомъ, являются священными деревьями въ Англіи. И такъ какъ южнѣе р. Твидъ сосна эта—чужое растеніе, то ясно, что эти деревья посажены еще въ доисторическое время на могилахъ сожженнаго или похороненнаго вождя. Въ сѣверной Европѣ, наоборотъ, на кладбищахъ растетъ тисъ, который въ Германіи и Англіи считается священнымъ. Большая группа очень старыхъ тисовъ въ Норбюрскомъ паркѣ, возлѣ Доркинга, извѣстная подъ именемъ «рощи друидовъ», долгое время почиталась, какъ святыня предковъ. Въ южной Европѣ на могилахъ появляется кипарисъ, какъ вѣчно-зеленое дерево. Въ Провансѣ и Италіи обыкновенно на кладбищахъ растетъ каменный дубъ. Лейаръ въ интересномъ изслѣдованіи о культѣ кипариса привелъ много

примѣровъ поклоненія этому дереву у грековъ, этрусковъ, римлянъ, финикіянъ, арабовъ, персовъ, индусовъ, китайцевъ и др. народовъ.—Въ общемъ культѣ одиноко растущія священныя деревья занимаютъ такое же мѣсто, какъ и трупы, могилы, камни и пр. Деревьямъ, точно такъ же, какъ духамъ или божествамъ, приносятъ дары и жертвы.

Далѣе, священное дерево стоитъ въ тѣсной связи съ другими несомнѣнными представителями духа: священнымъ камнемъ и идоломъ. Всякая бенгальская деревня,—говоритъ В. Гентеръ,—имѣетъ своего мѣстнаго бога, который почитается либо въ видѣ грубаго неотесаннаго камня, либо дерева, отмѣченнаго красной краской. Послѣднее, вѣроятно, указываетъ, что дерево окроплялось кровью людей или животныхъ. «Иногда подъ деревомъ лежитъ большой комъ глины, который олицетворяетъ божество; жрецъ, находящійся при немъ, обыкновенно принадлежитъ къ одной изъ низшихъ кастъ. Эта грубая глыба—чуждый фетишъ, а почитаніе дерева объясняется, повидимому, вѣрой въ то, что въ немъ находится божество деревни». Мы имѣемъ, такимъ образомъ, примѣръ культа предковъ, въ одной изъ древнѣйшихъ его формъ. Изъ слѣдующаго сообщенія, принадлежащаго Тэйлору, ясно видна близость священнаго дерева къ идолу, т. е., къ изображенію умершаго предка. «Лиственная роща въ глубинѣ сибирской тайги считается святыней у одного туранскаго племени. Пестрые идолы въ теплыхъ одеждахъ стоятъ подъ сѣнью развѣсистыхъ деревьехъ; безчисленныя оленьи шкуры и мѣха висятъ вблизи на вѣтвяхъ; дары богамъ—ложки, чашки, рога-табакерки, домашняя утварь,—все это разбросано на землѣ. Такова сибирская священная роща народа, стоящаго на первыхъ ступеняхъ развитія. Культурный прогрессъ усложняетъ древніе простые обряды; при чемъ пріобщеніе къ чужой цивилизаціи ведетъ къ окончательному ихъ исчезновенію. Такъ, у какого-нибудь народа Сѣверной Европы, родственнаго этому племени, но достигшаго высшихъ ступеней культуры, исконный культъ дерева уже почти совсѣмъ исчезъ. Еще въ XIX вѣкѣ въ нѣкоторыхъ областяхъ Эстляндіи попадались возлѣ домовъ священныя деревья, большею частью старыя липы, дубы и ясени; въ памяти аборигеновъ жили еще традиціи и древнихъ временъ. Вотъ какъ разсказываютъ объ этихъ старинныхъ жертвоприношеніяхъ. Кровь убитаго звѣря выливалась на корни, при чемъ молились о плодородіи скота. Самую жертву помѣщали подъ священнымъ деревомъ на камнѣ, передъ которымъ жертвователь становился на колѣни лицомъ къ западу. Нѣсколько разъ клалъ онъ поклоны, повторяя слова: «прими эту пищу, какъ жерву». Приведенныя доказательства не позволяютъ болѣе сомнѣваться въ томъ, что жертвы, приносимыя камню, предназначаются, собственно, духу предковъ. Далѣе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ стволы священныхъ деревьевъ обертываются различными тканями точно такъ же, какъ и священные камни, идолы, колья и пр. Такой обычай мы находимъ у пруссовъ. Въ Ренувѣ находился ихъ священный дубъ. Онъ былъ разукрашенъ платками, а на вѣтвяхъ его висѣли маленькіе идолы. Священныя деревья Ирландіи украшались разноцвѣтными лоскутками. Позднѣе я приведу еще другіе примѣры.

Подобно камнямъ, и деревья постепенно превращались въ сознаніи человѣка въ самихъ предковъ. Такъ, Гальтонъ разсказываетъ, что въ Южной Африкѣ онъ видѣлъ прекрасное вѣтвистое дерево, «которое всѣ дамары считали своимъ отцомъ; вокругъ него прыгали и скакали дикари». Большинство индѣйскихъ племенъ считаютъ себя потомками деревьевъ. Спенсеръ и Тэйлоръ приводятъ еще другіе примѣры; но для насъ они уже не столь существенны.

Этотъ бѣглый обзоръ, я думаю, выяснилъ, что культъ священныхъ

деревьевъ находится въ полномъ соотвѣтствіи съ культомъ могилъ, мумій, камней, идоловъ и пр.

Иногда мы имѣемъ даже прямыя доказательства такой связи. Такъ, Турнеръ разсказываетъ о священномъ деревѣ на о. Саваи, которое въ качествѣ святыни получило значеніе средневѣковаго собора или израильскихъ городовъ убѣжища (Аръ-Миклатъ). «По преданію здѣсь (на Саваи) жилъ когда-то король части Уполу, по имени Атуа. Послѣ его смерти хижина развалилась, а на ея мѣстѣ было посажено дерево, являвшееся какъ бы представителемъ умершаго владыки. Благоговѣніе къ его памяти привело къ тому, что дерево изъ замѣстителя покойнаго превратилось въ живого покровителя слабыхъ». Это замѣчаніе даетъ намъ возможность лучше уяснить себѣ два другихъ мѣста того же сочиненія; а именно, въ одномъ говорится: «благоухающія деревья считаются жилищами домашнихъ боговъ; все вкусное, что есть у семьи, приносится имъ въ жертву». Въ другомъ мы читаемъ: «полагаютъ, что семейные боги живутъ въ этомъ деревѣ; поэтому никто не осмѣливается сорвать съ него вѣтку или листъ». Семейныя божества—это духи предковъ семьи; мы уже раньше говорили о томъ, какъ произошла такая эволюція.

Въ новѣйшихъ сообщеніяхъ о священныхъ деревьяхъ обыкновенно подчеркивается ихъ объемъ, вышина, указывается, что они видны издали, и растутъ на возвышеніи. На основаніи этого часто пытались установить, что такія деревья избираются объектами культа, именно благодаря своимъ выдающимся особенностямъ. По моему мнѣнію, такая мысль равносильна утвержденію, что соборъ Петра и Карнакскій храмъ обязаны своей святостью именно колоссальнымъ размѣрамъ. А между тѣмъ очень легко понять, почему священное дерево необычайно велико и бросается въ глаза. Курганы всегда насыпаются довольно высоко, для привлеченія всеобщаго вниманія. Земля разрыхляется, очищается отъ сорныхъ травъ, удобряется кровью и другими жертвенными соками. На такой почвѣ сажаютъ дерево; топоръ никогда не касается его; оно вырастаетъ великимъ, какимъ и подобаетъ быть представителю могущественнаго рода. Я убѣжденъ поэтому, что дерево высоко и красиво именно изъ-за того, что оно священно, а не наоборотъ. Съ другой стороны, гдѣ трупы погребаются подъ деревьями, тамъ для этого всегда выбираютъ самое большое и развѣсистое изъ нихъ. Такъ, мы знаемъ, что дерево, подъ которымъ похоронилъ Ливингстона его вѣрный туземецъ-слуга, было самымъ высокимъ въ окрестности *).

Итакъ, мы знаемъ, что очень часто дикари хоронятъ трупы въ тѣни большихъ деревьевъ. Впослѣдствіи такія деревья становятся священными, и имъ приносятъ жертвы кровью, платьемъ и т. п. Намъ извѣстно также, что во всѣхъ странахъ свѣта люди сажаютъ на могилахъ своихъ ближнихъ растенія и деревья. Мы знаемъ, что все растущее или находящееся на могилѣ, считается представителемъ души человѣка, заключеннаго въ ней. Поэтому наиболѣе правильнымъ представляется мнѣніе, что всякое отдѣльное священное дерево, ведетъ свое происхожденіе отъ могилы. И неимовѣрный трудъ берутъ на себя тѣ ученые, которые хотятъ дать иное, таинственное и менѣе понятное объясненіе. Впрочемъ, я охотно соглашусь съ тѣмъ, что многія деревья стали священными только въ силу своихъ особенностей; но, однако, это произошло не ранѣе, чѣмъ самое понятіе «священнаго дерева» распространилось на землѣ. Таково индійское дерево Папуль и нѣкоторыя другія. Съ камнями дѣло обстоитъ точно также. И когда

*) Ч. Дарвинъ въ 4-ой главѣ своего «Путешествія» говоритъ, что въ южно-американской степи онъ видѣлъ огромное, тѣнистое дерево. Проѣзжавшіе мимо индѣйцы обвѣшивали его различными украшеніями. Дарвинъ принялъ это дерево за алтарь, гаучосы же говорили ему, что это—«богъ» индѣйцевъ.

я говорю, что храмъ развился изъ могилы, или изъ ея аттрибутовъ, то этимъ я вовсе не отрицаю, что нынѣшнія церкви строются независимо отъ кладбища; во всякомъ случаѣ, онѣ всегда посвящены какимъ-нибудь святымъ, которые безусловно являются одухотворенными личностями.

Теперь я долженъ коснуться вопроса о священныхъ рощахъ. По моему мнѣнію, онѣ часто образуются изъ тѣхъ деревьевъ, которыя посажены въ мѣстѣ, подвергнутомъ табу, гдѣ первоначально находилась могила или храмъ. «Кубба—небольшія куполообразныя могилы магометанскихъ святыхъ, часто попадающіяся въ Сѣверной Африкѣ, окружены каменнымъ заборомъ, внутри котораго обыкновенно растутъ деревья. Очень часто мы находимъ тамъ пальмы—обычное священное дерево въ Мессопотаміи. Извѣстная священная роща возлѣ Блидахъ и есть такой красивый лѣсокъ съ «кубба» посрединѣ. Подобными рощами были часто окружены египетскіе и греческіе храмы. Когда человѣчество свыклось съ мыслью, что нѣкоторыя деревья посвящены памяти предковъ (или боговъ), то легко было перейти къ обычаю сажать эти деревья вокругъ храмовъ. Читая, напримѣръ, разсказъ о томъ, какъ Ксенофонтъ строитъ святилище Артемидѣ, окружаетъ его рощей изъ фруктовыхъ деревьевъ, помѣщаетъ въ немъ изображеніе богини, никто не вздумалъ бы заявить, что этотъ храмъ построенъ надъ ея трупомъ. Но человѣчество никогда не дошло бы до искусства воздвигать храмы, если бы оно въ глубокой древности не строило жилищъ своимъ мертвымъ вождямъ и не сажало деревьевъ вокругъ могилъ. А самая надпись на ксенофонтовомъ храмѣ: «кто живетъ въ этой области и пользуется плодами мѣстной земли, тотъ пусть каждый годъ приноситъ въ жертву богинѣ десятую часть своего урожая на содержаніе храма», не приводитъ ли насъ назадъ, къ происхожденію жречества и стремленію упрочить религіозные обряды?

Въ своемъ сочиненіи, спеціально посвященномъ культу деревьевъ, я удѣлилъ очень много мѣста деревьямъ-богамъ культурной исторической эпохи—Адонису и Аттису,—(столь почитавшимся въ восточныхъ странахъ Средиземнаго моря). Но такъ какъ многіе важные элементы христіанскаго культа, тѣсно связаны съ культомъ дерева, то я долженъ обратить серьезное вниманіе на его распространеніе у семитическихъ народовъ.

«Всѣ семитическіе народы знали культъ деревьевъ», говоритъ профессоръ Робертсонъ Смитъ. Изъ деревьевъ, которыя особенно почитались семитами, онъ называетъ: сосны и кедры Ливана, вѣчнозеленые дубы холмовъ Палестины, тамариски болотъ Сиріи и акаціи рѣчныхъ долинъ Аравіи. Замѣчательно, что большинство изъ нихъ цвѣтетъ круглый годъ. Самымъ лучшимъ примѣромъ можетъ намъ служить священная финиковая пальма въ Нейранѣ, въ Аравіи. Ежегодно въ опредѣленный день устраиваются въ честь ея праздники; она обвѣшивается одеждами и различными женскими рукодѣліями. Подобное же дерево встарину находилось въ Меккѣ, куда также ежегодно стекались пилигримы и привозили съ собой въ качествѣ жертвоприношеній оружіе, платья и страусовыя яйца. Въ священной акаціи въ Наклѣ, по общему вѣрованію, жила богиня. Современные арабы вѣшаютъ на священныя деревья куски мяса, а также приносятъ имъ дары—холстяные лоскутки и разноцвѣтныя раковинки. Филонъ разсказываетъ, что финикіяне и ханаанеяне въ древности почитали деревья «какъ боговъ» и приносили имъ разныя жертвы. Робертсонъ Смитъ указываетъ, что въ Сиріи христіанство до сихъ поръ не можетъ побѣдить этого культа, и что посейчасъ при болѣзняхъ туземцы молятся деревьямъ и обвѣшиваютъ ихъ лоскутками. Въ Палестинѣ магометане также до сихъ поръ поклоняются деревьямъ.

Въ Священномъ Писаніи, какъ это доказываетъ Смитъ, культъ деревьевъ проявляется очень сильно. Профессоръ прежде всего ставитъ этотъ

культъ въ связь съ сказаніемъ о явленіи Iahwe въ горящемъ терновникѣ. Алтари древнихъ іудейскихъ божествъ всегда ставились подъ зелеными деревьями. По этому вопросу я рекомендую читателю интересную книгу Р. Смита «Лекціи по исторіи семитовъ». О культѣ растеній, особенно злаковъ: пшеницы, винограда, финиковъ, я буду говорить дальше, когда мы будемъ разсматривать вопросъ о богахъ земледѣлія.

Итакъ, мы разсмотрѣли почти всѣ объекты культа: трупы, муміи, идолы, священные камни, священные колья, священныя деревья и рощи. Остается еще одна группа святынь, которая такъ общеизвѣстна, что я, не вдаваясь въ подробности, остановлюсь лишь на важнѣйшемъ. Я говорю о священныхъ колодцахъ и источникахъ. На первый взглядъ кажется, что ужъ ихъ-то никакъ нельзя связать съ могилой или погребеніемъ. Однако, такая связь въ дѣйствительности существуетъ. Я постараюсь доказать, что и колодцы также входятъ въ число тѣхъ объектовъ, которые стоятъ въ непосредственномъ отношеніи къ могилѣ. Такъ, напримѣръ, водопой въ Акко издревле служитъ мѣстомъ паломничества христіанскихъ, іудейскихъ и магометанскихъ богомольцевъ; но нужно замѣтить, что возлѣ него есть «mashed»— священная могила, быть можетъ, новѣйшая копія древняго храма Мемнона, такъ какъ во всякомъ египетскомъ храмѣ находился священный источникъ. Въ современной Сиріи возлѣ могилы каждаго святого находится цистерна; туземцы вѣрятъ, что въ нихъ живутъ нимфы. Аналогичныя вѣрованія мы находимъ въ Англіи и Ирландіи. Священныя рѣки часто вытекали изъ священныхъ источниковъ, при которыхъ стоятъ храмы. Рѣка Адониса начинается возлѣ афакской святыни; гробъ этого бога находился у истоковъ рѣки, покраснѣвшей отъ его крови. Я долженъ еще добавить, что и священнымъ рѣкамъ приносятъ ежегодныя жертвы; объ этомъ рѣчь еще впереди. Я думаю не подлежитъ сомнѣнію, что святость ихъ, прежде всего, обусловливается существованіемъ могилъ у ихъ истоковъ. Одинаковое значеніе камня и источника въ культѣ доказывается слѣдующимъ фактомъ: Женщина, подозрѣваемая въ измѣнѣ мужу, должна въ доказательство своей невинности выпить воду изъ священнаго источника; тогда какъ въ Меккѣ она должна дать семьдесятъ клятвъ у Каабы. Далѣе, въ древности, да и теперь еще поклоненіе священнымъ источникамъ выражается въ тѣхъ же обрядностяхъ, что и почитаніе духовъ и идоловъ. Въ священную рѣку у Афаки пилигримы бросаютъ золотыя и серебряныя украшенія, шелкъ и другія драгоцѣнныя ткани. Священныя рощи часто находились возлѣ источниковъ; а иногда, (напримѣръ, въ Греціи) послѣдніе были въ рощахъ. На ярмаркѣ у священнаго мамрійскаго дуба (дерево и колодезь Авраама) язычники приносили жертвы у дерева и бросали въ колодезь монеты, мирру, ладанъ и другія вещи; фактъ этотъ вполнѣ соотвѣтствуетъ остяцкимъ приношеніямъ на могилы предковъ. У священнаго источника Карва туземцы кладутъ хлѣбъ, плоды и другіе пищевые продукты. Относительно одного случая мы, навѣрное, знаемъ, что священный источникъ стоитъ въ непосредственной связи съ дѣйствительнымъ мѣстомъ могилы. А именно: въ величайшей святынѣ Сиріи—въ Афакѣ находилась у священнаго источника могила мѣстнаго бога, мѣстнаго Ваала. Говоря объ Афакѣ, Роб. Смитъ замѣчаетъ: «похоронный богъ—это богъ живущій подъ землей (подземный)». Было бы гораздо научнѣе и вѣрнѣе, если бы онъ сказалъ: богъ, живущій подъ землей—похороненный человѣкъ. Я хочу еще указать на принесеніе духамъ источниковъ въ Корнуэльсѣ и въ Ирландіи жертвъ, которыя теперь выражаются въ иголкахъ и булавкахъ.

Вообще историческую эволюцію культа священныхъ рѣкъ и ключей можно понять лишь послѣ разсмотрѣнія произвольнаго созданія человѣкомъ новыхъ боговъ. О послѣднемъ я буду говорить въ дальнѣйшемъ. Но уже

и теперь, я думаю, читателю не покажется дикой и невѣрной мысль, что священные источники стоятъ въ тѣсной связи съ священными деревьями, камнями, алтарями и пр., и что почитаніе ихъ объясняется присутствіемъ поблизости какой-нибудь могилы. Вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что святость эта во многихъ случаяхъ поддерживалась ежегоднымъ закланіемъ богу жертвы; о томъ, какъ это совершалось, мы поговоримъ позднѣе.

Итакъ, разсмотрѣвъ всевозможные объекты культа, мы видимъ, что всѣ они, въ концѣ концовъ, приводятъ насъ къ мертвому человѣку, къ трупу, къ муміи, къ духу или божеству. Въ культъ всѣхъ временъ входило и входитъ: 1) могила, гдѣ лежитъ мертвецъ; 2) святыня-храмъ или хижина, сооружавшаяся надъ могилой; 3) камни (алтарь, статуя), колъ (столбъ) и идолъ, стоявшіе надъ могилой и представлявшіе духа; 4) дерево, растущее на могилѣ; 5) колодезь, рѣка или источникъ, безразлично-искусственный или естественный, возлѣ котораго человѣкъ отдыхаетъ вѣчнымъ сномъ.

Глава VIII.

Боги Египта.

Нашъ бѣглый обзоръ сущности и происхожденія боговъ законченъ. Мы видѣли, какъ люди начали вѣрить въ самостоятельное бытіе этихъ могучихъ, невидимыхъ существъ и надѣлять ихъ особенными свойствами; какъ человѣчество дошло до почитанія мумій, каменныхъ и деревянныхъ идоловъ, деревьевъ и рощъ, источниковъ и рѣкъ. Другими словами, мы изслѣдовали происхожденіе политеизма. Теперь мы должны перейти ко второму вопросу: какъ отъ вѣры въ многихъ боговъ люди перешли къ мысли о единомъ Богѣ, Создателѣ и Вседержителѣ міра? Задачей нашей становится теперь детально прослѣдить происхожденіе и развитіе вѣры въ Единаго Бога. Первоисточникъ монотеизма—великій Богъ евреевъ. Слѣдовательно, прежде всего, наше вниманіе должно быть обращено на него.

Удастся ли и его, какъ я уже намекалъ, произвести отъ священнаго камня—памятника и представителя какого-нибудь доисторическаго вождя? Можемъ ли говорить о богѣ христіанства, не прослѣдивъ происхожденіе Jahve?

Когда мы впервые видимъ Jahve въ простѣйшемъ культѣ его собственнаго народа, онъ является однимъ изъ многихъ боговъ, спорящихъ между собой о первенствѣ. Приверженцы этихъ боговъ изображали ихъ по большей части въ видѣ каменныхъ и деревянныхъ столбовъ; культъ ихъ былъ распространенъ среди небольшой группы родственныхъ племенъ въ горныхъ мѣстностяхъ юго-западной Сиріи. Племя, среди котораго жилъ Jahve, называло себя «дѣтьми Израиля»; его они считали высшимъ богомъ, точно такъ же, какъ греки—Зевса, а древніе тевтоны—своего героя Вотана. Традиція, въ которой несомнѣнно есть зерно истины, передаетъ, что когда-то они были въ рабствѣ въ Египтѣ. Кюненъ и другіе ученые считаютъ подлиннымъ весь этотъ разсказъ, египтологи же, повидимому, отрицаютъ самое существованіе его, несмотря на согласіе его съ показаніями іероглифической письменности. Пребываніе въ Египтѣ, безусловно оказало вліяніе на семитовъ; поэтому я и хочу начать изслѣдованіе о іудейскомъ богѣ съ изученія египетскаго культа. Даже тому, кто признаетъ Jahve божествомъ чисто семитическаго происхожденія, небезынтересно будетъ, мнѣ кажется, узнать что-нибудь о томъ народѣ, среди котораго долгое время жили его приверженцы; особенно, если мы примемъ во вниманіе, что исторія египетскаго культа дастъ намъ, быть можетъ, наилучшій примѣръ эволюціи крупной народной религіи. Въ исторіи человѣческаго духа развитіе египетскихъ боговъ особенно важно и интересно. Нигдѣ на землѣ нельзя такъ хорошо

прослѣдить эволюцію отъ простѣйшихъ основъ религіозной мысли до высшихъ построеній мистицизма и философскаго богословія. Правда, есть высшіе культы, яснѣе изображающіе первые моменты перехода простого духа предковъ въ могущественный образъ сверхъ-естественнаго существа, есть еще такія высокоразвитыя религіозныя формы, которыя прекрасно представляютъ намъ окончательное пониманіе единаго, высшаго владыки вселенной. Но нѣтъ ни одной другой религіозной системы, въ которой мы могли бы полностью прослѣдить весь эволюціонный процессъ. Происхожденіе другихъ міровыхъ религій окутано сказочнымъ туманомъ, и только въ Египтѣ наши знанія достигаютъ отдаленнѣйшихъ вѣковъ, когда религіозная мысль стоитъ у общаго исходнаго пункта всѣхъ религій. Наши познанія позволяютъ намъ освѣтить весь процессъ вплоть до того момента, когда мысль человѣка доходитъ до послѣдней цѣли—чистаго монотеизма.

Съ эволюціонной точки зрѣнія, египетская религія базируется, главнымъ образомъ, на двухъ основахъ: на культѣ предковъ и тотемизмѣ.

Я начну съ перваго, ибо научные выводы свидѣтельствуютъ, что поклоненіе предкамъ древнѣйшее и самое важное. Я могу еще прибавить на основаніи имѣющихся данныхъ египетскаго культа, что онъ—столько же основа всѣхъ религіозныхъ идей нильской долины, сколько и первопричина появленія почти всѣхъ важныхъ божествъ египетскаго пантеона: Озириса, Пта, Кема, Амона и многихъ другихъ боговъ и богинь. Какъ мы дальше увидимъ, египетская религія, единственная во всемъ мірѣ (за исключеніемъ развѣ китайской), въ которой такъ ясно обнаруживается все значеніе культа мертвыхъ.

Исходной точкой египетскихъ вѣрованій является могила. Въ этомъ никогда не усомнится тотъ, кто хоть разъ побывалъ на залитыхъ солнцемъ руинахъ Ѳивъ и Мемфиса. Обычнѣйшій объектъ культа по всему теченію Нила, несомнѣнно — мумія. Иногда — это семейная мумія предка или родственника; иногда—это древнія муміи обожествленныхъ выдающихся людей, изъ которыхъ позднѣе развились мистическіе образы и другихъ аллегорическихъ божествъ, до послѣдняго момента изображавшихся въ видѣ мумій. Изображенія мумій были въ древнемъ теперь разрушенномъ храмѣ Рамзеса, и на Птоломеевыхъ колоннахъ еще сохранившагося Дендерскаго храма. Египетъ былъ именно той страной, гдѣ въ основѣ религіи лежалъ культъ мертвыхъ. «Древнѣйшіе скульптурные (египетскіе) памятники, говоритъ Лофти, не изображаютъ ни жертвоприношеній, ни молитвъ, а только культъ при саркофагѣ умершаго предка или родственника». Это вполнѣ согласуется, какъ съ тѣмъ, что мы говорили о происхожденіи религіи вообще, такъ и съ тѣмъ основнымъ значеніемъ, которое придавалось сохраненію мумій въ теченіе всей египетской исторіи. Несмотря на свою высокую культуру, египтяне остались на первой изъ разсмотрѣнныхъ выше стадіи—стадіи непосредственнаго сохраненія трупа. Поэтому, загробная жизнь казалась имъ гораздо интереснѣе и важнѣе тлѣннаго земного существованія. Они дѣлали безконечные подготовленія къ будущей жизни и даже сами строили себѣ вѣчное жилище. Въ гробницѣ мумія должна была провести большее время своего бытія; поэтому даже частные люди украшали ее живописью и скульптурой; такова гробница нѣкоего *Ти* въ Каирѣ, которую слѣдуетъ посмотрѣть каждому путешественнику. Въ «домахъ мертвыхъ», или часовняхъ, родственники и жрецы кладбища отправляли у гроба различныя священнодѣйствія въ честь умершаго и приносили муміи различные дары. «Жертвенные столбы, несомнѣнно, составлявшіе часть меблировки этихъ гробницъ, изображены на стѣнахъ, съ мясомъ, фруктами, хлѣбомъ и виномъ, которые въ дѣйствительности приносились. Такія жертвоприношенія безусловно составляли главную часть религіознаго культа древняго Египта.

Египетская могила есть искусственная копія пещеры. Только внѣшняя комната, въ которой происходили всѣ богослуженія, была доступна посѣтителямъ. Мумія, положенная въ ящикъ, ставилась на дно глубокой могилы въ концѣ галлереи, въ которой очень часто находились статуи умершихъ. По мнѣнію Масперо, эти статуи ставились съ цѣлью предоставить душѣ (по-египетски—Ка) надежное жилище въ случаѣ, если бы мумія почему-либо истлѣла (сравн. многочисленные маленькіе идолы, которые ставятся неграми на могилахъ). Во внѣшней комнатѣ находится надгробная надпись и алтарь (жертвенникъ), дымъ отъ котораго идетъ въ коридоръ черезъ узкое отверстіе въ стѣнѣ. Самая мумія покоилась въ могилѣ, защищенная отъ кощунства и святотатства. «Вѣчному существованію гроба, говоритъ Ренуфъ, точно такъ же, какъ отправленію службъ, и молитвамъ прохожихъ придавалось огромное значеніе». Въ надписи на одной изъ большихъ гробницъ въ *Бенни-Гассанѣ* мы читаемъ: «я прославилъ имя своего отца и построилъ склепъ для его Ка (души). Я поставилъ служащаго жреца, которому я далъ за это землю и подарки. Во всѣ праздники подземнаго царства я назначалъ жертвоприношенія (слѣдуетъ ихъ точное перечисленіе). Если бы случилось, что жрецъ не исполнитъ этого, то да погибнетъ онъ, а сынъ его да восприметъ его обязанности». Все это очень важно и поучительно для пониманія происхожденія жречества. Какъ долго и благоговѣйно исполнялось это завѣщаніе, видно по одному весьма интересному мѣсту изъ сочиненія Ренуфа. Фараоны, строившіе пирамиды въ древнемъ царствѣ, учредили должность жрецовъ, для отправленія извѣстныхъ обрядовъ у ихъ могилъ. Теперь находящаяся въ Луврѣ табличка гласитъ, что нѣкто, жившій при двадцать шестой династіи, былъ жрецомъ фараона Куфу, строителя большой пирамиды, учредившаго эту должность за 2000 лѣтъ до того. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ культъ мертваго владыки не прерывался въ теченіе почти двадцати вѣковъ. «Если мы не имѣемъ такихъ блестящихъ доказательствъ продолжительности культа частныхъ людей—говоритъ Масперо, это потому, что весь ритуалъ могилъ ихъ совершался не особыми жрецами, а ихъ собственными дѣтьми и потомками. Этотъ культъ, однако, прекращался черезъ нѣсколько поколѣній, либо по небрежности, либо по недостатку средствъ, или вслѣдствіе вымиранія семьи; и, такимъ образомъ, исчезала память о мертвомъ». Поэтому, египтянинъ, какъ и другіе почитатели предковъ, считалъ необходимымъ имѣть хоть одного сына. Обязанность отправлять священнодѣйствіе у могилы подчеркивается всѣми жреческими правилами древнихъ египтянъ, въ то же время самымъ страшнымъ проклятіемъ у нихъ являлось пожеланіе не имѣть сыновей. Если даже простые смертные тщательно бальзамировались; если муміи придворныхъ и храмовыхъ служителей помѣщались въ роскошныхъ гробницахъ, то, понятно, могущественные цари Египта желали, чтобы жилища ихъ мумій были особенно роскошны и величественны. И они достигли этого. Въ Нижнемъ Египтѣ такими гробницами служатъ пирамиды, въ Верхнемъ искусственныя пещеры. Пустынная незаселенная область къ западу отъ Нила и къ югу отъ Каира является мемфискимъ кладбищемъ, развалинами города мертвыхъ, съ его удивительной цѣпью мирамидъ—могилъ фараоновъ третьей, четвертой, пятой и шестой династій. Фараоны древняго царства покоятся тамъ подъ каменными холмами огромной величины. Но еще замѣчательнѣе и гораздо красивѣе царскія гробницы въ Ѳивахъ, высѣченныя въ скалахъ. Эти гробницы царей восемнадцатой, девятнадцатой, двадцатой династій относятся къ тому времени, когда религія уже находилась въ своемъ полномъ, мистическомъ развитіи. Эти роскошные подземные залы образуютъ въ буквальномъ смыслѣ слова «городъ мертвыхъ», «городъ мумій», гдѣ каждый фараонъ жилъ въ

великолѣпномъ дворцѣ, украшенномъ лучшими художниками, съ массой комнатъ для прислуги, которая и въ подземномъ мірѣ должна была служить своему господину. Нѣкоторые сюжеты стѣнной живописи позволяютъ думать, что рабы или плѣнники приносились въ жертву надъ могилой, чтобы служить фараону въ его вѣчномъ жилищѣ.

Во всякомъ случаѣ, всякій безпристрастный человѣкъ, изслѣдующій сохранившіеся памятники на Нилѣ, тотчасъ же замѣтитъ, что мумія является повсюду главнымъ объектомъ культа, что вся религія повседевной жизни подчинялась вліянію всепокоряющей идеи безсмертія и обязанности воздавать должныя почести предкамъ. Всѣ наши свѣдѣнія о Египтѣ приводятъ насъ къ этому выводу. «Книга мертвыхъ»—вотъ священныя заповѣди египтянъ. Самое слово, которымъ чаще всего выражалось понятіе мертваго человѣка, означаетъ «живущій, живой», ибо народъ твердо вѣрилъ, что мертвецы, дѣйствительно, наслаждаются вѣчнымъ бытіемъ. «Смерть—это ворота къ жизни»—вотъ краткая формулировка всего религіознаго міровоззрѣнія египтянина. Смерть—это великій актъ, къ которому человѣкъ долженъ готовиться всю жизнь; а мертвецы были самымъ важнымъ объектомъ древне-египетскаго культа за все время его существованія.

Но и въ могилахъ можно найти слѣды постепеннаго развитія религіознаго чувства отъ почитанія трупа до поклоненія божеству. Такъ, въ гробницахъ царей пятой династіи въ *Сахара*, мы не находимъ ни одного изъ тѣхъ символическихъ изображеній загробной жизни, которыя появляются вмѣстѣ съ мистицизмомъ. Цитаты изъ «книги мертвыхъ» рѣдки и коротки. О будущихъ великихъ богахъ имѣется лишь слабое, туманное представленіе. Наоборотъ, въ гробницахъ *Бени-Гассанъ* (эпохи двѣнадцатой династіи), обыкновенно изображаются сцены изъ жизни умершихъ; но и здѣсь еще нѣтъ мистическихъ символовъ и божествъ. Ученіе о возмездіи, воздаяніи еще совершенно неизвѣстно. И лишь въ ѳиванскихъ царскихъ гробницахъ (восемнадцатой династіи) приводятся цѣлыя главы изъ «книги мертвыхъ», а стѣны покрыты множествомъ странныхъ и чудовищныхъ божествъ.

Но вѣдь мнѣ возразятъ, что египтяне имѣли великихъ боговъ, которыхъ слѣдуетъ строго отличать отъ людей — предковъ, это были боги родовые, мѣстные, государственные, имена и образы которыхъ намъ извѣстны по надписямъ и памятникамъ. Все это совершенно вѣрно, т. е., существуютъ боги, происхожденіе которыхъ нельзя наглядно показать. Но все-таки вовсе не слѣдуетъ думать, что мы не можемъ свести, въ концѣ концовъ, всѣ эти божества къ предкамъ различныхъ царскихъ семействъ или владыкъ большихъ городовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно привести вѣскія доказательства такого происхожденія; и я укажу одинъ наиболѣе интересный примѣръ.

Несомнѣнно, самымъ важнымъ и самымъ почитаемымъ богомъ древняго Египта, былъ Озирисъ. Въ позднѣйшихъ формахъ народной религіи онъ возвысился до судьи мертвыхъ и царя подземнаго міра. На всѣхъ надгробныхъ надписяхъ выражается желаніе покойника «быть оправданнымъ Озирисомъ», которое позднѣйшими толкователями понималось въ смыслѣ «стать подобнымъ Озирису». Въ такомъ уподобленіи этому богу всѣ вѣрующіе видѣли награду. Во всѣхъ изображеніяхъ Озирисъ является въ видѣ муміи. Миѳы его, правда, имѣютъ безконечные варіанты, а родство его съ Изидой и Горусомъ составляетъ содержаніе безчисленныхъ, противорѣчащихъ другъ другу, разсказовъ, представленныхъ и въ литературѣ и въ искусствѣ.

Если мы, вмѣсто памятниковъ, будемъ основываться на данныхъ миѳолога, то мы придемъ къ совершенно инымъ выводамъ относительно

происхожденія Озириса. Въ этихъ миѳахъ онъ часто смѣшивается съ другими богами, именно предками; почти невозможно выдѣлить его личность изъ сложнаго миѳологическаго комплекса, создавшагося въ то время, когда богъ солнца Ра слился и перемѣшался съ массой другихъ божествъ. Но если мы обойдемъ всѣ позднѣйшія хитросплетенія и обратимся къ древнѣйшей египетской исторіи и религіи, то мы убѣдимся, что этотъ мистическій богъ, столь часто являющійся то солнцемъ, то царемъ мертвыхъ, не что иное, какъ обожествленная мумія очень древняго вождя, либо царя города или небольшой области отъ Тиса до Абидоса.

Я не отрицаю, что въ позднѣйшее время культъ Озириса сталъ гораздо возвышеннѣе и сложнѣе; не отрицаю и того, что имя его стало символомъ всѣхъ блаженныхъ, благочестивыхъ мертвецовъ. Мы увидимъ далѣе, что въ позднѣйшее время онъ являлся также и ежегодно убиваемымъ богомъ урожая. Я даже думаю, что первоначально было нѣсколько Озирисовъ, такъ какъ самое слово раньше означало скорѣе видовое понятіе, чѣмъ отдѣльную особь. И все-таки я утверждаю, что при ближайшемъ изслѣдованіи великій, могущественный Озирисъ есть только мертвый вождь изъ Абидоса.

Мы не должны забывать, что египетская исторія извѣстна намъ съ древнѣйшихъ временъ, и что тогда уже это было государство съ значительной культурой и искусствомъ письма. Поэтому слѣдуетъ думать, что такому извѣстному намъ состоянію египетской жизни предшествовалъ долгій періодъ медленной эволюціи культуры. Вѣроятно, на берегу Нила были разбросаны безчисленныя деревушки и небольшія села еще задолго до объединенія Верхняго и Нижняго Египта подъ одной властью. «Шейхъ», какъ мы бы назвали его, былъ въ то же время фараономъ деревни, а муміи его предковъ—богами и богинями жителей. Каждый родъ имѣлъ свой тотемъ, о чемъ рѣчь еще впереди; тотемы эти почитались почти какъ боги, и весьма вѣроятно, были причиной позднѣйшаго египетскаго почитанія животныхъ и появленія идоловъ съ головами кошекъ. До послѣднихъ минутъ египетская религія сохранила слѣды своего первоначальнаго характера. Большое количество египетскихъ боговъ получилось, вѣроятно, вслѣдствіе включенія отдѣльныхъ родовыхъ божествъ послѣ объединенія страны въ обще-народный пантеонъ. Тѣмъ не менѣе, поклоненіе отдѣльнымъ мѣстнымъ богамъ и тотеманъ продолжаетъ существовать на старыхъ мѣстахъ. Такъ, итифалійскій Амонъ-Кемъ почитался, главнымъ образомъ, въ Ѳивахъ; Апису особенно поклонялись въ Мемфисѣ, Анубису—въ Секемѣ, Нейту — въ Саисѣ, Ра—въ Геліополисѣ, а самому Озирису—въ Абидосѣ, его древнемъ мѣстопребываніи. Египетская традиція какъ-бы помнитъ о такомъ положеніи вещей; она говоритъ, что до Менеса—перваго фараона первой династіи объединеннаго Египта, въ странѣ владычествовала «семья боговъ». Смыслъ этой традиціи тотъ, что боги первоначально были царями различныхъ мѣстностей, правившими въ Нильской долинѣ до уніи.

Относительно Озириса показанія традицій весьма важны и интересны. Установлено, что Озирисъ первоначально былъ мѣстнымъ божествомъ Тиса, или Тиниса, деревни вблизи Абидоса, гдѣ и сейчасъ показываютъ развалины его жилища. Въ папирусѣ *Гаррисъ*, названіе Абидосъ производится отъ слова Абудъ—рука Озириса; на всѣхъ памятникахъ, сохранившихся до нашего времени, Озирисъ изображается главнымъ божествомъ, которому приносятъ жертвы фараоны и жрецы. Отмѣтимъ, что около Абидоса родился Менесъ, основатель единаго царства; а это наводитъ на мысль, что Озирисъ могъ быть предкомъ Менеса. Мнѣніе это подтверждается тѣмъ фактомъ, что Озирисъ постоянно изображается въ видѣ муміи, и что на

голову его надѣвается особый уборъ, который въ историческую эпоху считается короной верхняго Египта. Въ рукахъ онъ держитъ кривой жезлъ и плеть—эмблемы царскаго достоинства; первое указываетъ, что онъ, какъ пастырь, пасетъ свой народъ; второе—что онъ наказуетъ преступленія и устрашаетъ враговъ. Его изображеніе, такимъ образомъ, есть только изображеніе муміи царя. И только ослѣпленные миѳологи не видятъ того очевиднаго факта, что Озирисъ—мумія вождя изъ Абидоса того времени, когда Египетъ еще не былъ объединенъ подъ одной властью; и что населеніе города такъ же поклонялось этой муміи, какъ и, вообще, жители всякаго мѣста почитали предковъ своихъ царей.

Однако, Озирисъ изображается не только въ видѣ царственной муміи; мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія (отъ Плутарха или отъ автора «Сочиненія» объ Изидѣ и Озирисѣ), что могила его была въ Абидосѣ, и что богатые и знатные египтяне постоянно стремились быть похороненными на сосѣднемъ кладбищѣ, съ цѣлью лежать рядомъ съ великимъ богомъ. Все это весьма вѣроятно, если мы допустимъ, что какая-то тинитійская династія подчинила своей власти весь Египетъ и распространила культъ своего предка по всей странѣ. Впослѣдствіи, когда культъ этотъ внѣдрился въ народѣ, это мѣстное божество стало величайшимъ представителемъ всего египетскаго Олимпа.

Я самостоятельно пришелъ къ этимъ взглядамъ, когда случайно узналъ, что Лофти уже предупредилъ меня. Въ своемъ блестящемъ и интересномъ сочиненіи «Essay on Scarabs», онъ пришелъ къ тѣмъ же выводамъ: «Лично я ни минуты не сомнѣваюсь, что Озирисъ и Горусъ—имена древнихъ владыкъ. Я думаю, что еще въ доисторическую эпоху Азаръ и его жена Асетъ царствовали въ Египтѣ, вѣроятно въ той далекой долинѣ верхняго Нила, гдѣ теперь находятся Girgeh Berbe. (Именно тамъ, гдѣ я предполагаю царство Озириса *Г. А.*). Сынъ ихъ Горъ, или Горусъ, былъ первымъ фараономъ Верхняго и Нижняго Египта; потомки его «Горъ-сесу» подробно перечисляются позднѣйшими лѣтописцами. Я знаю, что не всѣ египтологи раздѣляютъ это мнѣніе. Много знанія и ума потрачено на доказательство того, что Азаръ, Асетъ, Горъ и Пта олицетворяютъ силы природы; что они указываютъ не на древнихъ царей, а на древнія воззрѣнія; и что Горусъ и его потомки—боги и никогда не были людьми. Но вѣдь въ древнѣйшихъ надписяхъ мы не находимъ ни малѣйшаго признака того мистицизма, который такъ рѣзко проявляется въ египетской скульптурѣ начиная съ восемнадцатой династіи до владычества Птоломеевъ и римскихъ императоровъ». Короче, Лофти развиваетъ теорію происхожденія великихъ божествъ, въ главныхъ чертахъ вполнѣ согласную съ моей.

Легко понять, что впослѣдствіи Озирисъ неминуемо долженъ былъ превратиться въ царя мертвыхъ и высшаго судью подземнаго міра. Ибо, къ нему, какъ къ священнѣйшему предку царской фамиліи, члены ея естественно стремились пріобщиться къ вѣчной жизни: когда широко разрослись миѳы, когда появились мистическія толкованія, и божества стали воплощать въ себѣ солнце и другія силы природы, то древнее значеніе культа Озириса совершенно исчезло. Но, несмотря на всѣ поправки и дополненія изображеніе его въ видѣ муміи осталось до конца. Онъ навсегда сохранилъ пастушескій посохъ, плеть и головной уборъ—эмблемы его первоначальнаго царскаго достоинства.

Мнѣ скажутъ, что было много разныхъ изображеній Озириса, и много различныхъ божествъ, которыя носили это имя. Похороненъ онъ былъ въ Абидосѣ, а гробницы его имѣлись въ Мемфисѣ и Ѳивахъ. Все это такъ, но что изъ того; вѣдь есть же много Мадоннъ и много Аполлоновъ. (У насъ въ Россіи Богоматерей: Иверская, Казанская и др. *Переводчикъ*). Вѣдь

никто не скажетъ, что жило нѣсколько дѣвъ Марій, если есть много Богородицъ въ различныхъ мѣстахъ и церквахъ. Дѣва Марія въ Лоретто, та же, что и въ Лурдѣ, Іисусъ изъ Назарета сынъ Іосифа, но онъ уже сынъ Давида и сынъ Божій. Можетъ быть Озирисъ былъ общимъ именемъ боговъ, а можетъ быть во многихъ городахъ позднѣйшаго Египта были различные Озирисы; или можетъ быть какой-нибудь мѣстный богъ-предокъ вымершаго уже рода, перенялъ, подъ вліяніемъ позднѣйшаго жреческаго мистицизма, имя и почести великаго бога Абидоса. Позднѣе мы увидимъ, что тѣло ежегодно оживающаго Озириса разрѣзалось на части и разсылалось по всѣмъ египетскимъ областямъ. Пока я замѣчу лишь, что появленіе и господство культа Озириса, культа царской муміи и родственныхъ ему культовъ Горуса, Изиды, Тота и другихъ египетскихъ божествъ лучше всего объясняется обычнымъ въ человѣчествѣ обожествленіемъ предковъ. Я хочу еще добавить, что постепенное развитіе культа Озириса можно прослѣдить по памятникамъ; надписи же, заключая обѣщанія предкамъ жертвъ и алтарей, очень рѣдко содержатъ имена боговъ. Равнымъ образомъ на древнѣйшихъ гробницахъ изображаются не великіе боги, а почти всегда сцены изъ домашней жизни или изъ земледѣльческаго быта, таковы гробницы Сахара и Бени-Гассанъ. Въ эру шестой династіи на памятникахъ появляется уже имя Озириса; теперь онъ уже считается судьей мертвыхъ и владыкой подземнаго міра. На одной табличкѣ этого времени (въ Булакскомъ музеѣ) мы встрѣчаемъ выраженіе «уподобиться Озирису», ставшее впослѣдствіи обычнымъ. Въ царствованіе двѣнадцатой династіи легенда растетъ; Озирисъ и Изида уже озаряются солнечнымъ и луннымъ свѣтомъ; имя «Ра», солнце, прибавляется къ именамъ нѣкоторыхъ, ранѣе самостоятельныхъ божествъ. Кемъ, богъ Ѳиванскій, получаетъ большее значеніе, что вполнѣ нормально при господствѣ ѳиванской династіи. Кемъ, мѣстный богъ-мумія постоянно изображается въ головномъ уборѣ царей, а позднѣе отожествляется съ Аммономъ и, вѣроятно, съ божествомъ изъ Абидоса. И съ этого времени на первое мѣсто выступаетъ Озирисъ: «Ему приносилось больше жертвъ, даже чѣмъ мертвымъ. Вокругъ него создается придворный штатъ. При судѣ душъ ему помогаетъ писецъ-Тотъ (богъ мертвыхъ въ Абидосѣ), Анубисъ-сторожъ, Ра—олицетвореніе правды и другія божества». Слово «мертвый» съ этихъ поръ получаетъ постоянное значеніе «очистившійся благодаря Озирису». Приблизительно въ то же время появляется «книга мертвыхъ» вмѣстѣ съ ученіемъ о подземномъ мірѣ и сложными правилами очищенія.

Эра девятнадцатой династіи ознаменована дальнѣйшимъ ростомъ миѳическихъ разсказовъ; все точнѣе опредѣляются божества. Въ Аммонѣ и Ра отожествляются безчисленные образы другихъ боговъ. Этимъ кладется начало эзотерическому монотеизму и пантеистическому поклоненію природѣ позднѣйшихъ философовъ-жрецовъ. При девятнадцатой династіи культъ мѣстныхъ тріадъ получаетъ окончательное развитіе; зарождается также мистическое толкованіе египетской религіи. Жрецы начинаютъ разрабатывать детали великаго миѳа Озириса все болѣе и болѣе въ мистическомъ духѣ. И самъ священный быкъ Аписъ, богъ-тотемъ Мемфиса, считается особымъ воплощеніемъ Озириса; наконецъ, послѣдній вмѣстѣ съ Аммономъ и Ра, составляютъ весь національный Олимпъ. Затѣмъ начинается мистическое толкованіе миѳовъ, ибо Озирисъ въ одно и то же время считается отцомъ, братомъ, сыномъ, супругомъ Изиды и сыномъ своего собственнаго сына Горуса. Дошедшіе до насъ отрывки жреческихъ сочиненій свидѣтельствуютъ о близкомъ аѳанасіевскому пониманію смѣшеній неясностей и опредѣленнаго, напримѣръ: «сынъ исходитъ отъ отца, а отецъ отъ сына», или «Ра—душа Озириса, а Озирисъ душа Ра». Такъ, Горусъ, дитя Озириса, былъ

вызванъ къ жизни изъ мертваго тѣла отца путемъ магическихъ заклинаній; онъ побѣдилъ Сета—властителя тьмы и въ качествѣ Озириса занялъ тронъ своего отца, которому онъ возвратилъ жизнь. Какъ и всѣ миѳы вообще, эти мистическія легенды не только не разъясняютъ происхожденія божествъ, но еще болѣе запутываютъ и безъ того сложный процессъ.

Это постепенное превращеніе мертваго, набальзамированнаго вождя деревни въ пантеистическое божество имѣетъ аналогичный примѣръ (какъ бы дико это ни звучало) въ эволюціи галлилейскаго крестьянина во второе лицо вѣчнаго и могущественнаго Бога. И сказаніе о смерти и воскресеніи Озириса (о чемъ рѣчь впереди) нисколько не противорѣчитъ реальности его человѣческой жизни; подобно тому, какъ нѣтъ противорѣчія между исторіей смерти и воскресенія бога Іисуса Христа и между жизнью опредѣленнаго человѣка—Іисуса изъ Назарета. Совсѣмъ не трудно понять эту эволюцію, если обратить вниманіе на то, что и послѣ образованія идеи божества, царь остается равнымъ богамъ, такъ какъ онъ ихъ сынъ и преемникъ и, слѣдовательно, божественная личность. Боговъ отличаетъ отъ царя только безсмертіе, которое и обѣщается ими возлюбленному сыну. «Фараонъ Египта, говоритъ Ле-Пажъ-Ренуфъ, былъ живымъ представителемъ и отраженіемъ бога солнца. Съ очень древнихъ временъ онъ надѣлялся аттрибутами божественной власти, о чемъ мы можемъ судить по указаніямъ, имѣющимся на дошедшихъ до насъ памятникахъ». Все это вполнѣ понятно, ибо въ глубокой древности въ Египтѣ царствовали тѣ боги, потомокъ которыхъ и есть данный царь; фараоны до Менеса такъ и назывались «дѣтьми Горуса». Еще въ птоломейскую эпоху были жрецы Менеса и другихъ фараоновъ древнѣйшихъ династій. Строители пирамидъ получили названіе «золотыхъ Горусовъ», которое перешло къ ихъ позднѣйшимъ преемникамъ; а со времени Хафра правящій фараонъ сталъ называться «сыномъ Ра» и «великимъ Богомъ». Аменофисъ II при жизни былъ «добрымъ Ра священнымъ сѣменемъ Аммона, сыномъ его». На памятникахъ фараонъ изображается совершенно такъ же, какъ и боги; онъ бесѣдуетъ съ ними какъ съ равными, боги водятъ его по своимъ сокровищницамъ или одаряютъ различными символами царской власти и эмблемами вѣчной жизни.

Итакъ, изъ всего сказаннаго я вывожу слѣдующее. Значительная часть египетскихъ божествъ, народныхъ или мѣстныхъ—въ отличіе отъ семейныхъ, культъ которыхъ не выходилъ за предѣлы даннаго рода—въ глубокой древности были царями, миѳы о нихъ превратились позднѣе въ легенды, раскрашенныя всевозможными фантастическими вымыслами; культъ ихъ былъ принороваленъ къ культу природы. Надписи «бога» Филадельфа *) на о. Филе, относящіяся къ послѣднимъ днямъ египетской независимости, свидѣтельствуютъ, что въ сознаніи египтянина пропасть между человѣкомъ и божествомъ была не столь глубока; и что жрецамъ и народу понятна была первоначальная человѣческая природа всѣхъ боговъ.

Но есть еще группа боговъ, о которыхъ мы знаемъ сравнительно мало. Это священныя животныя и боги съ головами животныхъ, развившіеся изъ тотемовъ различныхъ деревень. Эти боги-животныя, по замѣчанію профессора Сейса, приводятъ насъ къ той далекой до-исторической эпохѣ, когда религіозное ученіе Египта (вѣрнѣе, египетскіе обряды) заключались въ тотемизмѣ. Но я не могу такъ увѣренно, какъ Гербертъ Спенсеръ, говорить по вопросу о томъ, въ какой связи находится тотемизмъ съ эволюціей главныхъ божествъ. Возможно, что тотемъ первоначально

*) Евергетъ, Вереники, Филадельфъ—члены царствовавшей египетской династіи Птоломеевъ в. III в. до Р. Хр.) Послѣ смерти были обожествлены.

былъ лишь животнымъ, считавшимся символомъ даннаго племени. Его съ любовью растили, очень дорожили имъ, такъ что впослѣдствіи ему удѣлили часть тѣхъ почестей, которыя оказывались предкамъ, а позднѣе богамъ. Фразеръ высказалъ другое предположеніе, наиболѣе удовлетворительное изъ всѣхъ существующихъ, которое, по моему мнѣнію, очень хорошо объясняетъ этотъ темный пунктъ въ исторіи религіи. Какъ бы тамъ ни было, если только тотемы постепенно возвысились до божества, то вполнѣ понятно замѣчаніе Ренуфа, что длинный рядъ могилъ Аписовъ въ Сахара показываетъ, «какъ въ позднѣйшее время почитаніе священныхъ животныхъ стояло неизмѣримо выше, чѣмъ въ болѣе древнюю эпоху». Я хочу еще указать, что почитаніе тотема (въ отличіе отъ ухода за нимъ, о которомъ, повидимому, говоритъ Фразеръ), вѣроятно, возникло изъ обычая вырѣзать на могильномъ памятникѣ тотемъ умершаго. Этотъ обычай и сейчасъ существуетъ среди индѣйскихъ племенъ сѣверо-западной Америки.

Каково бы ни было происхожденіе тотема, я все-таки не думаю, чтобы тотемизмъ гдѣ-либо находился въ противорѣчіи съ нашимъ общимъ положеніемъ, что идея божества развилась изъ культа предковъ. Ибо какой-нибудь объектъ могъ возвыситься до божества только послѣ того, какъ идея эта окончательно вышла изъ культа мертвыхъ. Но съ другой стороны, какъ я уже выше говорилъ, я не согласенъ съ Спенсеромъ, будто каждый богъ обязательно былъ мертвымъ человѣкомъ. Для меня не подлежитъ сомнѣнію, что идея божества находилась уже въ человѣческомъ сознаніи задолго до того, какъ начали производить боговъ либо изъ абстрактныхъ понятій, либо изъ явленій природы. Поэтому, я не думаю, чтобы существованіе въ Египтѣ или въ другой странѣ боговъ—тотемовъ могло противорѣчить установленному нами взгляду на происхожденіе божества. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что въ Египтѣ тотемизмъ существовалъ съ незапамятныхъ временъ. Фразеръ понимаетъ подъ тотемомъ группу матеріальныхъ предметовъ, къ которымъ дикарь относится съ суевѣрнымъ благоговѣніемъ, такъ что между нимъ и каждымъ изъ этихъ объектовъ существуетъ таинственная связь». Далѣе, Фразеръ разсказываетъ, что среди племени «нарринюери» (въ Южной Австраліи) мужчины изъ клана змѣи, ловятъ ее иногда, вырываютъ ей зубы и держатъ въ качествѣ домашняго животнаго. На о. Самоа дикари клана голубей, ловятъ этихъ птицъ, держатъ въ хижинахъ и кормятъ ихъ. Въ каждой семьѣ племени Калонъ (на о. Явѣ), тотемомъ котораго является красная собака, мы находимъ, это животное, къ которому относятся съ великимъ почтеніемъ. Подобно этому и различные египетскіе классы населенія считали своими символами—тотемами—священныхъ быковъ, крокодиловъ, кошекъ, шакаловъ, ибисовъ, очковыхъ змѣй, соколовъ и жуковъ. При раскопкахъ, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ существовалъ культъ этихъ животныхъ, въ огромномъ количествѣ находятъ ихъ муміи или небольшія изображенія.

Въ позднѣйшемъ египетскомъ Олимпѣ имѣлась еще третья категорія божественныхъ или полу-божественныхъ существъ. Много мѣста этимъ божествамъ удѣлилъ Андр. Лангъ въ своемъ прекрасномъ введеніи къ Геродотовой Эвтерпѣ. Это—божества явленій природы, играющія огромную роль и въ раціоналистическихъ и въ мистическихъ миѳологическихъ системахъ. Нутъ и Себъ—олицетворенія неба и земли, изображенныя на саркофагѣ Менаура—фараона четвертой династіи (находится въ Британскомъ музеѣ), несомнѣнно, такія божества; таковыми же являются, вѣроятно, и Хонсъ—богъ восходящаго, и Тумъ—заходящаго солнца. Но изъ подобныхъ боговъ—воплощеній явленій природы, ни одно за исключеніемъ Ра, не играло замѣтной роли въ культѣ египетскаго народа. По установленному мнѣ-

выше (во второй главѣ) дѣленію, это боги, о которыхъ говорятъ, но которымъ не молятся; это, скорѣе, миѳологическія существа, чѣмъ объекты культа. Имена ихъ часто встрѣчаются въ священныхъ текстахъ, но изображенія очень рѣдки, а храмовъ въ ихъ честь совсѣмъ нѣтъ. Непосредственные объекты высшаго культа совсѣмъ иные; то Озирисъ, Изида, Горусъ, Анубисъ, Кемъ, Паштъ и Аторъ. Почти всѣ причудливыя фигуры Нутъ, изображавшейся съ женскимъ лицомъ и распростертыми руками (какъ напримѣръ, въ Дендерокомъ храмѣ) по моему мнѣнію принадлежатъ птоломейской эпохѣ, ибо въ то время египтяне заимствовали много чуждыхъ понятій у сосѣднихъ грековъ и азіатскихъ народовъ. Какъ боги, а не какъ миѳическіе образы, Нутъ и Себъ очень юны. Самъ Ра, богъ солнца, столь важный въ позднѣйшей религіозной системѣ, первоначально былъ, вѣроятно, только символомъ общихъ особенностей многихъ различныхъ божествъ. Солнце, почитавшееся въ лицѣ Ра, или Озириса, связывается столько же съ именами боговъ, какъ и съ именами фараоновъ, которыхъ называли такъ изъ лести. Вообще, я держусь того мнѣнія, что поклоненіе природѣ, какъ элементъ египетскихъ вѣрованій, появляется очень поздно и носитъ скорѣе миѳологическій, сказочный характеръ, чѣмъ собственно религіозный. Моментъ этотъ не имѣетъ никакого отношенія къ нашимъ общимъ выводамъ, что истинные боги Египта ведутъ свое начало либо отъ культа предковъ, либо тотемизма.

Итакъ, на основаніи всего сказаннаго, мы можемъ установить, что древнѣйшимъ культомъ въ Египтѣ былъ чистый культъ предковъ, къ которому присоединился, быть можетъ, не строго религіозный элементъ—тотемизмъ, который, однако, позднѣе слился какимъ-то образомъ съ общимъ духопочитаніемъ. Позднѣйшіе боги суть, вѣроятно, обожествленные предки древняго властителя, иногда почитаемые, какъ муміи,—иногда представляемые тотемами, а еще позднѣе изображавшіеся въ видѣ людей съ головами животныхъ. Всѣ эти божества пріурочиваются къ извѣстнымъ мѣстамъ—(«Владыка Абидоса»), «Владычица Сенема», «представитель Ѳивъ», «живущій въ Гермополисѣ») это вполнѣ понятно, если предполагать, что они превратились въ боговъ и царей этихъ мѣстностей. Въ древнѣйшее время культъ предковъ, свободный отъ аллегорическихъ толкованій, былъ чище и проще, чѣмъ въ послѣдующіе періоды народной жизни. Съ постепеннымъ развитіемъ религіи расли легенды и миѳы; повсюду сказывалось стремленіе къ систематизаціи и уравненію божествъ; появляется и мистицизмъ. Въ то же время эзотерическая религіозная система, склонная къ пантеистическому монотеизму, пытается успокоить разумъ разъясненіемъ кажущихся безсмысленными частей древней вѣры. Такія философскія толкованія и комментаріи позднѣйшаго времени очень часто излагаются въ систематическихъ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ ученыхъ, какъ истинное ученіе египетской религіи; при чемъ они ошибочно считаютъ ихъ древнѣйшимъ достояніемъ египетской творческой мысли. Идея единства Божія и циклъ миѳовъ о Горусѣ, Изидѣ и Озирисѣ, несомнѣнно, позднѣйшіе формы древней вѣры; они проникнуты духомъ жреческой экзегетики. Истинная же религія древняго Египта заключалась въ культѣ мертвыхъ и въ грубомъ политеизмѣ, какъ это и выражается на всѣхъ памятникахъ.

Каковъ былъ тотъ религіозный міръ, куда, если дать вѣру древнѣйшимъ семитическимъ традиціямъ, дѣти Израиля принесли своего бога—Iahve и другихъ боговъ, И такова была въ ея полномъ, мистическомъ видѣ та религія, которая жила и господствовала въ Птоломеевомъ и въ римскомъ Египтѣ въ то время, когда вокругъ исторической личности Іисуса начала развиваться новая вѣра—христіанство.

Глава IX.

Боги Израиля.

Евреи были единственнымъ народомъ, получившимъ въ это время изъ первыхъ рукъ чистый монотеизмъ. Отдѣльные мыслители, какъ египетскіе жрецы или греческіе философы, приближались къ этой идеальной цѣли или намѣчали ее. Но ни одной изъ человѣческихъ расъ, какъ цѣлому, никогда не удалось собственными силами дойти до монотеизма, какъ бы близко отдѣльныя лица ни подходили къ нему въ эзотерическихъ или мистическихъ философствованіяхъ. И арабы, и римляне, и современные европейцы, принявшіе христіанство,—всѣ они заимствовали монотеизмъ у евреевъ. Особой заслугой Израиля передъ человѣчествомъ, является самостоятельное развитіе ими Единаго Бога. И это развитіе единаго Бога изъ массы различныхъ божествъ древнѣйшей семитической религіи есть огромный вкладъ Израиля въ міровую сокровищницу духовныхъ богатствъ.

Священныя книги евреевъ въ томъ искаженномъ видѣ, въ которомъ онѣ всѣмъ извѣстны въ настоящее время, разсказываютъ о существованіи монотеизма еще въ древнѣйшія времена. Они говорятъ, что Авраамъ, сказочный прародитель всѣхъ семитовъ, уже былъ монотеистомъ; они видятъ даже въ монотеизмѣ общую міровую религію, изъ которой вышли въ качествѣ отклоненій, всѣ политеистическіе культы. Подобный взглядъ, конечно, безсодержателенъ. Также несостоятельно грубое воззрѣніе, будто монотеизмъ распространился среди евреевъ, благодаря духовной мощи одного человѣка, именно Моисея. Самое допущеніе, чтобы какой-нибудь мыслитель, получившій развитіе въ политеистической средѣ, гдѣ религія содержитъ безконечное число боговъ и низшія формы культа животныхъ могъ дойти до строго монотеистическаго міровоззрѣнія, стоитъ въ полномъ противорѣчіи со всѣми извѣстными законами психологіи человѣка. Дѣйствительныя стадіи развитія монотеизма среди небольшой группы семитическихъ народовъ уже изслѣдованы голландскими и нѣмецкими учеными. Я же хочу разсмотрѣть этотъ вопросъ съ антропологической точки зрѣнія. Я хочу показать, что на великомъ іудейскомъ Богѣ замѣтны слѣды, правда, очень туманные, древнихъ божествъ—духовъ предка.

До сравнительно поздняго времени іудейской исторіи, Іаһve былъ лишь величайшимъ божествомъ въ сонмѣ израильскихъ боговъ, — первый среди равныхъ, подобно греческому Зевсу, египетскимъ Озирису или Аммону и тевтонскимъ Водану или Доннару. Еще въ эпоху Езекіи въ большей части израильскаго народа господствовалъ, правда, скрытый политеизмъ. Боги, повидимому, были такъ же многочисленны и такъ же связаны съ данной мѣстностью, какъ египетскіе: «у тебя столько боговъ, о Іудея, сколько и городовъ!» говоритъ пророкъ Іеремія въ VI вѣкѣ до Р. Х. Долгій процессъ, въ теченіе котораго культъ Іаһve воспринималъ культы прочихъ боговъ, закончился созданіемъ высокаго идеала чистаго монотеизма. Но въ народѣ идеалъ этотъ утвердился и окрѣпъ, во всякомъ случаѣ не раньше возвращенія изъ вавилонскаго плѣна; при чемъ въ послѣдніе годы независимости небольшая группа ревностныхъ приверженцевъ напрягала всѣ силы на распространеніе культа Единаго Бога.

Чтобы лучше понять внутреннюю природу этого замѣчательнаго переворота, мы обратимся къ характеристикѣ древняго израильскаго политеизма, а затѣмъ первоначальнаго культа великаго народнаго бога Іаһve.

Всѣ новѣйшіе ученые согласны съ тѣмъ, что народная религія іудеевъ имѣетъ коренное семитическое происхожденіе. По обычнымъ описаніямъ она охватывала три формы культа: во-первыхъ, культъ «Терафимъ» (домашніе боги), во-вторыхъ, почитаніе священныхъ камней и, наконецъ, въ

третьихъ, поклоненіе нѣкоторымъ, частью туземнымъ, частью чужимъ божествамъ. Одни изъ нихъ почитались подъ видомъ животныхъ; другія, стоявшія, вѣроятно, въ связи съ явленіями природы, въ видѣ приписываемыхъ имъ аттирбутовъ. Хотя, по моему мнѣнію нѣтъ никакой разницы между всѣми этими видами культа, я все-таки буду вести изслѣдованіе, согласно этой классификаціи.

Разсматривая культъ, «терафимъ» съ той основной точки, съ которой мы изслѣдовали до сихъ поръ различные другіе культы, мы находимъ, что культъ этотъ, несомнѣнно является почитаніемъ семейныхъ предковъ. Кюненъ понимаетъ подъ «терафимъ» тѣхъ небольшихъ идоловъ, которымъ поклонялись какъ домашнимъ божествамъ, и отъ которыхъ, по общему вѣрованію, зависѣло благосостояніе и счастье семьи. Въ сказаніи о бѣгствѣ Іакова отъ Лавана говорится, что Рахиль взяла съ собою терафимъ своего отца; и что когда бѣглецовъ настигъ разгнѣванный вождь, онъ прежде всего спросилъ, почему они украли его домашнихъ боговъ. Въ книгѣ Судей мы читаемъ: «И былъ нѣкто на горѣ Ефремовой, по имени Миха... Онъ (плавильщикъ) сдѣлалъ изъ нихъ (денегъ) истуканъ—литой кумиръ и находился онъ въ домѣ Михи. У этого человѣка, Михи, былъ домъ боговъ. И сдѣлалъ онъ «эфодъ» и «тераѳимъ» и посвятилъ одного изъ сыновей своихъ, чтобы онъ былъ у него священникомъ... Миха посвятилъ Левита, и этотъ юноша былъ у него священникомъ, и жилъ въ домѣ у Михи». (Книга Судей XVII). Именно такое домашнее жречество мы находимъ всюду при культѣ духовъ предковъ. Даже сквозь покровъ позднѣйшей іеговистической переработки повсюду видны слѣды очень древняго почитанія такихъ домашнихъ боговъ. Михаль, дочь Саула, жена Давида, также имѣла такого божка. Пророкъ Осія называетъ ихъ «древними палками», а Захарія — идолами, вводящими въ заблужденіе народъ. Понятно, что тераѳимъ благоговѣйно хранились въ каждомъ домѣ; въ извѣстное время семья приносила имъ жертвы, и во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ представитель семьи—первосвященникъ, облаченный въ эфодъ, совѣщался съ ними. Итакъ, я думаю, что сопоставленіе всѣхъ этихъ данныхъ съ нашими свѣдѣніями о другихъ домашнихъ культахъ, позволяетъ заключить, что іудейская религія, какъ и всѣ другія, въ конечномъ счетѣ базировалась накультѣ предковъ. Однако, существуютъ мнѣнія, отрицающія существованіе у семитовъ этого чистаго, простого культа. Всѣ такія утвержденія опровергаются несомнѣнными доказательствами Ленормана, которыя онъ приводитъ въ описаніи могильныхъ памятниковъ изъ Іемена.—«Здѣсь мы имѣемъ цѣлый рядъ человѣческихъ личностей, несомнѣнно умершихъ предковъ или родственниковъ поколѣнія, воздвигавшаго эти святыни. Къ имени ихъ всегда прибавляется титулъ, принадлежавшій имъ при жизни. Потомки кланялись имъ совершенно такъ же какъ и богамъ. Такимъ образомъ, это—обожествленные люди—объекты семейнаго культа и члены данной семьи». — Очевидно, что тераѳимъ были изображанія такихъ домашнихъ боговъ или духовъ предковъ. Насъ, однако, не должно удивлять, что эти боги не играли большой роли въ исторіи народа, какъ она излагается намъ еврейской традиціей. Подобныя мелкія божества не могли вызывать гнѣва даже самого «ревнителя» Iahve, который позднѣе такъ строго требовалъ поклоненія отъ всего Израиля; нападки противъ ихъ почитателей сравнительно рѣдки и въ пламенныхъ рѣчахъ пророковъ.— Терафимъ были очень распространены, говоритъ Кюненъ, и однако, никто не думалъ, чтобы культъ ихъ не уживался съ культомъ Iahve». Ихъ, какъ принадлежность одной данной семьи, считали жалкими врагами великаго и грознаго народнаго бога, не терпѣвшаго соперниковъ и не допускавшаго поклоненія Молоху или Ваалу. Культъ тераѳимъ такъ же не противорѣчилъ

культу Іаһve, какъ вѣра въ лѣшихъ, домовыхъ, эльфовъ, гномовъ и другихъ, вполнѣ уживается съ современнымъ христіанствомъ.

Читателю можетъ показаться, что подобный выводъ противорѣчитъ не разъ высказывавшемуся мнѣнію, будто древніе евреи почти не имѣли никакого понятія о загробной жизни, и совершенно не знали ученія о будущемъ воздаяніи. Я не могу признать правильность такого сужденія. Неужели семиты десятаго и двѣнадцатаго вѣковъ не имѣли той вѣры, которая свойственна всему человѣчеству, а особенно развилась въ египетскомъ народѣ, ближайшемъ сосѣдѣ древнихъ іудеевъ? Вопросъ этотъ не можетъ быть здѣсь разрѣшенъ во всей полнотѣ. Я хочу только отмѣтить, что всякое апріорное сужденіе будетъ мало правдоподобнымъ; и что въ іудейской письменности, особенно въ древнѣйшихъ ея частяхъ, встрѣчаются намеки на вѣру въ духовъ, въ міръ тѣней и на возможность будущаго воскресенія. Обычай хоронить въ пещерахъ или въ углубленіяхъ скалъ; важность, придаваемая разсказу о покупкѣ Махпелы *); постоянныя выраженія, что такой-то патріархъ «пріобщился къ народу своему» или «отошелъ въ лоно предковъ», бальзамированіе трупа Іосифа; перевезеніе его тѣла въ Палестину; разсказъ о Саулѣ и духѣ Саула и, наконецъ, представленіе о Схилѣ—царствѣ усопшихъ,—все это свидѣтельствуетъ о томъ, что въ данномъ вопросѣ отличіе іудейской религіи отъ другихъ вѣрованій совершенно несущественно.

Въ тѣсной связи съ «тераѳимъ» находится почитаніе могилъ и кургановъ. По Смиту вся сѣверно-семитическая область усѣяна священными могилами, въ каждомъ изъ которыхъ живетъ богъ или полу-богъ. Это, несомнѣнно, принадлежитъ уже къ чистому культу предковъ.

Второе мѣсто среди почитавшихся древнимъ Израилемъ предметовъ занимаютъ священные камни. Выше мы уже подробно разсматривали этотъ пунктъ. Въ виду особеннаго значенія этого культа на семитической почвѣ, необходимо все-таки еще добавить нѣсколько словъ.

Въ настоящее время всѣми признано, что культъ камней игралъ необыкновенно важную роль въ древнѣйшей семитической религіи. Много доказательствъ приводилось въ подтвержденіе этой мысли; но самымъ вѣскимъ является тотъ общеизвѣстный фактъ, что Магометъ не въ силахъ былъ удалить чернаго священнаго камня Каабы изъ Ислама, чистѣйшей монотеистической религіозной системы. По сообщенію Смита, въ Аравіи неизвѣстны алтари изъ отесаннаго камня; вмѣсто нихъ мы находимъ грубый столбъ — кернъ, возлѣ котораго убивали жертвенныхъ животныхъ, причемъ кровь выливалась на подножіе столба. Но у израильтянъ, повидимому, отесанный камень былъ болѣе употребительнымъ способомъ обозначенія присутствія духа или божества. Подобный священный камень, какъ мы уже выше видѣли, былъ извѣстенъ іудеямъ подъ именемъ «Бетъ-эль», т. е., жилища Бога. На широкое господство культа камня указываетъ также то обстоятельство, что слово это «Бетъ-эль» въ немного измѣненной формѣ было заимствовано греками и римлянами **), для обозначенія также камней, въ которыхъ, по общему вѣрованію, обитало божество. Въ іудейскихъ книгахъ очень много указаній на существованіе такихъ божествъ; хотя они и выставляются идолами или покрыты легкой дымкой іеговизма, такъ какъ ихъ

---

*) Быт. 23 гл. гоговоритъ, что Авраамъ купилъ «пещеру» Махпела. Лютер. перевел. слово Махпела—пещера; поэтому въ нѣмецкихъ переводахъ Библіи нѣтъ этого названіе. В. Махпелѣ похоронены были Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ. (Быт. 25, 49, 50).

**) Подобные камни у грековъ назывались «Βαιθυλος»). (или «Βαιθιλιον»). Отсюда имя собственное—Βεθυλος сына Ураноса и Теи. См. Pauly, Real-Encyklopedie, нов. изд. Stuttgart 1896 г. II, 2779.

стараются свести либо къ національнымъ героямъ, либо къ позднѣйшему культу Iahwe. Въ сказаніи о снѣ Іакова, мы видимъ, что священный камень помазывается елеемъ, и что ему обѣщаютъ приносить въ жертву десятую часть урожая. А изъ дальнѣйшаго мы знаемъ, что Іаковъ «поставилъ каменный памятникъ, принесъ жертву возліянія и освятилъ его елеемъ». Во многихъ другихъ мѣстахъ изображено почитаніе священныхъ камней подобными же обрядами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ фаллическое значеніе камня обнаруживается въ томъ, что бездѣтныя женщины обращаются къ нимъ съ молитвами о дарованіи ребенка, подобно тому, какъ индусскія женщины просили объ этомъ Магадео, а іудейскія — Iahve. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Пониманію дѣла много поможетъ краткій обзоръ главныхъ боговъ-камней, упоминаемыхъ въ еврейской письменности. Раньше я уже говорилъ, что очень часто культъ этихъ божествъ связывается съ культомъ священныхъ деревьевъ. Возлѣ Сихема росъ дубъ, называемый «дубомъ пророковъ», или «дубомъ учителей»; рядомъ съ нимъ стоялъ камень, святость котораго обосновывалась различными причинами. Разъ онъ называется алтаремъ Авраама; другой разъ — алтаремъ Іакова; и, наконецъ, «памятникомъ Іосcіи». Въ дѣйствительности же это было мѣсто, гдѣ приносились жертвы его почитателями и куда они приходили за совѣтами. У Хеврона былъ дубъ—Мамре; подъ нимъ лежалъ священный камень, служившій алтаремъ Аврааму, а позднѣе Давиду. Третье священное дерево,—тамарискъ, находилось въ Вирсавіи; оно было посажено, вѣроятно, Авраамомъ; здѣсь же былъ каменный алтарь, сооруженіе котораго приписывается Исааку. Въ Гилгалѣ—«12 священныхъ камней», поставленныхъ въ память перехода черезъ Іорданъ. Другими примѣрами могутъ служить «эбенъ-езеръ»—«камень помощи»; «тобелетъ»—«камень змѣй», далѣе «большой камень» въ Бетшемешѣ и другой «большой камень» въ Гибеонѣ. Всѣ эти камни были несомнѣнно древнѣйшими еврейскими божествами.

Мы переходимъ теперь къ третьему и самому интересному пункту древней іудейской религіи, къ культу великихъ боговъ, которыхъ впослѣдствіи побѣдилъ могучій ревнитель «Iahwe». Почти неизвѣстно, что такое эти божества, ибо наши свѣдѣнія исходятъ изъ іеговистическихъ источниковъ, а послѣдніе приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы оттѣснить назадъ и обезличить «ложныхъ боговъ». Съ другой стороны, въ процессѣ развитія монотеизма, образующая сила соединила аттрибуты различныхъ божествъ въ единомъ Iahwe, такъ что, въ концѣ концовъ, онъ остался коллективнымъ представителемъ прежняго Олимпа. И все-таки мы можемъ составить нѣкоторое представленіе объ этихъ исчезнувшихъ богахъ, либо по тѣмъ именамъ, которыя они носили, либо по тѣмъ образамъ и формамъ, подъ которыми они почитались. Ранѣе думали, что такими богами являются Ваалъ и Молохъ. Теперь это мнѣніе оставлено, такъ какъ библейскій Ваалъ вовсе не есть какое-нибудь опредѣленное божество. Слово «Ваалъ» должно считать родовымъ и значитъ оно «властитель», «господинъ», «хозяинъ». Словомъ, этимъ хотѣли передать отношеніе божества къ мѣсту его пребыванія. Въ семитическихъ областяхъ Ваалы, повидимому, были мѣстными богами или обожествленными вождями, т.-е., это были умершіе цари или родоначальники царскихъ фамилій. Поэтому весьма понятно, что «ашера» и священные камни считались такими же Ваалами. Каждая мѣстность называла своего бога—Вааломъ, подобно тому какъ на Делосѣ говорили «богъ», въ Афинахъ—«богиня», а въ Миланѣ и сейчасъ говорятъ «святой», когда рѣчь идетъ объ Аполлонѣ, Афинѣ и св. Антоніи. Мелькартъ это Ваалъ Тира, Астарта—Ваалъ Библоса; были Ваалы Ливана, Хермона, горы Пеора и др. Имена нѣкоторыхъ Вааловъ связываются

съ названіями городовъ: «Ваалъ—Тамаръ»—господинъ пальмы, «Ваалъ—Беритъ», «Ваалъ—Гадъ», «Ваалъ—Меонъ» и «Ваалъ—Зефонъ». Еврейская письменность поставила себѣ задачу—подавить всякое воспоминаніе объ этихъ ложныхъ богахъ и представить Iahwe единственнымъ, истиннымъ вождемъ и господиномъ Израиля съ древнѣйшихъ временъ. Слово «молохъ» означаетъ—царь, такъ могли называться, понятно, нѣсколько боговъ. Смитъ не сочувствуетъ мысли, что тотъ Молохъ, въ жертву которому іудеи приносили дѣтей въ эпоху вавилонскаго плѣна, былъ самъ Iahwe. Онъ думаетъ, что Молохъ это совсѣмъ особое, отличное отъ Iahwe божество. Вообще же, не вдаваясь въ такія подробности, мы должны заранѣе сказать, что знаемъ очень немного о тѣхъ великихъ богахъ, которымъ іудеи поклонялись въ послѣдніе годы самостоятельной жизни. Однако, мнѣ кажется, можно утверждать, что цѣлая группа мѣстныхъ божествъ почиталась въ качествѣ особыхъ святынь, алтарей или каменныхъ изваяній, стоявшихъ рядомъ съ «ашера» подъ священнымъ деревомъ или въ священной рощѣ. Въ то время, какъ св. Писаніе открыто передаетъ имена Кемошъ—бога Моава, Дагонъ—бога филистимлянъ, всѣ названія еврейскихъ боговъ тщательно имъ скрываются; вездѣ и всюду говорится только объ Iahwe.

Я долженъ еще указать, что культъ Вааловъ іудеевъ, да и другихъ народовъ, стоитъ въ тѣсной связи съ культомъ прямыхъ конусообразныхъ камней. Во всѣхъ религіяхъ они были самыми святыми предметами; и по всему можно заключить, что для почитателей они имѣли фаллическое значеніе.

Нѣкоторые ученые пытались показать, что среди объектовъ древнѣйшаго еврейскаго культа находились различныя животныя. Доказательства ихъ не вполнѣ убѣдительны, но для полноты изслѣдованія, я хочу отмѣтить нѣкоторыя изъ вѣроятнѣйшихъ предположеній. Прежде всего, они указываютъ, что въ Данѣ и Веѳилѣ почиталось божество въ видѣ молодого быка, подобно Апису въ Мемфисѣ и Мневису въ Онѣ, или въ Геліополѣ. Въ священномъ Писаніи этотъ культъ отнесенъ къ древнѣйшимъ временамъ—эпохѣ исхода изъ Египта; такъ во 2-ой книгѣ Моисея разсказывается о «золотомъ тельцѣ». Былъ ли то самъ Iahwe въ образѣ тельца, или это одна изъ его многихъ формъ? Кюненъ примыкаетъ къ первому мнѣнію; онъ положительно говоритъ, что именно въ лицѣ молодого быка почитался «Iahwe». Несомнѣнно, что этотъ культъ тельца былъ культомъ самого «Iahwe». Изъ пророческихъ книгъ VIII в. до Р. Х. мы ясно видимъ, что поклонники тельцовъ называли себя почитателями бога «Iahwe», выведшаго народъ израильскій изъ Египта. И все-таки я позволю себѣ имѣть мнѣніе, отличное отъ мнѣній великихъ ученыхъ-спеціалистовъ. Позднѣе я попытаюсь обосновать мое положеніе, что первоначально былъ особый богъ, почитавшійся въ образѣ тельца; быть можетъ, то былъ Молохъ, такъ какъ онъ изображался съ головой быка. Лишь впослѣдствіи это божество слилось съ Iahwe. Съ другой стороны, мы не должны забывать, что Фразеръ показалъ уже, какъ священное животное начинаетъ считаться воплощеніемъ и представителемъ божества, которому оно первоначально приносится въ жертву. И все-таки окончательно вопросъ этотъ удастся выяснить впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ нашемъ изслѣдованіи.

Второе животное, также почитавшееся въ видѣ металлическаго изображенія,—змѣя, извѣстная намъ изъ библейскихъ разсказовъ подъ именемъ «мѣднаго змѣя». Культъ змѣй существовалъ безпрерывно до Езекіи*),

*) См. II Цар. 18, 4.—Іеговисты передали о «мѣдномъ змѣѣ» и тѣмъ связали его съ личностью Моисея. Между тѣмъ, въ изображеніи пророка выступаетъ наружу именно языческій характеръ поклоненія змѣѣ.

ибо, по сообщенію св. Писанія, тогда подъ давленіемъ культа Iahwe, было разбито изображеніе змѣи. Мимоходомъ замѣчу, что очковая змѣя была однимъ изъ священнѣйшихъ животныхъ въ Египтѣ.

Такъ изъ-подъ покрова іеговизма, выступаютъ туманные образы того малоизвѣстнаго пантеона, въ которомъ около VIII в. до Р. X. Iahwe былъ самымъ важнымъ божествомъ. Я говорю «важнѣйшій», ибо культъ Iahwe долгое время занималъ по отношенію къ культу Вааловъ враждебную позицію.

Но кто же былъ этотъ Iahwe, котораго іудеи въ глубокой древности называли «богомъ Израиля»? Если мы будемъ разсматривать его, какъ золотого тельца», либо, какъ бога свѣта, огня, или солнца, то, мнѣ кажется, мы будемъ говорить о понятіяхъ позднѣйшаго времени, аналогичныхъ символическимъ представленіямъ египетской мистики. Для вѣрнаго пониманія древнѣйшаго Iahwe наиболѣе продуктивно прослѣдить нѣкоторыя изъ тѣхъ библейскихъ мѣстъ, которыя посвящены изображенію его дѣятельности и аттрибутовъ.

Въ сказочныхъ легендахъ о раннихъ сношеніяхъ Iahwe съ іудеями говорится, что Богъ явился Авраму въ Харанѣ и обѣщалъ «сдѣлать его отцомъ множества народовъ». (Быт. 12, 2). Далѣе, Авраамъ жалуется на отсутствіе наслѣдника и говоритъ Iahwe: «Ты не далъ мнѣ потомства». Тогда «Iahwe» вывелъ его въ поле и сказалъ: «посмотри на небо и сосчитай звѣзды, столько у тебя будетъ потомковъ» (Быт. 15, 2—5). Подобныя обѣщанія плодородія постоянно повторяются Аврааму: «Я весьма расположу тебя». (Бытіе 17, 6); «Ты будешь отцомъ множества народовъ». (Iв. 17, 5); «цари произойдутъ отъ тебя». (Iв. 17, 6); «ибо Я сдѣлалъ тебя отцомъ многихъ народовъ». Сарра также станетъ «матерью народовъ и цари произойдутъ отъ нея». «И Измаила благословилъ Я; возвращу его и весьма размножу его; 12 князей родятся отъ него, и Я произведу отъ него великій народъ». (Быт. 17, 20). Iahwe постоянно повторяетъ эти благословенія Исааку, Іакову, а также и всей ихъ семьѣ: «Я хочу умножить сѣмя твое, какъ звѣзды небесныя и какъ песокъ морской». Во всѣхъ этихъ мѣстахъ, какъ и во многихъ другихъ, которыя я не привожу, такъ какъ они хорошо извѣстны читателю, Iahwe изображается Богомъ роста, плодородія, производительности. Этотъ особенный характеръ Его выступаетъ и въ различныхъ отдѣльныхъ случаяхъ. Онъ былъ Богомъ, къ которому обращались безплодныя женщины, ожидая отъ Него, какъ особаго благословенія, сына для правильнаго поддержанія культа предковъ. И въ позднѣйшей поэзіи мы находимъ слѣды именно такого пониманія Iahwe. «Онъ даетъ семью безплоднымъ женамъ и дѣлаетъ ихъ радостными матерями дѣтей» говоритъ Псалмопѣвецъ. Съ древнѣйшихъ временъ и до послѣднихъ минутъ въ іудейскомъ сказаніи сохранилось такое представленіе Iahwe. Сарра была до поздней старости бездѣтна, но Iahwe далъ ей сына. А Исаакъ «молился Богу о женѣ своей, потому что она была безплодна; и Господь услышалъ его, и зачала Ревекка, жена его». (Быт. 25, 21). Далѣе, «когда Iahwe увидѣлъ, что Лія не любима, онъ отверзъ утробу ея, а Рахиль была неплодна». (Быт. 29, 31). Въ разсказѣ о Самсонѣ мы видимъ, что жена Маная не имѣла дѣтей, но ангелъ Iahwe явился ей и сказалъ: «вотъ ты неплодна и не рождаешь, но зачнешь и родишь сына». (Судьи 13, 3). Объ Аннѣ мы знаемъ, что Iahwe «закрылъ утробу ея». Она молилась поэтому у алтаря Его въ Siloh, чтобы Онъ оказалъ ей милость и далъ ребенка. «Господь вспомнилъ ее», и она родила Самуила. А послѣ посѣтилъ Iahwe Анну, и зачала она и родила трехъ сыновей и двухъ дочерей. (Сам. 1 и 2 гл.). Все это повторяется много разъ и повсюду подчеркивается, что Iahwe—Богъ размноженія, дарующій потомство.

«Дѣти—наслѣдство Iahwe; Онъ даритъ ихъ людямъ», говоритъ позднѣйшій поэтъ. «Жена твоя будетъ плодородна, какъ виноградная лоза», говоритъ Iahwe своимъ поклонникамъ устами поэта, а дѣти твои да сидятъ вокругъ стола твоего, какъ оливковыя деревья». Повсюду повторяется обѣщаніе, что потомки Авраама, Іакова, Исаака и Измаила будутъ многочисленны, какъ «звѣзды небесныя и песокъ морской». Такимъ образомъ, вездѣ Iahwe изображается Богомъ потомства. Но Онъ властенъ не только надъ человѣкомъ; плодородіе скота также зависитъ отъ Него. Если Израиль будетъ повиноваться Iahwe, говоритъ авторъ второзаконія, то Iahwe «дастъ тебѣ обиліе дѣтей, скота и урожай земной», если же нѣтъ, то «будутъ прокляты твое потомство, плоды твоей земли и приплодъ твоихъ коровъ и овецъ».

На всемъ земномъ шарѣ мы находимъ цѣлый классъ фаллическихъ божествъ, которыя считаются подателями плодородія. Къ нимъ направляются молитвы и жертвы безплодныхъ женщинъ. При чемъ слѣдуетъ отмѣтить, что почти всегда эти божества изображаются въ видѣ каменныхъ столбовъ или прямыхъ монолитовъ. Величайшій богъ Индіи, которому поклоняется весь народъ—Mahadeo *); а Mahadeo, какъ мы знаемъ,—каменный цилиндръ, къ которому обращаются женщины съ молитвами о дарованіи дѣтей. Въ Западной Европѣ есть священные камни, на которыхъ теперь стоятъ кресты; у нихъ еще до сихъ поръ молятся бездѣтныя женщины Богу и Дѣвѣ-Маріи или мѣстному святому. Если принято думать, что обелискъ обозначаетъ солнечный лучъ, то съ другой точки зрѣнія можно утверждать, что онъ является «символомъ производительныхъ силъ природы». И такъ, мы можемъ заключить, что прямые каменные столбы уже въ древности не только ставились, какъ могильные памятники, но и служили мистической эмблемой рожденія. Если мы вспомнимъ, что камни часто отождествлялись съ предками, то, быть можетъ, скорѣе поймемъ основаніе такого взгляда.—«Отъ этихъ камней происходимъ всѣ мы» мыслилъ первобытный человѣкъ,—«это наши предки, а потому они даруютъ дѣтей и производятъ поколѣнія людей; значитъ они есть истинные боги потомства и плодородія».—Вездѣ и всегда прямой камень разсматривается, какъ божество плодородія.

Существовало ли такое пониманіе каменныхъ столбовъ въ Палестинѣ, у семитическихъ народовъ? Повидимому, да.—Майоръ Кондеръ, взгляды котораго по этимъ вопросамъ достойны вниманія, говоритъ относительно ханаанеянъ:—«Конусообразный менгиръ по всей Сиріи служилъ символомъ боговъ-представителей плодородія. Онъ ставитъ эти памятники съ индійскимъ культомъ Linga и прибавляетъ, что Шапленъ нашелъ подобный культъ вблизи Тиверіадскаго озера. Лукіанъ называетъ обѣ колонны Гіеропольскаго храма phalli». Тотъ же Кондеръ говоритъ: «Главнымъ символомъ, почитавшимся въ храмахъ финикіянъ, была колонна или конусъ, которымъ поклоняются, вообще, всѣ дикія племена: дравиды, арабы, кельты и готентоты».

Хотя и не вполнѣ доказано, но весьма вѣроятно, что Iahwe былъ именно такимъ богомъ-камнемъ. Уже раньше я указалъ на это, и не хотѣлъ бы повторяться. Но я все-таки считаю необходимымъ привести еще нѣкоторые доводы въ пользу моего мнѣнія. Если большинство боговъ какого-нибудь народа почти всегда изображается въ видѣ камней, то пока недоказано противное, можно допустить, что каждый богъ въ отдѣльности также воплощался въ камнѣ. Кромѣ того, мы имѣемъ свидѣтельства языка

---

*) Въ Индіи весьма распространенъ культъ фаллическаго божества—Mahadeo. Символомъ производительности природы служитъ—Lingam. Культъ этого Lingam называется «Lingapuje» и заключается въ цѣломъ рядѣ особыхъ церемоній. См. Wurm, Geschichte der indischen Religion. Basel. 1874.

и поэзіи, правда, того времени, когда самый богъ-камень исчезъ уже, свидѣтельства, говорящія, что въ сознаніи народа Iahwe продолжалъ еще жить въ формѣ камня, хотя бы и въ метафорическомъ смыслѣ. «Онъ-твердыня (собств. *скала*)», говоритъ авторъ книги Второзаконія въ пѣснѣ, вложенной въ уста Моисея «вѣдь имя Iahwe я призываю; воздайте славу Богу нашему». Въ такъ называемомъ гимнѣ Давида (II кн. Сам. 22) мы находимъ слѣдующія выраженія «Iahwe—твердыня моя (соб. *скала*), крѣпость моя и Избавитель мой», «Богъ твердыни моей, на которую я полагаюсь», и др. Въ псалмахъ мы имѣемъ аналогичные тексты: «Iahwe—моя твердыня и моя крѣпость».—Гдѣ есть Богъ, кромѣ Iahwe, и гдѣ твердыня, кромѣ Бога нашего?».—«Онъ, Iahwe, поставилъ ноги мои на твердыню и снарядилъ меня въ путь». «Приведи меня къ твердынѣ, которая выше меня». «Iahwe—защита моя и мой Богъ—твердыня прибѣжища моего». «Пойте пѣснь Iahwe, веселитесь во славу твердыни нашего Спасителя» и др.

Но для древнихъ израильтянъ ихъ Богъ былъ просто предметомъ—камнемъ или чѣмъ-нибудь инымъ, хранившимся въ ящикѣ, который долго стоялъ въ Siloh (Силоамѣ), а позднѣе былъ помѣщенъ въ храмѣ, въ Іерусалимѣ. Изложенныя въ книгахъ Судей, Самуила и Царей древнѣйшія іудейскія традиціи ясно показываютъ, что по общему вѣрованію Iahwe жилъ въ этомъ ящикѣ, перевозившемся съ мѣста на мѣсто.

То же говорятъ и разсказы священнаго Писанія о сраженіи съ филистимлянами у Эбенъ-Эзеръ, о паденіи Дагона передъ соперникомъ, о странствованіяхъ ковчега, о возвращеніи его къ Израилю, о перевезеніи его въ Іерусалимъ, о построеніи Соломономъ храма. «Кто можетъ стоять передъ Iahwe, симъ святымъ богомъ?»—спрашивали жители Бетшемеша, послѣ того какъ нѣкоторые изъ нихъ попытались заглянуть въ ковчегъ и были наказаны «богомъ-ревнителемъ» (книга Самуила, VI, 19—22).

Здѣсь необходимо отмѣтить два слѣдующихъ важныхъ обстоятельства. Во-первыхъ, подобные ящики (ковчеги) употреблялись въ Египтѣ для сохраненія священныхъ предметовъ или изображеній боговъ. Во-вторыхъ, въ тотъ періодъ, когда израильтяне были въ рабствѣ въ Египтѣ, тамъ правила ѳиванская династія, а потому въ странѣ было сильно распространено почитаніе великаго фаллическаго божества Ѳивъ-Кема.

Теперь возникаетъ вопросъ, встрѣчается ли, вообще, у какого-нибудь народа обычай храненія каменнаго столба—величайшей святыни—въ ящикѣ или въ храмѣ. Кондеръ привелъ нѣкоторые примѣры, позволяющіе отвѣтить утвердительно на поставленный вопросъ. Кромѣ того, мы имѣемъ доказательства и изъ другихъ источниковъ. Каменный конусъ, изображавшій на Кипрѣ Афродиту, сохранялся въ храмѣ въ особомъ ящикѣ. Если читатель вспомнитъ, что я говорилъ о развитіи идоловъ изъ вертикальныхъ menhir'овъ, то онъ яснѣе представитъ себѣ положеніе дѣла. «Кхонди и другія не-арійскія племена Индіи—говоритъ Кондеръ—строятъ для помѣщенія святыни храмы изъ грубыхъ камней, которые выкрашены въ красный цвѣтъ, что является пережиткомъ обычая мазать менгиры жертвенной кровью. У индусовъ каменный столбъ—лингемъ; таковы же были столбы финикіянъ». Благодаря Павсанію мы знаемъ, что въ святая-святыхъ всѣхъ храмовъ эллинскихъ городовъ хранились грубые безформенные камни. Можно принять за правило, что во всѣхъ священныхъ мѣстахъ главнымъ объектомъ культа служилъ камень.

Въ культѣ Iahwe слѣдуетъ указать одинъ очень интересный моментъ. Iahwe не только желаетъ человѣческихъ жертвъ, но онъ требуетъ себѣ все первородное, хотя и даруетъ жизнь дѣтямъ первенцамъ за извѣстный выкупъ. На человѣческихъ жертвоприношеніяхъ мнѣ незачѣмъ долго останавливаться; это необходимый элементъ всякаго семитическаго культа, и

существованіе ихъ у древнихъ израильтянъ предполагается всѣми нетенденціозными учеными. Разсказы о томъ, какъ Самуилъ «разсѣкъ Агага передъ Iahwe въ Галгалѣ» (I книга Самуила XV, 33),—или сказаніе о дочери Iевфая, принесенной въ благодарственную жертву за побѣду надъ врагомъ, могутъ, конечно, подвергаться критикѣ въ смыслѣ ихъ исторической достовѣрности; но они служатъ прекрасной характеристикой воззрѣній и нравовъ древнѣйшихъ почитателей Iahwe. Аналогиченъ библейскій разсказъ о жертвоприношеніи Исаака, который искупляется лишь въ послѣдній моментъ и то, вѣроятно, для того, чтобы Iahwe могъ сдержать обѣщаніе—«произвести отъ него тысячи народовъ». Далѣе, царь Давидъ пытается умилостивить Iahwe принесеніемъ въ жертву семи потомковъ Саула (II книга Самуила XXI, 6—9). Пророкъ Михей говоритъ: «развѣ я дамъ Ему первенца моего за преступленіе мое, плодъ чрева моего—за грѣхъ души моей?» Это мѣсто показываетъ, что во время Михея случаи принесенія въ жертву старшаго сына были довольно часты.

Переходъ отъ человѣческихъ жертвоприношеній къ обрѣзанію вполнѣ естественъ и понятенъ. Промежуточной формой является требованіе Iahwe первенцовъ, но уже не въ качествѣ жертвъ, а лишь рабовъ. Многіе законы выражаютъ въ конкретныхъ формахъ эти требованія. Животныя приносятся въ жертву; люди, по крайней мѣрѣ, въ позднѣйшее время, становятся назореями *), а иногда искупаются жертвой или деньгами. Но, несомнѣнно, что въ глубокой древности каждый первый ребенокъ, дѣйствительно, убивался. Изъ любопытной легенды о Моисеѣ и женѣ его Циппорѣ мы видимъ, въ какомъ отношеніи находится этотъ обычай къ обрѣзанію. Iahwe хочетъ убить Моисея, такъ какъ онъ не принесъ въ жертву своего ребенка; но Циппора беретъ ножъ, обрѣзаетъ сына и тѣмъ спасаетъ мужа. Какъ мнѣ кажется, эта легенда (очень древняя) гораздо лучше объясняетъ происхожденіе обрѣзанія, чѣмъ разсказъ о «завѣтѣ Iahwe» съ Авраамомъ. Обрѣзаніе, повидимому, было извѣстной кровавой жертвой Iahwe—богу рожденія; жертвой, которая по своей сущности является искупленіемъ и можетъ быть приравнена къ другимъ формамъ уродованія тѣла. Вопросу о происхожденіи обрѣзанія удѣлилъ много мѣста Спенсеръ въ сочиненіи «Ceremonial Institutions».

Но почему позднѣйшіе іудейскіе писатели думали, что предметъ, скрытый въ ковчегѣ, не есть фаллическій камень, а «десять заповѣдей», переданныхъ Iahwe Моисею? Трудно дать удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Я попытаюсь все-таки разъяснить это явленіе. Въ то время, когда воззрѣнія іудеевъ на Iahwe стали чище и возвышеннѣе, они стали стыдиться своего древняго культа камня. Зная, что въ ковчегѣ хранился какой-то камень, они предполагали, что на немъ находится текстъ «десяти заповѣдей»—союза Iahwe и израильтянъ. Поэтому, вѣроятно, и замѣнили древнее и понятное названіе «ящикъ Iahwe» новымъ—«ковчегъ завѣта». Возможна и такая гипотеза. Финикійцы ставили на могилахъ конусообраные камни, содержавшіе различныя надписи объ умершихъ. Предполагалось, что и Iahwe былъ когда-то именно такимъ древнимъ камнемъ, также снабженнымъ надписью. Эта надпись и толковалась впослѣдствіи какъ «десять заповѣдей».

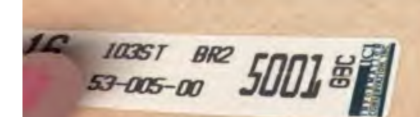
Разсмотрѣвъ съ сравнительно-антропологической точки зрѣнія весь имѣющійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ, мы можемъ установить слѣдующія положенія. Древнѣйшей религіей Израиля былъ многообразный

*) Назорей (евр. nazir), собственно значитъ «отдѣленный», «посвященный». Назореи не должны были стричь волосъ, ни пить вина, ни ѣсть мяса. Въ Ветхомъ Завѣтѣ назореями были Самсонъ, Самуилъ и др. Въ Нов. Зав.—Іоаннъ Креститель и, вѣроятно, ап. Павелъ (См. Дѣянія, 18).

политеизмъ, покоившійся, подобно всѣмъ другимъ системамъ на семейномъ и родовомъ культѣ предковъ. Нѣкоторыя божества изображались въ видѣ животныхъ; другіе были человѣкоподобны. Большая же часть почиталась въ образѣ священныхъ камней, деревьевъ или деревянныхъ конусовъ. По своему характеру, почти всѣ боги—семитическаго происхожденія; они общи Израилю, его сосѣдямъ и родственнымъ племенамъ. Вслѣдствіе столкновенія съ египетской цивилизаціей произошли, однако, нѣкоторыя измѣненія въ іудейскомъ культѣ; во всякомъ случаѣ, египетское вліяніе сказалось въ томъ, что нѣкоторыя божества вытѣснились болѣе крупными. Особеннымъ богомъ Израиля сталъ Iahwe. Какъ народный богъ, онъ былъ, вѣроятно, древнимъ предкомъ какого-нибудь знатнаго рода. Преданіе совершенно правильно полагаетъ, что Iahwe (если и не исключительно) почитался израильтянами задолго до, такъ называемаго, египетскаго рабства, и вполнѣ вѣрно относитъ ростъ и распространеніе его культа къ періоду исхода изъ Египта. Во время долгаго странствованія по пустынѣ евреи всюду возили съ собой Iahwe или его грубое изображеніе, хранившееся въ особомъ ящикѣ. Идоломъ Iahwe былъ, вѣроятно, конусообразный каменный столбъ, который мы можемъ считать могильнымъ памятникомъ какого-то обожествленнаго предка. Слово Iahwe—имя или эпитетъ этого предка. Если самое слово «Iahwe» не семитическое, а ханаанское, и обозначаетъ имя какого-то мѣстнаго бога (какъ полагаетъ Колензо), то все-таки примѣненіе его къ священному іудейскому камню служитъ примѣромъ постояннаго стремленія всякаго народа уподобить своихъ боговъ богамъ сосѣдей. Самый камень былъ окруженъ мистической тайной, и никто изъ смертныхъ не могъ его видѣть. Iahwe приносились человѣческія и иныя жертвы такъ же, какъ другимъ богамъ—его товарищамъ, ставшимъ позднѣе ненавистными соперниками. Подобно другимъ священнымъ камнямъ конусообразной формы, идолъ Iahwe считался символомъ производительныхъ силъ природы. Обрѣзаніе первоначально являлось самопожертвованіемъ человѣка для Iahwe и совершалось добровольно, или въ качествѣ искупительнаго средства, но съ возрастаніемъ могущества и единства Iahwe оно превратилось въ отличительный признакъ «избраннаго народа».

Такова религія древняго Израиля, таковъ его богъ—Iahwe. Изъ подобнаго грубаго божества—священнаго камня дикаго народа, развился постепенно Владыка-Богъ позднѣйшаго іудейства и христіанства. Iahwe Авраама, Исаака и Іакова превратился въ вѣчную, всемогущую, всевѣдующую, святую силу, въ самое возвышенное и духовное божество, до котораго только могло дойти человѣчество. Въ слѣдующей главѣ мы и разсмотримъ тотъ долгій и медленный процессъ, вознесшій Iahwe на недосягаемую высоту, процессъ, въ которомъ параллельно шли и дѣйствовали соединеніе и отборъ, духовный мистицизмъ и народное совершенствованіе, этическія силы и порывы творческой фантазіи.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

1035T BR2
53-005-00
5001

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004

